

Годсгрейв

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА
«НЕНОЧЬ»

18+

ДЖЕЙ КРИСТОФФ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ THE NEW YORK TIMES

Хроники Неночи

Джей Кристофф

Годсгрейв

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31 (94)

ББК 84(8Авс)-44

Кристофф Д.

Годсгрейв / Д. Кристофф — «Издательство АСТ»,
2017 — (Хроники Неночи)

ISBN 978-5-17-113377-1

Мия Корвере стала ассасином и обрела свое место среди клинков Матери Священного Убийства, однако ничуть не приблизилась к желанной цели – возмездию. Когда по стране расходится весть о том, что ее смертельные враги появятся в финале грандиозных игр в Годсгрейве, Мия продает себя в коллегия гладиаторов – ради возможности прикончить злодеев. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.111-31 (94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-113377-1

© Кристофф Д., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Dramatis personae[1]	7
Книга 1	11
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	57
Глава 7	67
Глава 8	75
Глава 9	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Джей Кристофф Годсгрейв

Jay Kristoff
GODSGRAVE

Copyright © 2017 by Neverafter PTY LTD. All rights reserved.

Печатается с разрешения литературных агентств Adams Literary и Andrew Nurnberg.

Jacket design by Young Jin Lim

Jacket illustration by Jason Chan

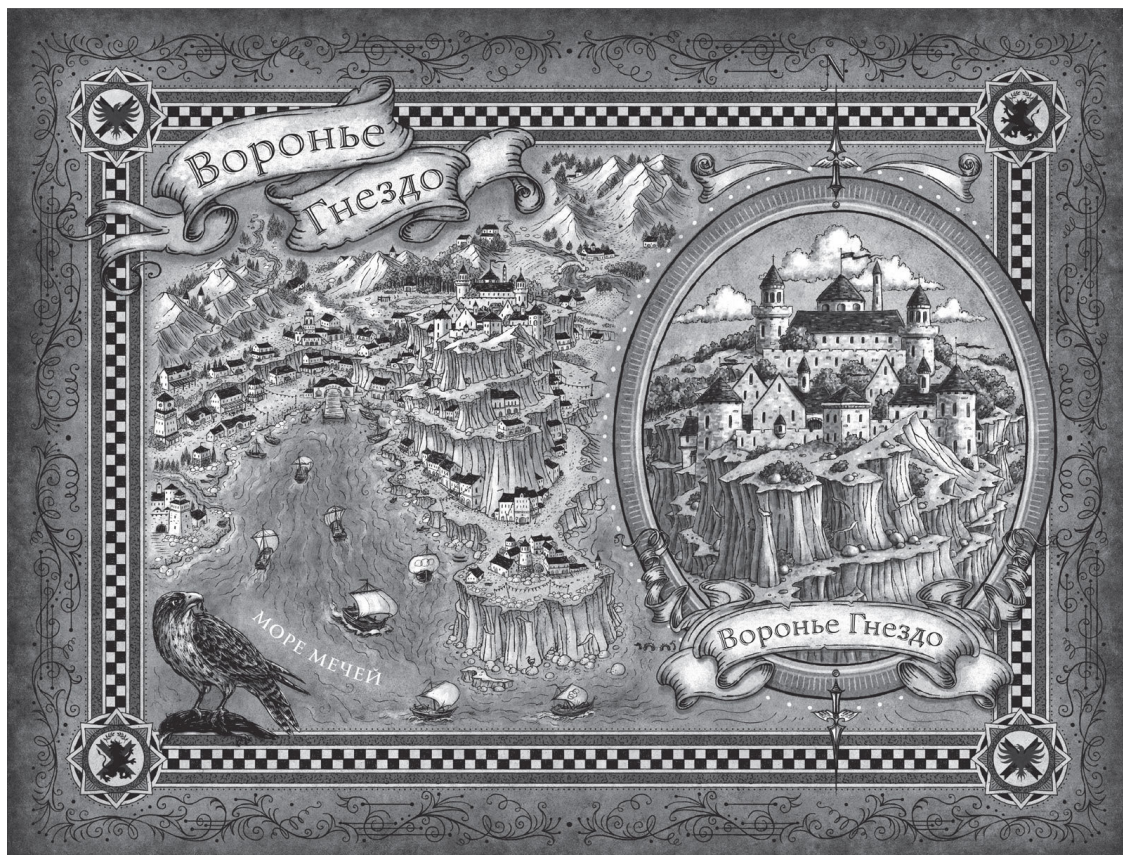
Серия «Миры Джея Кристоффа»

© А. Харченко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Моим врагам
Без вас я бы не справился*

Доброй вам перемены, дорогие друзья. Рад снова вас видеть.

Признаться, я соскучился за время нашей разлуки. И теперь, когда мы снова вместе, я мог бы просто поприветствовать вас улыбкой и позволить погрузиться в историю об убийствах и мести, расцветенную вспышками изысканно написанной похабщины. Но прежде чем мы вместе скользнем между страниц этой книги, я должен честно вас предупредить.

Память – предательница, врунья и никчемная мошенница. И хоть персонажи нашей драмы, несомненно, навеки оставили отпечаток на вашей психике, порой нам приходится считаться с низшими среди вас, смертных.

Так что, может, освежим память?

Dramatis personae¹

Мия Корвере – убийца, воровка и героиня нашей истории – если в нашей истории вообще можно назвать кого-то героем. Ее отец, Дарий Корвере, был повешен по приказу итрейского Сената, и, поклявшись отомстить, Мия стала последовательницей самого опасного культа ассасинов в республике – Красной Церкви.

Хотя Мия провалила испытания, ее посвятили в Клинки (читай: в ассасины) после того, как она спасла духовенство Церкви во время атаки люминатов.

Мия наполовину итрейка, наполовину лиизрианка. А еще даркин – тот, кто может управлять самой тьмой. Она имеет лишь небольшое представление о своей силе, а единственный даркин, которого она когда-либо встречала, умер прежде, чем смог дать ей желанные ответы.

Трагично, я знаю.

Мистер Добряк – демон, спутник или фамилляр (смотря кто спрашивает), созданный из теней и поглощающий страх Мии. В детстве он спас ей жизнь и утверждает, что почти не ведает о своей истинной природе, но за ним водится привычка врать время от времени.

Он носит кошачье обличье, хотя на самом деле совсем не кот.

Эклипс – еще один демон из теней, принявший облик волчицы. Эклипс была спутником лорда Кассия, бывшего главы Красной Церкви. Когда Кассий погиб во время нападения люминатов, Эклипс последовала за Мией.

Как и большинство собак и кошек, они с Мистером Добряком не ладят.

Старик Меркурио – до поступления Мии в Красную Церковь был ее учителем и доверенным лицом. На протяжении многих лет он и сам служил Клинком, но ныне отошел от дел и живет в Годсгрейве. Старый итреец владеет сувенирной лавкой и работает информационным посредником, а также ищет новобранцев для слуг Черной Матери.

Под тремя солнцами не бывало более ворчливого старого ублюдка.

Трик – аколит Красной Церкви, а также друг и любовник Мии. Трик был наполовину итрейцем, наполовину двеймерцем. Прежде чем Трика успели посвятить в Клинки, Эшлин Ярнхайм несколько раз пронзила ножом его сердце и столкнула юношу с Тихой горы.

Как и было обещано, после его смерти Мия убила дедушку Трика, Мечелома, короля Двеймерских островов.

Что, если задуматься, было не так уж и разумно...

Эшлин Ярнхайм – аколит Красной Церкви и бывшая близкая подруга Мии. Эш родилась в Ваане и является дочерью Торвара Ярнхайма, отставного Клинка. Чтобы отомстить за увечья, полученные им на службе Матери, он и его дети придумали план, который чуть не поставил всю Церковь на колени. Но в конечном итоге Мия раскрыла их заговор.

В процессе Осрик, брат Эш, был убит, но сама девушка сбежала.

Лучше всего чувства Эш к Мие можно описать словом... «сложные».

Наив – Десница (читай: последовательница) Красной Церкви и близкая подруга Мии, которая делает снабженческие вылазки в ашкахскую Пустыню Шепота. Когда-то ткачиха

¹ В переводе с латыни список действующих лиц (*прим. пер.*).

Мариэль, охваченная ревностью, изуродовала Наив, но впоследствии согласилась вернуть ей былую красоту, в знак благодарности Мие за ее помощь в сражении с люминатами.

Наив никогда не забывает и не прощает – одна из причин, по которой они с Мией нашли общий язык.

Друзилла – Достопочтенная Мать Красной Церкви и, невзирая на солидный возраст, одна из самых смертоносных слуг Черной Матери. Во время последнего испытания Друзилла сочла Мию непригодной для роли Клинка, и лишь после вмешательства Кассия, Лорда Клинов, девушку все же посвятили.

Эта женщина, мягко говоря, не самый ярый поклонник Мии.

Солис – шахид песен, учитель Красной Церкви по искусству стали. При их первом спарринге Мия порезала ему лицо. В отместку Солис отсек ей руку.

Как вы можете себе представить, теперь они просто не разлей вода.²

Паукогубица – пятикратная претендентка на звание «шахида, который с наибольшей вероятностью убьет своих учеников» и госпожа Зала Истин. Мия была одной из самых перспективных аколитов на ее занятиях, но когда она провалила последнее испытание Друзиллы, благосклонность Паукогубицы полностью испарилась.

Маузер – шахид карманов и мастер грабежа. Очаровательный, остроумный, и так же любит воровать, как носить женское белье. Итреец не испытывает сильной неприязни к Мие, что, по сути, делает его лидером ее фан-клуба.

Аалея – шахид масок и госпожа секретов. Говорят, в мире есть только две категории людей: те, кто влюблены в Аалею, и те, кто ее еще не встречал.

Кажется, Мия ей даже нравится.

Поразительно, правда?

Мариэль – одна из двух колдунов-альбиносов на службе у Церкви. Мариэль – мастерица древней ашкахской магии кожеплетения и может лепить плоть и мышцы, как если бы те были глиной. За такую силу взимается слишком высокая плата – на ее собственную плоть страшно смотреть, но она ничего не может с этим поделать.

Мариэль ко всем безразлична, кроме своего брата Адоная, к которому, пожалуй, даже слишком безразлична.

Адонай – второй колдун, который служит в Тихой горе. Он крововещатель, манипулирует кровью людей. Благодаря способностям сестры Адонай не имеет себе равных по красоте. Стоит, однако, напомнить одну поговорку о содержании книг и их обложках...

Элиус – летописец Тихой горы, поддерживающий хоть какое-то подобие порядка в великой читальне Красной Церкви.

Как и все остальное в библиотеке Наи, Элиус мертв.

Кажется, он испытывает двойственные чувства по этому поводу.

Тишь – бывший аколит, а ныне полноправный Клинок Красной Церкви. Он никогда не разговаривает и общается посредством языка жестов, известного как «безъязыкий».

² Да, дорогие друзья, это был сарказм. Признайтесь, вы скучали по мне, не так ли?

Итреец помог Мие в одном из испытаний, но утверждает, что они не друзья.

Джессаминна Грациана – аколит из паствы соучеников Мии, которая не стала Клинком. Она дочь Маркина, итрейского центуриона, повешенного за преданность отцу Мии, Дарию «Царетворцу» Корвере. Джесс винит его, а следовательно, и саму Мию в смерти своего отца – хотя, по правде говоря, у девушек много общего.

Например, желание выпотрошить консула Юлия Скаеву, как свинью.

Юлий Скаева – трижды избранный консул итрейского Сената. Сохраняет за собой должность еще с Восстания Царетворцев, произошедшего шесть лет назад. Обычно этот пост занимают два человека и в течение только одного срока, но, похоже, к Скаеве эти правила не относятся.

Он руководил казнью отца Мии и приговорил ее мать и младшего брата к смерти в Философском Камне. А еще приказал утопить Мию в канале.

Согласен, тот еще мудака.

Франческо Дуомо – великий кардинал Церкви Света и самый могущественный член духовенства Всевидящего. Он выносил приговор мятежникам вместе со Скаевой и Ремом.

Дуомо – правая рука Аа на этой земле. Мия начинает биться в агонии от одного вида реликвии, освященной человеком его веры.

Поэтому прирезать этого сукиного сына довольно проблематично.

Судья Марк Рем – бывший судья легиона люминатов и предводитель атаки на Тихую гору. Во время кульминационного противостояния с Мией Рем отпускал довольно неоднозначные замечания в адрес ее брата Йоннена.

Но прежде чем итреец смог объясниться, Мия его заколола.

Чем он был очень недоволен.

Алинне Корвере – мать Мии. Алинне родилась в Лиизе, но позже заняла видное место среди итрейской знати. Она была гением политики и уважаемой донной с железной волей. После неудавшегося восстания мужа ее и их малолетнего сына заключили в Философский Камень, где она умерла, охваченная горем и безумием.

Да, мне она тоже нравилась.

Дарий «Царетворец» Корвере – отец Мии и бывший судья легиона люминатов. Дарий заключил союз с генералом Гаем Максимином Антонием с целью сделать последнего королем. Вместе два итрейца собрали армию и двинулись с войском в столицу, но обоих схватили накануне битвы. Без лидеров армию быстро разгромили. Воины были распяты, а самого Дария повесили рядом с несостоявшимся королем Антонием.

Так близко, что они почти могли соприкоснуться.

Йоннен Корвере – брат Мии. Несмотря на то, что во время восстания отца он был еще младенцем, Юлий Скаева приказал заточить его в камере вместе с матерью. Мальчик умер прежде, чем Мия успела его спасти.

Аа – Отец Света, также известный как Всевидящий. Три солнца – Саан (Провидец), Саай (Знатор) и Шиих (Наблюдатель) – это его глаза. В небе почти постоянно светит одно или два из них, а посему настоящая ночь, или же истинотьма, наступает всего на одну неделю каждые два с половиной года.

Аа щедрый бог, великодушный к своим подданным и милосердный к врагам. И если вы в это верите, дорогие друзья, то вам все что угодно можно впарить.

Цана – Леди Огня, Та-Кто-Испепеляет-Грехи, Непорочная, покровительница женщин и воинов, первая дочь Аа и Наи.

Кеф – Леди Земли, Та-Кто-Вечно-Дремлет, Очаг, покровительница мечтателей и глупцов, вторая дочь Аа и Наи.

Трелен – Леди Океанов, Та-Кто-Изопьет-Мир, Судьба, покровительница моряков и негодяев, третья дочь Аа и Наи и сестра-близнец Налипсы.

Налипса – Леди Бурь, Та-Кто-Помнит, Милосердная, покровительница целителей и предводителей, четвертая дочь Аа и Наи и сестра-близнец Трелен.

Ная – Мать Ночи, Леди Священного Убийства, также известная как Пасть, сестра и жена Аа. Ная правит той частью потустороннего, что лишена света и зовется Бездной. Изначально они с Аа делили власть над небесами на равных условиях. Ная получила от мужа наказ рожать только дочерей, но впоследствии ослушалась Аа и понесла ему сына. В наказание муж изгнал ее с небес, позволив возвращаться лишь на короткий период времени каждые пару лет.

Вы спросите, что же стало с их сыном?

Как я уже говорил, дорогие друзья, это вы узнаете потом.

Волк не жалеет ягненка.

Буря не молит утопших о прощении.

Мантра Красной Церкви

Книга 1

Красная клятва

Глава 1

Запах

Ничто так не смердит, как труп.

Ему требуется какое-то время, чтобы завонять. О, если вы не успели наложить в штаны перед смертью, велики шансы, что это случится после, – боюсь, так уж устроен человеческий организм. Но я имею в виду не будничную вонь дерьма, дорогие друзья. Я говорю о слезоточивом аромате обыкновенной смерти. Ему требуется пара перемен, чтобы раскошегариться, но, едва он дойдет до нужной кондиции, забыть его уже невозможно.

Прежде чем кожа трупа потемнеет, глаза мертвеца подернутся белой пленкой, а живот его вздуется, словно жуткий воздушный шарик, вы почувствуете этот запах. Приторный, он проскальзывает в горло и крутит вам желудок, словно маслобойка. По правде говоря, мне кажется, он вызывает к чему-то первобытному в смертных. К той части разума, что боится темноты. Которая точно *знает*, что кем бы вы ни были, что бы ни делали, однажды черви получают свое, и все, кого вы любите, умрут.

Но все же трупам нужно время, чтобы засмердеть так сильно, чтобы их можно было учуять за милю. Посему, когда Слезопийца уловила терпкий запахок, принесенный ашкахскими ветрами-шептунами, то сразу же поняла, что трупы пролежали там не меньше двух перемен.

И их, видимо, чудовищно много.

Женщина натянула поводья, останавливая верблюда, и показала кулак своей команде. Мехарист в следовавшем за ней фургоне увидел сигнал, и длинная извивающаяся цепочка каравана постепенно замедлилась. Звери плевались, ревели и топали по песку. Жара стояла просто невыносимая, два солнца опаляли небо до ослепительно голубого цвета, а пустыню вокруг – до пульсирующего красного. Слезопийца достала флягу из седла и отпила теплой воды. С ней поравнялся Цезаре, ее правая рука.

– Неприятности? – поинтересовался он.

Слезопийца кивнула на юг.

– Похоже на то.

Как и весь ее народ, двоймерка была высокой – два метра ростом, в каждом сантиметре сплошные мышцы. Кожа у нее была смуглая, лицо украшали замысловатые татуировки, присущие всем жителям Двоймерских островов. Бровь, молочно-белый левый глаз и щеку рассекал длинный шрам. Женщина была одета как мореплательница: носила треуголку и старый капитанский сюртук. Но бороздила она океаны из песка, а единственной палубой ей служил пол фургона. Много лет назад, после кораблекрушения, погубившего всю ее команду и груз, Слезопийца решила, что Мать Океанов от души ее ненавидит.

С тех пор она путешествовала только по пустыне.

Капитан прикрыла глаза от ярких солнц и, сощурившись, всмотрелась вдаль. Вокруг бесновались ветры-шептуны, от которых волоски на шее вставали дыбом. До Висельных Садов оставалось еще семь перемен, да и работорговцы часто пользовались этим маршрутом даже в глубоколетье. Однако близился истиносвет, в небе уже пылали два солнца, и двоймерка надеялась, что в пустыне будет слишком жарко для драмы.

Но эту вонь было ни с чем не спутать.

– Доггер! – крикнула она. – Граций, Лука, берите оружие и идите за мной. Пылеход, продолжай играть железную песнь. Если кракены сожрут мою задницу, я вернусь из бездны и сожру *тебя*.

– Да, капитан! – ответил крупный двоемерец.

Он повернулся к приспособлению из железных труб, привинченному к последнему фургону в караване, взял большую трубу и начал молотить по нему, как по непослушному псу. Диссонирующая мелодия железной песни присоединилась к сводящему с ума шепоту, дующему с севера пустыни.

– А как же я? – спросил Чезаре.

Слезопийца улыбнулась своему помощнику.

– Ты слишком симпатичный, чтобы тобой рисковать. Оставайся здесь. Присмотри за товаром.

– Они плохо переносят жару.

Женщина кивнула.

– Полей их водой, пока ждешь. Разреши немного размять ноги. Но далеко не отпускай. Это плохое место для прогулок.

– Да, капитан!

Чезаре слегка приподнял шляпу, а Доггер, Граций и Лука подъехали на верблюдах к Слезопийце. Невзирая на жару, все они были в плотных кожаных безрукавках, а Доггер с Грацием закинули на себя еще и тяжелые арбалеты. Лука вооружился оточенными клинками; как обычно, в уголке его рта дымилась сигарилла. Лиизианцы считали, что стрелы для слабаков, и Лука достаточно хорошо орудовал своими клинками, чтобы Слезопийца не возражала против них. А вот как он мог курить в такой зной, она не могла понять.

– Рты на замок и смотрите в оба, – приказала двоемерка. – Давайте разберемся с этим побыстрее.

Четверка двинулась по каменистой пустоши. С каждой секундой смрад усиливался. Люди Слезопийцы были самыми матерыми мерзавцами, каких только можно найти, но даже сильнейшие из нас рождены с обонянием. Доггер поочередно прижал палец к каждой ноздре и хорошенько высморкался, проклиная Аа и всех четырех дочерей. Лука прикурил новую сигариллу, и Слезопийца испытала соблазн попросить у него затынуться, чтобы перебить запах, и плевать на треклятую жару.

Мили через две они обнаружили обломки.

Караван был небольшой: всего два фургона и четыре верблюда, вздувшихся под солнцами. Двоемерка кивнула своим людям, и те спешили, чтобы осторожно осмотреть место крушения, держа оружие наготове. В воздухе жужжал гимн крошечных крылышек.

Судя по всему, здесь произошла резня. Песок и фургоны усеивали стрелы. Слезопийца увидела брошенный меч. Сломанный щит. Широкие мазки запекшейся крови, напоминавшие каракули безумца, и лихорадочный танец следов вокруг трупов, жарящихся на солнцах.

– Работоторговцы, – пробормотала она. – Пару перемен назад.

– Ага, – кивнул Лука, затягиваясь сигариллой. – Похоже на то.

– Капитан, мне бы не помешала помощь, – крикнул Доггер.

Слезопийца обошла мертвых животных, отмахиваясь от стайки мух, и увидела Доггера. Тот держал арбалет, но не целился, его вторая рука поднялась в успокаивающем жесте. И хоть он был из тех людей, кто перерезает глотки, беспокоясь только о том, как бы не запачкать себе ботинки, мужчина говорил ласково, словно с перепуганной кобылой.

– Тише, тише, – ворковал он. – Полегче, милая...

Песок пропитался кровью, бурым пятном выделявшейся на багряном фоне. Слезопийца увидела дюжину насыпей – явный признак недавно выкопанных могил. И, заглянув за плечо Доггеру, узрела, с кем он так мило разговаривает.

– Срань господняя! – пробормотала она. – Вот так зрелище.

Девчонка. Максимум восемнадцать лет. Бледная кожа, покрасневшая от солнц. Длинные черные волосы и косая челка над темными глазами. Лицо все в грязи и засохшей крови. Но двеймерка видела красоту под этой грязью, видела точеные скулы и полные губы. Девушка держала обоюдоострый гладиус со свежими зазубринами. Ее бедра и ребра были обмотаны тряпками в пятнах крови, более давних, чем те, что виднелись на тунике.

– Миленький цветочек, – прокомментировала Слезопийца.

– Н-не приближайтесь, – предупредила девушка.

– Спокойно, – сказала двеймерка. – Тебе больше не нужна сталь, барышня.

– Если позволите, это уж я решу сама, – ответила та дрожащим голосом.

Лука подкрался к ней сбоку и протянул руку. Но девушка быстро, как ртуть, развернувшись, пнула его по колену, и мужчина рухнул на песок. Ахнув, лиизианец обнаружил ее у себя за спиной, гладиус был прижат к суставу между его плечом и шеей. Его сигарилла чуть не выпала из внезапно пересохших губ.

«А она быстрая».

Глаза девушки вспыхнули, и она прорычала Слезопийце:

– Не подходите ко мне, или, клянусь Четырьмя Дочерьми, я его прикончу!

– Доггер, будь хорошим мальчиком, отойди, – скомандовала Слезопийца. – Граций, спрячь свой арбалет. Дайте юной донне немного пространства.

Слезопийца проследила, чтобы ее люди выполнили приказ, и это немного успокоило девушку. Затем двеймерка медленно сделала шаг в ее сторону, подняв руки над головой.

– Мы не желаем тебе зла, цветочек. Я просто торговка, а это – мои люди. Мы направлялись в Висельные Сады, учуяли запах трупов и пришли осмотреться. Это правда. Клянусь Матерью Трелен.

Девушка настороженно наблюдала за капитаном. Лука сморщился, когда ее лезвие царапнуло его по шее, и на гладиусе появились капельки крови.

– Что здесь произошло? – спросила Слезопийца, хотя и так знала ответ.

Девушка покачала головой, на ее глазах выступили слезы.

– Работоторговцы? – продолжила двеймерка. – В этой стране их полно.

Губа донны задрожала, и она покрепче ухватила гладиус.

– Ты путешествовала с семьей?

– С от-отцом, – с запинкой ответила та.

Слезопийца окинула девушку изучающим взглядом. Невысокая, худая, но при этом жилистая и ловкая. Она пряталась под фургонами и оторвала кусок брезента, чтобы укрыться от ветров-шептунов. Несмотря на вонь, с места резни не уходила, поскольку там хватало удовольствия, а значит, мозгов ей было не занимать. И хоть ее рука тряслась, она держала клинок так, будто знала, как с ним обращаться. Лука упал на землю быстрее, чем бельишко невесты в брачную ночь.

– Ты не дочь торговца, – заявила капитан.

– Мой отец был наемником. Он охранял караваны из Нууваша.

– И где он сейчас, Цветочек?

– Там, – ответила девушка дрогнувшим голосом. – С ост-остальными.

Слезопийца посмотрела на свежевыкопанные могилы. Может, где-то в метр глубиной. Сухой песок. Пустынная жара. Неудивительно, что место так смердело.

– А работоторговцы?

– Их я тоже похоронила.

– И чего ты тут ждешь?

Девушка посмотрела в ту сторону, откуда доносилась железная песнь Пылехода. Так далеко на юге можно было не бояться песчаных кракенов. Но железная песнь подразумевала

фургоны, а фургоны подразумевали помощь, и, похоже, оставаться тут с мертвыми не входило в ее планы, даже несмотря на могилу папашки.

– Я могу предложить тебе еду, – сказала Слезопийца. – Могу подвезти до Висельных Садов. И никаких нежелательных домогательств со стороны моих людей. Но тебе придется опустить свой меч, Цветочек. Лука не только наш охранник, но и повар. – Женщина рискнула слегка улыбнуться. – И, как сказал бы мой муж, если бы по-прежнему был среди нас, ты не захочешь, чтобы я готовила тебе ужин.

На ресницах девушки заблестели слезы, когда она вновь взглянула на могилы.

– Мы вырежем ему надгробный камень перед тем, как отчалить, – тихо пообещала Слезопийца.

Тогда слезы пролились, и лицо девушки скривилось, будто ее кто-то ударил. Она позволила клинку упасть на песок. Лука мгновенно подхватил его и, перекатившись, встал на ноги. Девушка застыла, словно перекошенный портрет, на ее лицо упала завеса из слипшихся от крови волос.

Капитан чуть не прониклась к ней сочувствием.

Она медленно пошла по пропитанному кровью песку, окутанная роем мух. И, сняв перчатку, протянула мозолистую руку.

– Меня зовут Слезопийца, – представилась женщина. – Из клана Морепиков.

Девушка протянула ей дрожащую ладонь.

– М...

Слезопийца схватила ее за запястье, развернулась на месте и перекинула через плечо. Девушка с криком рухнула на землю. Двеймерка наступила на нее, но не в полную силу – только чтобы выбить остатки сопротивления из ее легких.

– Доггер, будь хорошим мальчиком и надень на нее кандалы, – приказала капитан. – На ноги и руки.

Мужчина снял оковы с пояса и закрепил их на девушке. Та быстро пришла в себя и начала выть и брыкаться, пока Доггер ту же затягивал кандалы. Слезопийца с такой силой наступила ботинком ей на живот, что несчастная закашлялась и сплюнула в грязь. Капитан еще раз хорошенько на нее надавила – для верности, – но так, чтобы не сломать ребра. Девушка свернулась в клубок и издала протяжный стон.

– Поднимите ее, – приказала двеймерка.

Доггер и Граций поставили девушку на ноги. Слезопийца схватила ее за волосы и оттянула ей голову, чтобы взглянуть в глаза.

– Я обещала, что нежелательных домогательств со стороны моих людей не будет, и слово сдержу. Но рыпнешься еще раз, и я причиню тебе боль такими способами, которые ты сочтешь даже более нежелательными. Поняла, Цветочек?

Девушка могла только кивнуть, длинный черный локон прилип к уголку ее губ. Слезопийца подала знак Грацию, и здоровяк потащил девушку вокруг обломков фургона, а затем закинул ее на спину ревущему верблюду. Доггер уже копался в бочках и сундуках, разбросанных в песках. Лука трогал свежий порез и косился на гладиус в песке.

– Еще раз позволишь такой молокососке напасть на себя, – предупредила двеймерка, – и я оставлю тебя на растерзание гребаным пыльным призракам, усек?

– Да, капитан, – пристыженно пробормотал он.

– Помогите Доггеру собрать награбленное. Всю воду – в фургоны. Берите все, что может пригодиться и легко донести. Остальное сожгите.

Слезопийца сплюнула в песок, отмахнулась от мух, вившихся перед зрячим глазом, и направилась по окровавленной пустыне к Грацию. Женщина залезла на верблюда, и, прищипывая животных, они поскакали обратно к каравану.

Чезаре ждал их с унылым видом на месте мехариста. Но его лицо слегка прояснилось, когда он заметил девушку, стонущую в полубессознательном состоянии на горбу верблюда Грация.

– Капитан, это для меня? – спросил он. – Ой, да не стоило...

– Работоторговцы напали на торговый караван и попытались отхватить больше, чем могли прожевать, – Слезопийца кивнула на девушку. – Выжила только она. Лука и Доггер принесут оттуда воду. Проследи, чтобы ее поровну разделили между товаром.

– Еще один умер от теплового удара, – Чезаре показал пальцем на караван. – Обнаружил его, когда выпустил остальных размяться. В эту ходку мы довезем только четверть нашего товара.

Слезопийца сняла треуголку и провела рукой по влажным от пота волосам. Понаблюдала, как товар шатается вокруг своих клеток – мужчины, женщины и несколько детей – и часто моргает, щурясь от беспощадных солнц. Лишь некоторые из них были закованы – большинство так спеклись от жары, что не смогли бы сбежать, даже если бы было куда. А здесь, в ашкахской Пустыне Шепота, бежать можно только навстречу смерти.

– Не волнуйся, – ответила Слезопийца, кивая на девушку. – Взгляни на нее. Такой трофеей покроет все наши расходы, еще и на погулять останется. Одна из Дочерей нам улыбнулась. – Женщина повернулась к Грацию. – Запри ее с женщинами. Пока мы не доедем до Садов, корми ее двойной порцией. Я хочу, чтобы она выглядела свежей на торгах. Притронешься к ней не по делу, и я отрежу твои гребаные пальцы и заставлю их съесть, ясно?

Граций кивнул.

– Да, капитан!

– Возвращай всех в клетки. Мертвого оставь неупокоенным.

Чезаре и Граций принялись выполнять приказ, оставив Слезопийцу наедине со своими мыслями.

Капитан вздохнула. Через пару месяцев взойдет третье солнце. Скорее всего, это ее последняя ходка до окончания истиносвета, а божества будто сговорились поднасрать ей так, чтобы сгубить весь ее бизнес. Всего через неделю после того, как они выехали из Раммахда, вспышка кровотока погубила целый фургон с ее товаром. Юного Циско превратили в фарш, когда он пошел отлить, – вероятно, пыльный призрак, судя по останкам. А эта духота грозила уничтожить весь ее урожай еще до того, как тот попадет на рынок. Все, что ей требуется, это еще несколько перемен с прохладным ветерком. Может, кратковременный дождь. Перед отъездом Слезопийца принесла в жертву здорового молодого теленка на Алтаре Бурь в Нууваше. Но успевала ли ее Леди Налипса?

После кораблекрушения, которое чуть ее не убило, двеймерка поклялась держаться подальше от воды. Переправлять мясо по морю было рискованней, чем по суше. Но она могла поклясться, что Мать Океанов все еще пытается превратить ее жизнь в кошмар, и готова даже подключить к издевательствам свою сестру, Мать Бурь.

Ни дуновения ветерка.

Ни капельки дождя.

Как бы там ни было, этот миленький цветочек пышет здоровьем, а за ее фигурку на рынке много дадут. Найти ее здесь, да еще и не замаранную всем этим дерьмом – истинная удача. С налетчиками, работоторговцами и песчаными кракенами ашкахская Пустыня Шепота была неподходящим местом для одинокой девушки. Должно быть, Слезопийце улыбнулась одна из Дочерей, раз она успела найти ее прежде, чем это сделал кто-то другой. Или *что-то* другое.

Небывалое везение. Почти как если бы все это было подстроено заранее...

Девушку затолкали в первый фургон к другим женщинам и детям. Клетка высотой почти в два метра была сделана из ржавого железа. Пол покрывали нечистоты, а вонь потных тел и

мерзкого дыхания чуть ли не перебивала вонь от верблюжьих трупов. Здоровяк по имени Граций не отличался учтивостью, но слово капитану держал – не стал помогать, просто швырнул ее в клетку, захлопнул дверь и провернул ключ.

Девушка свернулась клубком на полу. Почувствовала на себе взгляды женщин, заметила, как с любопытством тянутся шеи мальчиков и девочек. Ребра ныли от пинков, пролитые слезы оставили дорожки на ее чумазах от грязи и крови щеках. Она попыталась успокоиться. Закрывает глаза. И просто дышала.

Наконец она почувствовала, как чьи-то руки осторожно помогают ей сесть. В клетке былолюдно, но места хватило, чтобы примоститься в уголке, прижавшись спиной к решетке. Она открыла глаза, увидела доброе, молодое и грязное лицо с зелеными глазами.

– Ты говоришь на лиизинском? – спросила женщина.

Девушка молча кивнула.

– Как тебя зовут?

– ...Мия, – прошептала она опухшими губами.

– Четыре Дочери, – охнула женщина, приглаживая ее волосы. – Как такая красивая куколочка попала в такое место?

Девушка опустила взгляд на свою тень.

Посмотрела в мерцающие зеленые глаза.

– Что ж, – вздохнула она. – В том-то и вопрос, да?

Глава 2

Огненная месса

Четырьмя месяцами ранее

Король Франциско XV, суверенный правитель всея Итреи, занял свое место на краю сцены. Облачен он был в дублет и белоснежные чулки-шоссы, его щеки розовели от румян, в короне сверкали драгоценные камни. Прижав руку к сердцу, он продекламировал:

*«Мудро и праведно мое правленье,
Но короля чело – что нищего колени.
Теперь целую грязь и...»*

«Нет!» – раздался крик.

С левой стороны сцены появился Старейшина Тиберий, окруженный республиканскими повстанцами. В руке старика блеснул серебряный кинжал, его челюсти были крепко сжаты, глаза горели. Не произнеся ни слова, он помчался по сцене и вонзил клинок в грудь монарха один, два, три раза. Зрители ахнули, на отшлифованные доски у их ног брызнула ярко-алая кровь. Король Франциско прижал руку к раненой груди и медленно осел на колени. Издав предсмертный стон (слегка переигранный, как говорили потом), он закрыл глаза и умер.

Старейшина Тиберий поднял вверх кинжал и прочел роковые финальные строки:

*«Пролита кровь тирана. Будь что будет.
Друзья, кинжал вонзил ему я в грудь,
Не для себя, но совести в угоду —
Я кровью искупил для всех свободу!»*

Тиберий окинул взглядом зрителей, продолжая держать окровавленный клинок в руке. А затем низко поклонился, и на сцену опустился тяжелый бархатный красный занавес. На потолке вспыхнули архимические люстры, прогоняя тьму, сопровождавшую финальный акт. Забитый до отказа зал, начиная с балконов и заканчивая задними рядами, наполнился звуком аплодисментов. Настигших девушку с длинными иссиня-черными волосами и идеальной бледной кожей, а также тень, достаточно темную для троих.

Мия Корвере присоединилась к рукоплесканиям, хотя на самом деле ее внимание было захвачено вовсе не спектаклем. По затылку прошел холодок и спрятался в тени ее волос. Бархатистый шепот Мистера Добряка раздался в ушах:

– ...Это было потрясающе ужасно... – проворчал кот из теней.

Мия поправила плохо сидящую маску и тихо ответила:

– Мне показалось, что куриная кровь – довольно неплохой ход.

– ...Ты осознаешь, что нам уже никогда не вернуть эти тридцать минут нашего существования?..

– По крайней мере, они снова включили гребаный свет.

Позволив толпе еще немного поаплодировать, занавес наконец приподнялся и явил целого и невредимого короля Франциско, под промокнутой рубашкой которого едва виднелся лопнувший пузырь, содержащий «кровь». Король со своим убийцей, Старейшиной Тиберией, взяли за руки, сжимая между собой подпружиненный кинжал, и низко поклонились.

– Счастливой Огненной мессы, дорогие друзья! – крикнул убитый король.

Актеры покинули сцену, и аплодисменты медленно затихли. Спектакль окончился, и болтовня со смехом возобновились. Мия отпила из бокала и обвела взглядом зал. Теперь, когда люстры вновь загорелись, она могла рассмотреть всех получше.

– Ладно, где же он... – пробормотала девушка.

Мия, как и подобало, прибыла с опозданием, в зале уже было не протолкнуться, и ничего удивительного – званые вечера Алексия Аврелия всегда пользовались популярностью. По окончании спектакля оркестр, расположившийся в позолоченном бельэтаже, заиграл бодрую мелодию. Мия наблюдала за костеродными донами в лощенных сюртуках, танцующими с грациозными доннами – их платья алых, серебряных и золотых оттенков мерцали в архимическом свете.

Лица гостей прятались под сотнями масок разных форм и тем, от многообразия которых кружилась голова. Мия увидела квадратные вольто, смеющиеся пунчинелло и домино, скрывающие лишь половину лица, расписанные и усыпанные драгоценностями, блестящую слоновую кость и веера из павлиньих перьев. Самыми распространенными мотивами были три солнца Аа и различные обличья прекрасной Цаны. В конце концов, они праздновали Огненную мессу, и большинство хотя бы пыталось почтить Всевидящего и его первую дочь, прежде чем неизбежный гедонизм увеселений развернется в полную силу.³

Мия была облачена в кроваво-красное платье с открытыми плечами; слои лиэзианского шелка струились, ниспадая на пол. Корсет туго стягивал ее талию, в области декольте гордо красовалось ожерелье из темных рубинов, и хотя они подчеркнули ее достоинства и обеспечили ей восхищенные взгляды, коими девушку одаряли всю неночь, достигнутый эффект не отменял того факта, что она не могла сделать гребаный вдох. Ее лицо скрывала маска Цаны, изображавшая илем богини-воительницы, с окантовкой из перьев жар-птицы. Из-под нее виднелись губы и подбородок, что позволяло Мие хотя бы пить. И курить. И ругаться.

– Бездна и сраная кровь, где он?! – пробормотала она, жадно разглядывая толпу.

По затылку снова прошел холодок, и Мистер Добряк тихо шепнул ей на ухо:

– ...Столики...

Мия посмотрела на стены над танцующими гостями. Бальный зал сенатора Аврелия был построен как амфитеатр со сценой в одном конце, сиденьями, расположенными концентрическими кольцами, и небольшими отдельными столиками, с которых можно было наблюдать за действием внизу. Сквозь дым и длинные занавески из чистого шелка, свисавшие с потолка, она наконец заметила высокого юношу, на котором были белый сюртук и черный галстук. На груди сюртука красовались вышитые золотой нитью две одинаковые лошади с фамильного герба.

– ...Гай Аврелий...

Мия подняла к губам мундштук из слоновой кости и задумчиво затянулась. Лицо юноши было наполовину скрыто золотой маской-домино с мотивом Троицы, но она разглядела мужественную линию подбородка и красивую улыбку, пока он что-то шептал на ухо прекрасной донне в стильном платье.

– Похоже, он завел себе подружку, – заметила Мия, и с ее уст сорвалась струйка серого дыма.

³ Огненная месса – это праздник, знаменующий наступление глубоколетия в итрейском календаре. Посвященный Цане, Леди Огня, он попадает на восьмой месяц до начала истиносвета – самый священный праздник Аа, когда на небо поднимаются все три солнца. Цана – первая дочь Аа, дева-богиня, которая служит покровительницей воинов и женщин. Ее праздник отмечается четырехчасовой мессой, предназначенной для размышлений и целомудренного созерцания. Естественно, большинство жителей республики использует праздник как предлог для того, чтобы надеть маски и устроить шумную пьянку, предаваясь именно тому поведению, которое Цана осуждает. Но с богинями – как с супругами, дорогие друзья, – зачастую легче молить о прощении, чем просить разрешения.

– ...Ну, он ведь сын сенатора. Вряд ли такой юноша будет проводить неночи в одиночестве...

– Нет, если это будет зависеть от меня. Эклипс, передай Дову, чтобы был начеку. Возможно, нам придется уезжать в спешке.

Из тени под ее платьем раздалось тихое рычание.

– ...*Дов идиот*...

– Тем важнее проследить, чтобы он не считал ворон. А я пока поздороваюсь с нашим уважаемым первенцем сенатора. И с его подругой.

– ...Где двое, там третий лишний, Мия... – предупредил Мистер Добряк.

– Верно. Но в толпе тоже можно покуролесить.

Мия выскользнула из своего угла и поплыла к бальному залу, словно кольца дыма, которые сорвались с ее губ. Девушка улыбалась в ответ на комплименты и вежливо отказывалась от приглашений на танец. Беспечно прошла мимо двух стражей в красивых жакетах, стоявших у лестницы, всем своим видом показывая, что здесь ей и место. В конце концов, в зале больше не было ни одного незваного гостя. Ей потребовались пять долгих неночей, чтобы украсть приглашение из дома донны Григорио.⁴ А обычай непременно надевать маски на любой праздник, который завели эти костеродные недоумки, помогал ей оставаться неузнанной. К тому же она подчеркнула изгибы своего тела таким образом, чтобы максимально отвлечь внимание от лица.

Мия проверила макияж в зеркале маленькой серебряной косметички и нанесла еще один багровый слой на губы. Затянувшись в последний раз, раздавила сигариллу каблуком и ввалилась через бархатные шторы к столику Аврелия.

– О, прошу прощения, – пролепетала Мия.

Дон Аврелий и его спутница удивленно повернулись. Пара сидела на потертом бархате длинного дивана, на столе перед ними стояли полупустые бокалы и бутылка дорогого ваанианского красного вина. Мия прижала руку к груди в напускном беспокойстве.

– Я думала, что здесь свободно. Пожалуйста, простите.

Юный дон слегка кивнул. Его красивая улыбка потемнела от вина.

– Пустяки, ми донна.

– Вы... – Мия тяжело вздохнула, источая неуверенность. Затем сняла маску и начала обмахивать ею лицо. – Извините, но вы не будете возражать, если я присяду на пару минут? Здесь жарче, чем под истиносветом, а в этом платье страшно тяжело дышать.

Аврелий прошелся взглядом по лицу Мии, больше не скрытом маской. По черным глазам, искусно подведенным сурьмой. По молочно-белой коже и пухлым темно-красным губам, по драгоценному ожерелью и лебединой шее. Мия как бы невзначай поправила корсет, и взгляд дона украдкой скользнул к ее открытой груди.

– Разумеется, ми донна, – улыбнулся он, показывая на свободное место.

– Да благословит вас Аа, – сказала Мия, присаживаясь на бархатный диван и продолжая обмахивать себя маской.

– Позвольте представиться. Я – дон Гай Нирай Аврелий, а моя очаровательная спутница – Аленна Боскони.

⁴ Три грамма токсина под названием «казус», который Мия подсыпала в чай донны за перемену до того, гарантировали, что костеродная не явится на званый вечер сенатора Аврелия – как правило, взрывные залпы из всех телесных отверстий любому портят настроение перед «междусобойчиком». В обычной ситуации, тем более имея дело с пожилым человеком, Мия использовала бы дозу поменьше. Но за те пять перемен, которые она потратила на изучение палатки Григорио, старуха успела показать себя первоклассной мегерой, которая только и делала, что кричала на портрет покойного мужа и избивала своих рабов. Так что Мия не особо винила себя, что дала карге слишком большую дозу. Хотя ей и было жаль тех, кому придется за ней убирать.

Пассия Аврелия была лиизианской красоткой примерно того же возраста, что и Мия, – судя по виду, дочь местного администрата. Глаза и волосы темные, кожа оливковая, золото шифонового платья подчеркнуто пудрой на губах и ресницах с металлическим блеском.

– Четыре Дочери, я в восторге от вашего платья! – ахнула Мия. – Это Альбретто?

– У вас зоркий глаз, – ответила Аленна, поднимая бокал. – Мое почтение.

– Я иду к ней на примерку на следующей неделе. Если тетя позволит мне снова выйти из палатца. Что-то мне подсказывает, что завтра она отправит меня в женский монастырь.

– А кто ваша тетя, ми донна? – поинтересовался Аврелий.

– Донна Григорио. Занудная старая корова. – Мия указала на вино. – Вы позволите?

Аврелий наблюдал со смешинкой в глазах, как она наливает себе бокал и мгновенно его осушает.

– Простите, но я не знал, что у донны есть племянница.

– Чему я совершенно не удивлена, ми дон, – Мия вздохнула. – Я провела в Галанте почти месяц, но она не выпускает меня из палатца. Пришлось выбираться на сегодняшний вечер тайком. Отец отправил меня к ней на лето, чтобы тетя научила меня, как должна вести себя богобоязненная дочь Аа.

– А вы, значит, ведете себя не должным образом? – Аврелий улыбнулся.

Мия скривила личико.

– Честное слово, он так об этом говорит, будто я как минимум переспала с конюхом.

Аврелий поднес бутылку к бокалу Мии, вытянув шею от любопытства.

– Еще?

– Вы очень щедры, сэр.

Аврелий передал ей полный бокал. Мия одарила его понимающей улыбкой и коснулась запястья юного дона пальцами. Между ними словно прошел архимический разряд. Аленна подняла бокал к золотым губам, в ее голосе слышалось легкое раздражение:

– У нас мало осталось, Гай, – предупредила она, глядя на бутылку.

Мия посмотрела на девушку и заправила ей за ухо выбившуюся прядку. Страх, который могла нагнать на нее эта встреча, поглотили тени у ее ног. Она плавно и грациозно поднялась со своего места и пересела поближе к позолоченной красавице. Не сводя глаз с Аленны, отпила вина. Оно было насыщенным, бархатно-мягким и приятно пощипывало язык. Затем, забрав у лиизианки пустой бокал, Мия вручила ей свой и, переплетаясь с ней пальцами, подняла его к золотым губам.

Взглянула через плечо Аленны на Аврелия, который замороженно наблюдал за их действиями. И, улыбнувшись, прошептала достаточно громко, чтобы было слышно сквозь музыку:

– Я не прочь поделиться.

Аврелий стоял у нее за спиной. Его ладони пропутешествовали по ее обнаженным рукам к груди. Мия почувствовала губы юноши у своего уха, возле скул. Потянулась назад и запустила руки в его волосы. Прижавшись к затвердевшей плоти Аврелия, попыталась найти его губы и ахнула от дорожки пламенных поцелуев, которую он оставил на ее шее, щекоча щетиной кожу. Нашупав шнуровку корсета на спине, он медленно и уверенно потянул за шелковые ленты.

Аленна стояла позади него. Она расстегнула ему жилетку и позволила той упасть на пол. Ее щеки покраснелись не только от вина, длинные ногти разорвали шелковую рубашку, оголяя торс Аврелия. Мия погладила его по твердой груди, скользнула пальцами ниже, к впадинам и выемкам живота. Юноша ласкал ее шею. Ощувив легкое покусывание, она застонала от удовольствия и вновь попыталась найти его губы. Но тут он взял ее свободной рукой за длинные локоны и оттянул голову назад, назад. Ее кожа покрылась мурашками, когда он снял с нее корсет.

Где-то вдалеке тихо играла музыка, почти не различимая из-за песни их вздохов. Они быстро спустились по лестнице, Аврелий поторапливал Мию с Аленной игривыми шлепками по попам. Стражи делали вид, что ничего не видят, когда трио проходило мимо. Мия прижалась губами к шее Аврелия, когда тот остановился, чтобы одарить лиизианскую красотку долгим поцелуем. Затем он толкнул Мию к стене и скользнул ладонью между ее ног, начав действовать своими ловкими пальцами прямо там, в коридоре. Они чудом дошли до его комнаты.

Спальни, как было принято в костеродных палаццо, располагались под землей, чтобы владельцы могли в них укрыться от безжалостного света солнц. Воздух здесь был прохладным, архимический свет – тусклым и дымным. Корсет Мии приземлился на половицы, и Аврелий запустил руки ей в платье. Она ахнула, ощутив их на своей груди, вскрикнула от довольно сильного щипка за набухший сосок. Аврелий снял с нее платье, и оно упало мятой кучкой к ее щиколоткам. Мия потянулась к ремню парня, обнаружила там руку Аленны и переплела свои пальцы с пальцами девушки, пока они вместе пытались расстегнуть пряжку. Аврелий гладил ее по коже, на которой выплывал архимический свет, его ладони скользнули ниже по животу – к мягким кудряшкам и ноющей промежности.

Когда его пальцы приступили к делу, Мия застонала, колени у нее подкосились. Она повернула голову и попыталась прильнуть к Аврелию, но он сильнее схватил ее за волосы, заставляя девушку дышать чаще и стонать. Она выгнула спину, зад терся о его пах в том же ритме, в каком итреец вырисовывал на ней круги.

Наконец его ремень поддался, лиизианка одним рывком сорвала все пуговицы со штанов, и пальцы Мии проскользнули внутрь. Спустя секунду она нашла свою цель и улыбнулась, когда Аврелий застонал от ее прикосновений. Рядом пристроилась Аленна, и девушки начали вдвоем поглаживать его по всей длине. Юноша вошел пальцем в Мию, и под ее веками вспыхнули звезды, а ноги стали ватными.

Аврелий повернул голову к Аленне, их языки переплелись в страстном танце. Мия высвободилась из хватки дон и запустила пальцы в его волосы, отчаянно желая поцеловать юношу. Но тут ее кожу начало покалывать. Аврелий отошел в сторону, а к ее плечам и шее прикоснулись теплые губы, вокруг талии обвились теплые руки.

«Не его...»

Пальцы Аленны протанцевали по ее рукам, порхнули к разгоряченной груди. Дыхание Мии участилось, когда девушка медленно повернула ее к себе за подбородок. Она с замирающим сердцем взглянула Аленне в глаза.

Лиизианка выглядела прекрасно: ее пухлые губы приоткрылись, темные глаза блестели от страсти в тусклом свете, грудь часто поднималась и опускалась. Аленна, так и не раздевшись, прижалась к почти нагой Мие. Аврелий целовал шею Аленны, а та убрала длинную черную прядь с щеки Мии. По телу девушки, от макушки до самых кончиков пальцев, прошла волна трепета, когда красавица подалась вперед для поцелуя. Ближе. Ближе. Бли...

– Нет, – Мия быстро отстранилась.

Глаза Аленны помутнели от недоумения, и она оглянулась через плечо на Аврелия. Юный дон вопросительно поднял бровь.

– Только не в губы, – сказала Мия.

Лицо позолоченной лиизианки расплылось в понимающей улыбке. Темные глаза будто упивались видом обнаженного тела Мии.

– Значит, везде, кроме них, – выдохнула она.

Аленна убрала ладони с лица Мии и дотронулась до драгоценностей на ее ключицах, вызывая дрожь. А затем мучительно медленно наклонилась и прильнула губами к ее шее.

Мия вздохнула, по коже вновь побежали мурашки, но внутри нее не было страха. Откинув голову, она полностью отдалась во власть Аленны, ее ресницы затрепетали, когда та взяла ее груди в свои руки, погладила бедра, ягодицы. Девушка не чувствовала ничего, кроме этих

рук, этих губ, покусывающих зубов, теплого дыхания на своей коже. Уста красавицы сомкнулись на ее груди, она посасывала и обводила языком затвердевший сосок, и Мия застонала, и вся комната закружилась перед глазами.

Ногти Аллены легонько ее царапнули, вызывая дрожь в спине. Лиизианка начала подталкивать ее назад, пока Мия не нащупала кровать у себя под коленями. Изогнувшись, как деревце перед бурей, она ахнула и приземлилась спиной на мягкие меховые одеяла.

Аврелий подошел к Аленне со спины и начал ласкать ей шею, одновременно расшнуровывая корсет. Обнажив плечи девушки, юный дон позволил золотому шифоновому платью упасть мерцающей волной на пол, а затем снял с нее и нижнее белье.

Мия поглощала взглядом тело девушки, которая на четвереньках, крадучись словно кошка, ползла к ней по кровати. Аленна замерла над Мией и вздохнула, когда Аврелий опустился на колени позади нее и начал целовать спину и ягодицы. Мия почувствовала руки лиизианки на внутренней стороне своих дрожащих бедер, задышала чаще, когда пальцы девушки прикоснулись к промежности. Дыхание Аленны тоже участилось, из горла вырывались стоны, пока Аврелий работал языком между ее ног. Глаза лиизианки горели от вожделения. Она наклонилась ниже, снова пытаясь прильнуть к губам Мии.

Та отвернулась и накрыла рот девушки рукой.

– Нет.

Затем провела рукой по коже Аленны, нашла ладонь юного дона на ее бедре и переплела его пальцы со своими. Лиизианка недовольно вздохнула из-за того, что Мия умыкнула ее приз. Мия посмотрела юноше в глаза. Затаила дыхание.

– Поцелуй меня, – взмолилась девушка.

Аврелий улыбнулся и пополз по матрасу, а Аленна спустилась ниже, оставляя ледяные и огненные поцелуи на шее, груди, животе Мии, облизывая кожу вокруг пупка и ямочки по бокам. Мия ощутила нежное покусывание на внутренней стороне бедер, руки, блуждающие по ее телу. Тихо всхлипнула, когда Аленна легонько на нее подула, находясь всего в сантиметре от самого сокровенного места. Одну руку Мия подняла вверх, а другую опустила вниз, вцепившись пальцами в волосы Аленны. Затем с мольбой притянула юношу к себе. И тогда Аврелий наконец поцеловал ее в губы, приглушив гортанный стон от первого прикосновения языка красавицы.

Они трудились в дуэте и ублажали Мию, пока она извивалась на мехах. Между ее ног пробудился такой жар, какого она еще не испытывала; Аленна ласкала ее так, как еще не удавалось ни одному мужчине. Спина Мии выгнулась, пальцы в волосах девушки сжались. Она чувствовала солоновато-сладкий вкус Аленны на языке Аврелия. Мия пылко поцеловала его, впиваясь в губы так сильно, чтобы поцарапать кожу, и багряная помада смешалась с кровью на их устах. Ее губы заглушили вскрик боли, который издал юноша, ее язык дразнил, покусывал, танцевал в блеклом подобии того, что творила лиизианка между ее ног.

Время будто замерло, мир остановился. Оторвавшись от губ Мии, юный дон оставил дорожку из окровавленных поцелуев на ее шее. Мия стонала, пока он, опустившись ниже, лизал, всасывал и кусал ее. Аленна заработала с еще большим пылом, лаская языком пульсирующий клитор, и Мия с трепетом закрыла глаза.

Аврелий поднял голову.

По нему прошла быстрая волна дрожи.

С губ сорвался тихий стон.

Послышался хриплый вдох, и юного дона вырвало густой алой кровью прямо на грудь Мии.

– Ч-четыре Дочери...

Аврелий в ужасе наблюдал, как по коже Мии и его рукам растекается багровая жидкость. Мия приподнялась на локтях, а юноша, царапая горло, завалился навзничь от еще одного при-

ступа кашля. Аленна, чье лицо было забрызгано красными каплями, наконец осознала, что происходит. Отпрянув, она набрала побольше воздуха, чтобы закричать, но Мия мгновенно преодолела расстояние между ними и сжала ее шею в удушающей хватке.

– Тише-тише, – прошептала она, задевая губами ухо красавицы.

Девушка пыталась вырваться, но Мия была сильнее, жестче. Пара скатилась на пол, в грудку одежды, а Аврелий забился в конвульсиях и снова зашелся в кашле. Его ногти впивались в кожу.

– Понимаю, зрелище не из приятных, – прошептала Мия лиизианке. – Но это продлится всего минуту.

– В-вино?..

Ассасин покачала головой.

– Только не в губы, помнишь?

Аленна уставилась на ранку от зубов Мии на губе Аврелия, на красную помаду, размазанную вместе с кровью вокруг его рта. Юный дон плюхнулся на кровать, словно выброшенная на сушу рыба, каждая мышца его тела напряглась, лицо исказилось. Аленна собиралась закричать, когда в изголовье и в изножье кровати появились две тени – силуэты, высеченные из самой тьмы. Мия снова закрыла ей рот, а Мистер Добряк и Эклипс зачарованно наблюдали, как юный дон бьется в агонии, как между его зубами булькает кровь. А затем, широко раскрыв глаза и скривив рот в безмолвном крике, первый и единственный сын сенатора Алексия Аврелия испустил последний вдох.

– Услышь меня, Ная, – прошептала Мия. – Услышь меня, Мать. Эта плоть – твой пир. Эта кровь – твое вино. Эта жизнь, ее конец, мой подарок тебе. Прими его в свои объятия.

Мистер Добряк наклонил голову, наблюдая за смертью юного дона.

Его мурлыканье почти походило на вздох.

Мия изнывала от жажды.

Это худшая часть. Клетка, жара, вонь – все это еще терпимо. Но сколько бы похитители ни давали ей воды, в этой гребаной пустыне ее всегда было недостаточно. Когда Доггер или Граций просовывали через решетку ковш, теплая вода казалась подарком самой Матери. Но от всей этой духоты, пота и давки в фургоне ее губы потрескались, а язык пересох и распух.

Пленники были прижаты друг к другу, как ломтики засоленной в бочке свинины, от вони крутило живот. В первую перемену, проведенную в этом пекле, Мия подумала, что совершила ужасную ошибку.

Подумала. Но не испугалась.

Никогда не отводи взгляд.

Никогда не бойся.

Мия старалась особо не болтать. Не хотела сближаться с остальными пленниками, зная, что их ждет в Висельных Садах. Но наблюдала, как они заботились друг о друге, как пожилая женщина утешала плачущую по маме девочку, как одна девушка отдала свой скудный паек мальчику, которого стошнило ужином прямо на его лохмотья. Эти маленькие проявления доброты говорили о больших сердцах.

Мия гадала, где же она потеряла свое.

«Здесь ему не место, девочка».

Ее похитители были разношерстной командой. Их капитан, Слезопийца, похоже, спала со своим помощником Чезаре, хотя Мия не сомневалась насчет того, кто в этой паре держал в руках бразды власти. Ни одна женщина не смогла бы руководить бандой головорезов и работяг в ашкахской пустыне, если бы у нее не было острейших зубов.

Итрейцы, Доггер и Граций, выглядели как типичные ублюдки, какие найдутся в любой из сотен действующих за пределами Ашкаха группировок, торгующих мясом. Как и наказывала

капитан, женщин они не трогали. Но, судя по их голодным взглядам на Мию, были очень этим недовольны. На досуге мужчины играли в «шлепок» потрепанной колодой карт, ставя на кон горстку тусклых бедняков.⁵

Крупный двеймерец, Пылеход, казался более обходительным. Он умел играть на флейте и в свободное от работы время развлекал пленников какой-нибудь мелодией. Еще одним членом команды был Лука – юный лииззианец, которого Мия окунула в грязь. Короткие волосы и ямочки на щеках. Помои, которые он стряпал, на вкус были хуже свиного дерьма, но Мия заметила, что он тайком кладет детям добавочные ломтики хлеба на ужин.

Вот и все. Шесть работоторговцев и запертая железная решетка между ней и свободой, ради которой любой из этих заключенных готов был убить. Весь этот пот и рвота. Дерьмо и кровь. Как минимум половина женщин в ее фургоне плакали перед тем, как уснуть на пару часов. Но не Мия Корвере.

Девушка сидела у выхода из клетки и ждала. Кривая челка лезла в темные глаза. От запаха пота и грязи некуда было деваться, скопление тел со всех сторон вызывало тошноту. Но она сглатывала желчь вместе с гордостью, ходила отлить по команде и держала рот на замке. А если тень под ней и выглядела чересчур темной – по крайней мере, для нее одной – то внутри фургона все равно было слишком сумрачно, чтобы это заметить.

До Висельных Садов оставалось еще четыре перемены. Четыре перемены в этой жуткой духоте, безбожной вони и в непрерывной, тошнотворной качке. Еще четыре перемены.

«Терпение, – шептала она себе, словно молитву. – Если у Отмщения есть мать, то имя ей Терпение».

До конца неночи было еще около часа. Караван остановился у обочины длинной пыльной дороги. Выглянув через дырку в брезенте, Мия увидела ряд песчаных утесов, откидывавших тень на песок. Слишком очевидное – а следовательно, опасное – место для укрытия, но лучше остановиться в тени, чем ехать еще час и провести всю перемену под палящими солнцами.

Мия услышала, как Пылеход в фургоне с продовольствием, по своему обыкновению, завел железную песнь, чтобы спугнуть песчаных кракенов, которые рискнули забрести так далеко на юг.⁶ Мельком увидела Грация, который исследовал каменистую местность верхом на своем ревушем говнораспылителе. С его лица стекали капельки пота, пока он, сощурившись, смотрел на солнца и проклинал Всевидящего ублюдка.

Первая стрела попала ему прямо в грудь.

Она прилетела с солнечной стороны и со стуком пронзила его безрукавку. На лице Грация появилось неуместное глуповатое выражение, но следующие две стрелы, выпущенные со скал, его стерли и сбили с верблюда мужчину, испустившего фонтанчик алых брызг.

– Налетчики! – взревела Слезопийца.

Женщины в фургоне Мии закричали, на караван посыпался град стрел, взрезая брезент. Мия услышала громкие вздохи, почувствовала шевеление тел позади себя. Одна из пленниц, юная девушка, упала на пол со стрелой в глазу. Какого-то малыша ранило в ногу, и он взвыл. Масса тел вокруг Мии вздыбилась, как море во время бури, и прижала ее к решетке.

⁵ Как вы помните, дорогие друзья, итрейские монеты названы в честь тех, у кого они чаще всего водятся. Медяки называются «бедняками». Сребреники – «священниками». И в зависимости от социального положения того, у кого вы спросите, золотые монеты нарекут либо «мудаками», либо «вали отсюда, грязный плебей, пока мои люди не оторвали тебе гребанные ноги».

⁶ Как правило, хищники ашкахской пустоши не забираются дальше Великой Соли, а самые крупные песчаные кракены водятся только в глубинах Пустыни Шепота. Иногда мелкие экземпляры заплывают на юг, если им не хватает еды, но в последние годы несколько предприимчивых группировок, орудующих на юге Ашкаха, принялись отлавливать этих заблудших кракенов и продавать их для зрелищных поединков, которые проводят на грандиозных играх «Венатус Магни», устраиваемых в честь Аа во время праздника истиносвета. Организаторы постоянно ищут новые способы превзойти предыдущие игры (и увеличить посещаемость), а если зрелище того, как любимый гладиатор будет сражаться с ужасом Пустыни Шепота, не заставит зрителей притащить свои задницы на арену, то уже почти ничего не заставит, дорогие друзья.

– Бездна и кровь...

Послышался топот копыт, шум перьевого ливня. Где-то вдалеке стenal от боли Пылеход, Слезопийца выкрикивала приказы. Рев раненых верблюдов перекрывал звон стали и шипение песков. Мия снова выругалась, когда ее ткнули лицом в прутья; пленников охватила паника.

– Так, да пошло оно все в задницу, – сплюнула она.

Потянувшись к сапогу, Мия провернула каблук и достала свои верные отмычки. Спустя секунду она освободилась от оков и просунула руки между ржавыми прутьями. Девушка принялась умасливать замок, высунув язык от усердия. В сантиметре над ее головой пролетела стрела, еще одна вонзилась в дерево рядом с рукой.

– ...*Возможно, тебе стоит поторопиться...*

Шепот был тихим, как дыхание младенца, и предназначался только для ее ушей.

– Ты не особо помогаешь, – прошептала Мия в ответ.

– ...*Я оказываю моральную поддержку...*

– Нет, ты ведешь себя как надоедливый говнюк.

– ...*И это тоже...*

Замок открылся в ее руке, и Мия ногой отбросила дверь в сторону, выпрыгнула на палящий свет и залезла под фургон. Остальные женщины, осознав, что клетка уже не заперта, давя друг друга, ринулись на свободу.

Мия насчитала с полдюжины налетчиков, окруживших караван. Они были обоих полов и разных оттенков кожи, носили одеяния из темной кожи и ткани песчаного цвета. Из трупa Чезаре торчало множество стрел с черным оперением. Мия не видела Луки, а вот Доггер прятался за кормовым фургоном; рядом с ним лежало тело мертвого Пылехода. Верблюда Слезопийцы ранили в шею, и капитан с арбалетом в руке укрылась за его тушей.

– Вонючие сукины дети! – прорывалась она. – Да вы хоть знаете, кто я?

Всадники только посмеялись в ответ. Они продолжали наматывать непрерывные круги, загоняя сбежавших женщин обратно к фургонам и сея панику среди пленников в других клетках.

– Это отвлекающий маневр, – догадалась Мия.

– ...*Отвлекающий от чего?..*

Доггер высунулся из укрытия и быстро выстрелил из арбалета. Откуда-то между скал вылетела стрела и попала ему в грудь. Мужчина упал, на его губах выступили алые пузырьки.

– От стрелка наверху, – пробормотала Мия.

Девушка схватила тени под фургоном и собрала их, как швея, затягивающая нить. В пустыне было так ярко, так не похоже на недра Тихой горы. Но мало-помалу она сшила лоскутки теней в единый кусок, превратив их в плащ. А под ним Мия стала не больше пятнышка – грязный отпечаток на портрете мира.

Разумеется, под этим плащом она ни черта не видела. Мия всегда считала, что Богиня Ночи поступила жестоко, подарив ей невидимость, которая при этом лишает ее зрения. Однако лучше быть незрячей, чем зарезанной.

Мия подкралась ближе к колесу, двигаясь наощупь и готовясь выбежать из укрытия.

– ...*Постарайся не попасть под стрелу...*

– Отличный совет, Мистер Добряк. Премного благодарна.

– ...*Как я и говорил, моральная поддержка...*

Девушка взялась за дело. Низко присела, вытянула руки перед собой и направила к утесам впереди. Весь мир превратился в размытые кофейно-черные и молочно-белые пятна. Вдруг из ниоткуда возникли темные очертания лошади и наездника. Проезжая мимо, всадник сильно ее толкнул. Мия покачнулась и поплелась вслепую, пока не споткнулась о валуны и укрылась за ними.

– Ай, твою мать! – выругалась она.

– ...*О, бедное дитя, где болит?..*

Она встала, скривившись, и шлепнула себя по задку.

– Поцелуешь, чтобы прошло?

– ...*Сперва не помешало бы принять ванну...*

Мия снова кинулась вперед, нащупывая себе путь по скалистому утесу и двигаясь только на звук. Она по-прежнему слышала, как кричит Слезопийца, подстегивая своих, но напрягала слух ради едва уловимого свиста стрел и резкого тренькания тетивы. О, вот и они... и еще раз. Мия поползла вверх и в обход – бесшумная, как очень тихая мышь, которую назначили Мастером тишины в Железной Коллегии.⁷

Еще одна стрела. Еще одно тренькание тетивы. После каждого выстрела Мия слышала тихий шепот и гадала, а один ли там стрелок. Теперь она находилась позади них, спрятавшись за кучкой валунов. И, откинув тени, девушка выглянула из укрытия, чтобы понять, скольких мужчин ей придется убить.

Оказалось, ни одного.

О, несомненно, стрелок там сидел – но не мужчина, а женщина, с коротко стриженными светлыми волосами и в наряде из серой и пятнисто-коричневой кожи. Каждый раз, когда появлялась возможность выстрелить, она прижимала стрелу к губам, шептала молитву и отпускала ее. Кому бы она ни молилась, похоже, к ней прислушивались – увидев, как Лука мчится к одному из верблюдов, женщина пронзила ему плечо, а затем, когда он пополз обратно к укрытию, еще и голень.

Камень разбил ей череп с первого удара, но Мия стукнула ее еще пару раз по затылку – просто на всякий случай. Женщина осела на землю с гортанным бульканьем, дергая пальцами. Подняв ее лук, Мия натянула тетиву, прицелилась и выстрелила в спину одной из налетчиц внизу.

Женщина подскочила в седле и с криком упала. Ее товарищ это заметил, посмотрел в сторону утеса и тут же свалился с коня со стрелой в горле. Другой налетчик закричал, предупреждая своих: «Берегитесь! Утес! Утес!», и Мия попала ему в бедро и в живот. Из фургона в середине каравана вылетело блестящее отточенное лезвие, чуть не снеся мужчине голову.

Налетчики растерялись: вместе с их лучницей исчез и их план. Слезопийца выстрелила из арбалета и попала в лошадь, скинув ее всадника в песок. Мия убила другого двумя стрелами в грудь. Оставшиеся налетчики подхватили своего товарища, лишившегося коня, и ускакали так быстро, как только могли.

– ...*Ты отличный стрелок...*

Мия посмотрела на тень, сидящую на трупе женщины. Она была маленькой, носила обличье кота и облизывала полупрозрачную лапу полупрозрачным языком.

– Благодарю, – поклонилась девушка.

– ...*Это был сарказм...* – ответил Мистер Добряк. – ...*Ты позволила четверым из них уйти...*

Мия скривилась и показала не-коту костяшки.

– ...*И пока мы одни, мне, наверное, стоит воспользоваться этим шансом, чтобы снова указать на сумасбродность твоей затеи...*

– О да, не приведи Дочери пройдет хоть одна перемена без того, чтобы ты не выносил мне мозг по этому поводу.

⁷ Возможно, вы помните, что священников Железной Коллегии в раннем возрасте лишают языков, чтобы они не выдали тайн их ордена. Формально никакого «Мастера тишины» не существует – это было просто проявление славословия с моей стороны. Я боялся, что иначе вы не поймете шутку... ладно, неважно. Сволочи. Да что вы вообще понимаете в юморе?

Мия вытерла окровавленную руку о штаны мертвой женщины и закинула ее колчан со стрелами на плечо. А затем, держа лук в руке, осторожно спустилась по склону к месту бойни вокруг каравана.

Пленницы по-прежнему жались к своей клетке. Граций, Доггер, Пылеход и Чезаре пали в бою. Лука лежал со стрелами в плече и голени неподалеку от центрального фургона. Мия какое-то время наблюдала, как он пытался встать на ноги, но лишь поднялся на одно колено. Лука не сводил с нее взгляда, ладонью крепче сжимая клинок.

Слезопийцу ранили в ногу. Ее лицо было забрызгано кровью, но руки не дрожали, когда она нацелила арбалет прямо на Мию. Девушка остановилась шагах в сорока от них и подняла лук. Тот был неплохим – из рога и ясеня, с выгравированной на нем молитвой, обращенной к Леди Бурь. С такого расстояния стрела могла бы пронзить даже железный нагрудник.

– Отец хорошо тебя обучил, девочка, – крикнула капитан. – Ты отличный стрелок.

– ...*Пф-ф-ф*... – фыркнула ее тень.

Мия пнула тьму у своих ног и шикнула.

– Я не хочу убивать тебя, капитан, – ответила она.

– Что ж, вот так совпадение. Я тоже не хочу подыхать.

Капитан посмотрела на трупы вокруг себя, на разгромленную команду, на стрелу в ноге и дорогу, ведущую в Висельные Сады.

– Полагаю, теперь мы в расчете, – крикнула она. – Я планировала получить за тебя кругленькую сумму на рынке, но спасение моей жизни – тоже достойная плата. Как насчет того чтобы проехать со мной остаток пути до Садов, охраняя наш караван? А я выделю тебе долю от прибыли. Двадцать процентов?

Мия покачала головой.

– Этого я тоже не хочу.

– Ну, тогда *чего* ты хочешь? – прорычала Слезопийца, не сводя глаз с лука Мии. – У тебя на руках приличные карты, барышня. Как мы сыграем эту партию – зависит только от тебя.

Мия взглянула на других женщин, теснящихся у фургона. Грязные, измученные, одетые в какие-то тряпки. В кроваво-алых песках тянулась пыльная дорога, и она прекрасно знала, какая судьба их ожидает в конце.

– Я хочу обратно в клетку, – ответила Мия.

Слезопийца удивленно заморгала.

– Но ты только что освободилась...

– Я выбрала тебя не случайно, капитан. Твоя репутация всем известна. Ты не разрешаешь своим людям портить товар. И ты ведешь дела со Львами Леонида, не так ли?

– Леонида? – в голосе капитана послышались нотки раздражения. – Хер господний, да какое ко всему этому имеет отношение манеж гладиатов?!

– Видишь ли, в чем штука...

Девушка опустила лук и слабо улыбнулась.

– Я хочу, чтобы ты продала меня им.

Глава 3

Тени

Мия лежала на полу голая, в крови, и держала Аленну. Из зала наверху по-прежнему едва слышно доносилась музыка, никто из гостей сенатора не подозревал, что его единственного сына убили прямо у них под носом. Мистер Добряк сидел в изголовье кровати и не сводил взгляда с трупа юного дон. Эклипс облизнулась полупрозрачным языком, от вздоха тенистой волчицы завибрировали половицы.

Девушка в руках Миш вздрогнула при виде спутников.

– Милая, сейчас я уберу ладонь, – прошептала Мия. – Я не причиню тебе никакого вреда. Всего лишь свяжу, затем оденусь и выскользну на солнечный свет. Большие ты меня никогда не увидишь. Такой вариант тебе подходит?

Аленна лихорадочно закивала, смаргивая слезы с глаз.

Ласковый голос Эклипс будто доносился из-под пола:

– ...**Это глупо...**

– ...А ты у нас эксперт по глупостям, песик... – процедил Мистер Добряк.

– ...**Лучше от нее избавиться. У нас нет причин оставлять ее в живых...**

– И нет причин ее устранять, – возразила Мия. – Разве что мне за это заплатят. И вообще, разве один из вас не должен дежурить в коридоре на случай, если кто-то из стражей решит спуститься?

– ...Я дежурил в прошлый раз, когда ты прикончила того магистрата...

– ...**Лжец, я все время стояла на стреме, пока ты хрюпал, как свинья у корыта...**

– ...И откуда тебе это знать, если ты все время стояла на стреме?..

– Вы закончили? Мне абсолютно насрать, кто будет сторожить, но одному из вас нужно выметаться отсюда, поскольку кто-то долж...

В дверь тихо постучали. За ней послышался басовитый голос:

– Ми дон?

Мия выругалась себе под нос и крепче сдавила горло Аленны.

– Ми дон, – раздался второй голос. – Сенатор требует вашего присутствия.

«Стража, судя по всему. Как минимум двое...»

– ...**Это была твоя очередь...** – яростно прошептала Эклипс.

– ...Лживая дворн...

Мия шикнула на них, ее мозг лихорадочно заработал. Со стражей снаружи ее план уйти незамеченной сгорел синим пламенем. Дов ждал в карете наверху, но и внизу от него не было бы никакого проку. Мия с легкостью надрала бы стражникам зад, но она была голая, безоружная, и шум только привлек бы других. Тени в подвальных помещениях глубоки, но в спальнях – ни одного окна, через которое она смогла бы выбраться...

Мия ахнула: Аленна врезала ей локтем в ребра и, грязно выругавшись, боднула затылком по носу. Хватка девушки на секунду ослабла, и, набрав побольше воздуха, лиззианка истошно завопила. Ладонь ассасина лишь слегка пригнула ее.

– Убийцы! – кричала она. – Помогите!

Мия ударила ее кулаком в висок – один раз, два, пока Аленна не лишилась чувств. Затем услышала ругань, и в дверь врезалось что-то тяжелое.

– Ми дон? – позвал один из стражей. – Откройте!

– ...**Это была твоя очередь...**

– ...**Врешь...**

– Да заткнитесь вы!

Как только Мия натянула платье на голову, дверь задрожала на петлях. Прощупав брошенный корсет, она достала стилет из могильной кости. Ворона на рукояти осуждающе смотрела своими блестящими янтарными глазами. И, потянувшись к теням вокруг, девушка накинута на себя, окуная весь мир в черноту и полностью под ней исчезая.

Дверь распахнулась, в просвете возникли два размытых силуэта. Один выкрикивал имя Аврелия, направляясь, как надеялась Мия, в сторону кровати. Другой увидел обнаженную, забрызганную кровью лиззианку на полу и присел рядом с ней. И поскольку путь к двери был свободен, Мия откинула плащ из теней и побежала.

Стражи рывкнули, приказывая ей остановиться, но девушка, не обращая внимания, мчалась по устланному ковром коридору к широкой лестнице. Наверху появились еще два стражника, недоуменно глядя на окровавленную незнакомку, бегущую по ступенькам на всех парах. Один поднял руку, чтобы остановить ее, но тут в воздухе сверкнул стилет Миш и молниеносно погрузился в его живот. Мужчина ахнул и скатился по лестнице, а его напарник издал боевой клич и достал короткий меч. Мия прыгнула в сторону, ойкнула, когда клинок стража глубоко вонзился ей в плечо, и со свистом перерезала ему глотку.

Мужчина рухнул, издавая булькающие звуки, а Мия поспешила дальше – вверх по лестнице на первый этаж. Когда девушка ворвалась в главный зал, костеродные доны и донны испуганно закричали – окровавленный кинжал в руке, темные волосы, лезущие в еще более темные глаза, свирепо расширенные зрачки.

– Простите, ми донна, – бросила она, налетев на какую-то симпатичную девушку, пока перебежала через зал.

В помещение ворвалась стража, не до конца понимая, кого и за что они должны схватить. На вершине лестницы появились стражники из спальни Аврелия, рассматривая сбитых с толку гостей. Наконец они заметили Мию, проталкивающуюся через толпу.

– Ловите ее! – взревел один. – Девушку в красном!

– Ассасин! – крикнул другой. – Сын сенатора убит!

Зал погрузился в хаос, некоторые побежали вслед за Мией, другие обогнали ее на пути к выходу. Она порезала от бедра до паха какого-то богатого администратора, попытавшегося ее поймать; ударила локтем в лицо другого благородного мужа, который тут же потерял сознание. Клинок в руке и выражение в ее глазах заставили остальных «благодетелей» отказаться от вмешательства, и, увернувшись, получив толчок в спину и сделав кувырок, она вылетела через двустворчатые двери в вестибюль. Затем схватила бокал с подноса потрясенного слуги, выпила залпом золотое вино, и швырнула его в мчащегося к ней стража. Тяжелый хрусталь отскочил от его головы, и мужчина распластался на полу.

Мия выбежала через двери во внутренний двор палатки Аврелия. Позади раздавались крики «Убийца!», по лестнице мчались еще три стражника, в глаза слепили два солнца.

– Вот дерьмо...

У каждого стража был короткий обоюдоострый гладиус и убийственный взгляд. Из ее плеча сочилась кровь, платье промокло. Мие пришлось уйти в защиту; она приклеила подошвы предводителя стражей к его тени на полу, увернулась от их мечей, ударила одного по ногам, и, перекатившись, быстро встала на ноги. Затем ринулась к лошадям и каретам, стоявшим перед палаткой, и разыскала в толпе того, кто был ей нужен.

– Дов! – крикнула Мия.

В толпе поднял голову юноша с короткими темными волосами. Он был одет в простую прямоугольную маску-вольто и наряд слуги. В губах торчала сигарилла. По правой стороне маски стекали три кровавые слезы. Он не слишком походил на Десницу Церкви Матери Священного Убийства, но, услышав второй окрик Миш, он быстро встал на место возницы в карете.

– Все хорошо? – спросил юноша.

– Разве, блядь, похоже, что у меня все хорошо?! – рявкнула Мия, мчась к нему.

Десница окинул взглядом своего раненого Клинка, догоняющих ее стражей. Выплюнув сигариллу, засунул руку в пальто и достал два небольших арбалета. Затем хорошенько прицелился и двумя выстрелами завалил стражей, которые находились ближе всего к Мие.

– Беги! – крикнул он.

– О, что, серьезно?

Рядом с ее ухом что-то просвистело, и Мия догадалась, что прибыло подкрепление с арбалетами. Девушка расталкивала изумленных кучеров, вспышка обжигающей боли сзади дала ей понять, что как минимум один из стражей был неплохим стрелком.

Она споткнулась, выругавшись, упала и разодрала ладони и колени о каменные плиты. Зашипев от боли, Мия быстро поднялась и схватилась за болт, торчащий из ее ягодицы.

– Зубы Пасти, они что, попали тебе прямо в...

– Да стреляй же ты в ответ, гребаный придурок!

Дов снова выстрелил, попал стражнику в шею и пригнулся, чтобы перезарядить арбалет. Над головой Миш пролетел шквал стрел, пронзив двух испуганных возниц и одного особенно раздраженного жеребца. Но, увы, когда Дов снова поднялся с заряженным арбалетом, один из болтов вошел ему в грудь и повалил юношу на крышу кареты в фонтане крови. Мия наблюдала, как ее Десница пытается встать, но его губы окрасились алым, и в конце концов он рухнул с гортанным стоном.

– ...**Я же предупреждала, что он идиот...**

– ...В кои веки я с тобой полностью согласен...

Мия пыталась спрятаться среди беснующихся лошадей и перепуганных кучеров. Она понимала, что не сможет управлять каретой и бить хлыстом одновременно – ее рука была разодрана до мяса, – а стражники Аврелия очень скоро до нее доберутся.

В воздухе блеснул стилет из могильной кости, разрезая кожаные ремни на высоком белом коне. Скривившись от боли, девушка залезла ему на спину.

– ...Ты что, забыла, как тебя ненавидят лошади?..

– Похоже на то.

– ...**Скачи!..**

Мия пришипорила коня, и тот поскакал вперед, его копыта поднимали брызги гравия, которым был засыпан сенаторский двор. В спину летел рев стражей, приказывающих ей остановиться.⁸ Мимо головы пролетел ливень арбалетных болтов, задев круп коня, еще один погрузился в его филейную часть. Зверь заржал и попытался скинуть Мию, но та вцепилась в него мертвой хваткой, как тень к ногам хозяина. Жеребец словно ошпаренный вылетел через ворота на широкие улицы города Галанте. Вдалеке звонили колокола, разносясь эхом от десятков соборов, куполов и минаретов. Из-за Огненной мессы площади полнились гуляками, сыплющими проклятиями вслед Мие, пока та мчала на истекающем кровью коне.

Ассасин оглянулась. За ней гналась полудюжина стражей. Кровь из плеча стекала по спине, намокшее платье липло к коже. От потери крови начала кружиться голова. Красочно выругавшись, Мия сломала пополам арбалетный болт, застрявший в ягодице, и перед глазами все поплыло от боли. Ей нужно было убраться с улиц – в какое-нибудь укромное место, где можно переждать суматоху.

Даже костеродный район Галанте был слишком людным, чтобы и дальше мчаться на всех парах от стражи. Силы коня, подстегнутого страхом, близились к концу, из-за болта, попавшего в его зад, он начал хромать. Мия скользнула с ослабшего зверя в толпу пьяных гуляк. В ушах звенели крики преследователей. Поковыляла по переулку между одним из многочисленных городских соборов и высоченным зданием администраторов, свернула в муравейник

⁸ Небольшое примечание для будущих работников правоохранительных органов: это никогда не срабатывает.

из улочек и подворотен Галанте. Девушка тяжело дышала, перед глазами все расплывалось, от потери крови дрожали руки – левая полностью онемела. Мистер Добряк шептал ей на ухо, чтобы она не сдавалась. Наконец Мия обнаружила ограду из кованного железа, за которой открывалось целое море надгробий и могил, усеянных зловеющими сорняками и яркими цветами.

Некрополь Галанте.

Мия, прихрамывая, пошла между тесными рядами надгробий из мрамора, мишистого гранита и мрачных мавзолеев, полнившихся целыми поколениями костеродной знати. Наконец она нырнула под карниз склепа какого-то богатого ублюдка, о котором все давно забыли. И, потянувшись к теням, сплела их ловкими пальчиками и накинула себе на плечи.

Как обычно, под плащом весь мир почернел. Но Мия все равно услышала стражей Аврелия, когда те добрались до кладбища, громко топая сапогами по каменным плитам. Их капитан рывкнул приказ, и группа рассредоточилась по лабиринту из склепов, крипт и усыпальниц, крики «ассасин!» отбивались от светлого камня.

Но один стражник остался.

Мия плохо его видела сквозь завесу теней, но по смутному силуэту было ясно, что мужчина огромен. Гравий хрустел под его подошвами, пока он медленно разгуливал среди могил и что-то тихо бормотал. Девушка затаила дыхание и повернула голову вбок, когда он подошел ближе к ее укрытию. Ощутила, как по спине стекает теплый ручеек. Ее спутники быстро поглотили вспышку паники, когда Мия поняла, что, несмотря на плащ из теней, ее кровь оставила след и теперь собиралась лужицей у ног.

Стражник направился к склепу, у которого пряталась Мия. Девушка не стала молиться и ждать, что он пройдет мимо, она просто откинула плащ и выпрыгнула со стилетом наготове.

Под формой стражника скрывалась кольчуга, но ее клинок из могильной кости прошел сквозь стальные кольца, как сквозь масло. Кинжал вошел по самую рукоять, но поскольку Мия была вслепую, ее удар пришелся чуть левее сердца. Здоровяк закричал от боли, и следующим ударом она резанула ему по горлу. В лицо брызнуло алая теплая влага, но его трахея уцелела. Страж схватил ее за запястье и нанес сокрушительный удар в челюсть. Мия отлетела к стене склепа, успев царапнуть сомкнувшуюся на ее шее руку, и парочка кубарем полетела на землю.

Мужчина взревел, девушка зарычала, пронзая его клинком снова и снова. Они катились по плитам, Эклипс с Мистером Добряком дружно шептали предупреждения о том, что вернулись другие стражи. Но враг Миш был гигантом, и, несмотря на всю ее подготовку, она была ранена и истекала кровью. А любой, кто верит, что быть вдвое крупнее своего противника – не выгодно, никогда не дрался с человеком, вполонину меньше себя.

Мия услышала топот сапог. Ее лицо скривилось, когда стражник дернул ее за волосы. Клинок наконец нашел его шею, и мужчина упал на землю в пенящихся алых брызгах. Мия с трудом встала, увидела, как приближаются еще четыре стражника.

– ...Беги!..

– Куда? – пропыхтела она.

– ...Прячься!..

– Где?

– Стой!

Четыре человека, облаченных в ливреи дома сенатора Аврелия, встали полукругом напротив Миш. Она слышала свист вдалеке, топот легионеров, но даже глядя в глаза смерти, оставалась бесстрашной. Девушка окинула испепеляющим взглядом самого высокого стражника и покрутила стилет между пальцами. Подумала о консуле Скаеве и кардинале Дуомо. О своей неотмищенной семье. Но, как правило, сожаления порождаются страхом, а стоя там,

в шаге от своей гибели, она не испытывала ни капли страха. Только гнев, что все закончится таким образом.

– Кто умрет первым? – спросила Мия, сердито глядя на стоявших перед ней мужчин. Самый благоразумный стражник нацелил заряженный арбалет ей в грудь.

– Ты, сука, – сплюнул он.

По телу Миш прошел мрачный холодок. На запятанной кровью коже выступили мурашки. Высоко над головой светили солнца, но здесь, в некрополе, тени были темными, почти черными. Позади стражей вырос силуэт в плаще с капюшоном, в его руках были зажаты клинки из могильной кости. Неожиданный гость атаковал стража с арбалетом и снес ему голову с плеч. Другие закричали и подняли оружие, но силуэт двигался со скоростью молнии, разя первого, второго, третьего. И не успела Мия моргнуть, как все четверо лежали мертвые в грязи.

– Зубы Пасти, – прошептала она.

Тени у ее ног вздрогнули, Эклипс с рычанием подобралась. Мистер Добряк, сидевший на плече Миш, вздыбил шерстку и зашипел. Мию пробрал холод до самых костей, спутники рьяно поглощали ее страх. Спаситель повернулся к ней лицом.

Не человек. Это было ясно. О, под этим плащом угадывались очертания мужчины – высокого и широкоплечего. Но его руки... бездна и кровь, руки, сомкнувшиеся на рукоятках клинков, были черными. Сумрачными и полупрозрачными. Пальцы обвивались вокруг рукоятей, как змеи. Мия не видела лица, но в черноте капюшона извивались щупальца, скрывая лик хозяина. И хоть на улице было почти глубоководье, а в небе пылали два солнца, дыхание существа срывалось белым облачком с губ, и все тело Миш дрожало в ознобе.

– ...Кто ты?

– СПРОСИ СЕБЯ, – ответило существо. Голос был гулким, шипящим, со странной вибрацией. – МИЯ КОРВЕРЕ.

Девушка часто заморгала.

– ...Ты меня знаешь?

Существо приблизилось, и Миш показалось, будто оно... скользило. Гробницы и стены склепов вокруг них покрылись коркой инея.

– Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ БОЛЬШЕГО, ЧЕМ ЭТО, – ответило оно. – ТВОЯ ПРАВДА ЗАКОПАНА В МОГИЛЕ. И ВСЕ ЖЕ ТЫ ОКРАШИВАЕШЬ СВОИ РУКИ АЛЫМ РАДИ НИХ, КОГДА ДОЛЖНА ОКРАШИВАТЬ НЕБЕСА ЧЕРНЫМ.

– ...О, превосходно, человек-загадка...

– ТВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ КАК СОЛНЦА, МИЯ КОРВЕРЕ. ОНО СЛУЖИТ ЛИШЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОСЛЕПЛЯТЬ ТЕБЯ.

– О чем, ради бездны, ты говоришь?

Мия услышала крики и оглянулась на звук приближающихся шагов.

– НАЙДИ КОРОНУ ЛУНЫ.

Повернувшись обратно, она обнаружила, что существо испарилось, будто его никогда и не было. Ее дыхание по-прежнему висело белым облачком в воздухе, озноб постепенно унимался, в ушах звенело эхо голоса. Она осмотрелась вокруг, обнаружила только трупы и могилы, и задалась вопросом, не привиделось ли ей все это.

– ...Мия, они идут...

– ...Нам нужно уходить...

Очередной свист. Топот сапог. Кровь на ее лице и коже. Мия подхватила плащ одного из стражей – тот, который меньше всего испачкался. И, нагнув капюшон на лоб, заковыляла прочь с некрополя так быстро, как только могла. Затем с трудом перелезла через кованую ограду и исчезла в лабиринте улочек Галанте.

Оставив за собой только трупы.

Висельные Сады Ашкаха не похожи ни на какие другие.

В Годсгрейве широкие сады на крышах Малого Лииза переполняются солнцами-колокольчиками и медовыми розами, перебивающими своими чудесными ароматами суровую вонь от реки Роза. Садовые лабиринты Уайткипа, построенные королем Франциско III в угоду своим любовницам, тянутся на много миль, и чтобы держать их в надлежащем виде, требуется целая армия рабов – даже спустя столетия после свержения монархии. Тернистые башни Элая возвышаются в тридцати метрах над землей и покрыты бритвенно-острыми лозами. Когда те начинают цвести перед глубоколетьем, башни покрываются цветами, которые видно из другой части города. Но ни один сад во всей республике не может сравниться с Висельными Садами Ашкаха, дорогие друзья.

Ни своим величием, ни своим ужасом.

Первым делом Мия почувствовала запах. Он затмил вонь их клетки задолго до прибытия в город. Запах крови, пота и чернейших мук. Она посмотрела на метрополис, поднимающийся над дымкой впереди, и закусил губу. Некоторые дети в фургоне заплакали, и вскоре к ним присоединились юные девушки. Глядя на пункт их назначения, Мия ощутила, как ее тень выросла.

Никогда не бойся.

Висельные Сады были заселены лиизианскими исследователями после падения Ашкахской империи. С тех времен порт вырос в самый большой метрополис на побережье и ныне служил крупнейшим в южных морях рынком топлива, за счет которого билось сердце Итрейской республики.

Рабства.

Городской порт был построен из красного камня и гнезился на берегу естественного залива. В его архитектуре смешивались древнеашкахские руины и изящные шпили и купола в лиизианском стиле, возведенные на развалинах старого города. Вдоль городской стены висели тысячи железных клеток, наполненных сотнями человеческих трупов.

Некоторые висели там десятилетиями, и от них остались только кости. Другие выглядели свежими. Но по жалобным стонам, разносящимся над оживленным метрополисом, Мия поняла, что еще сотни по-прежнему были живы. Брошенные висеть в клетках, пока не погибнут.

Висельные Сады Ашкаха. Их цветы выращены из плоти и костей.⁹

И Мия наконец-то прибыла сюда.

Караван въехал через широкие деревянные ворота, жара и смрад усилились. На улицах былолюдно, гавань полнилась кораблями со всех уголков республики – одни разгружались, другие загружались до отказа товаром для перепродажи. Наступил рыночный сезон, когда работоторговцы возвращаются с набегов на ашкахское побережье и дальний восток с трюмами,

⁹ История Висельных Садов пропитана кровью. Будучи торговым городом, после восхождения итрейских королей он быстро стал центральным местом продажи человеческого мяса. Изначально порт назывался Юр-Дазисом, что значит «город-крепость» на древнеашкахском, но после бунта, случившегося во время правления Франциско II, город получил новое имя. Поскольку рабский труд был главной опорой королевства, Франциско не мог позволить разгореться мятежу. Когда группа рабов восстала против своих хозяев и захватила Юр-Дазис, король отправил целый легион под командованием печально известного генерала Аттикуса Дио, чтобы подавить бунт. И хоть осажденные повстанцы храбро сражались, в итоге их взяли измором, и они согласились сдаться, если Аттикус пообещает им помилование. Генерал поклялся, что мятежники просто вернуться к рабскому труду. Естественно, Аттикус не сдержал слова. Как только мятежники сложили оружие, тысячи тел были развешены на городских стенах как предупреждение для любого, кто решится восстать. Некоторые из первых виселиц по-прежнему украшают город, а мятежных рабов ждет та же участь, что и во времена монархии, – смерть на стене под палящими солнцами. Франциско был так доволен своим генералом, что переименовал Юр-Дазис в Висельные Сады в его честь. Любопытно, что спустя почти двадцать лет после этого сам Аттикус собирался возглавить восстание против внука Франциско – юного короля Франциско IV. А когда бунт провалился, генерала отвезли в Ашках и повесили на стенах того же города, который он освободил два десятилетия тому назад. История, дорогие друзья, не лишена иронии.

набитыми свежим мясом. Итрейские легионеры якшались с лиизианскими купцами, воздух наполнялся звоном монет и горя.

Мия почувствовала, как кто-то встал рядом с ней. Повернувшись, увидела тощую женщину с бледным лицом, глядящую на улицы.

– Да поможет нам Всевидящий...

Мия прищуренно взглянула на два солнца в небе.

– Сомневаюсь, что он слушает, – пробормотала она.

Фургон остановился на краю рыночной площади. Слезопийца спрыгнула с сиденья, проковыляла к задней части фургона с женщинами, убрала брезент и показала на Мию.

– Ладно, девочка. Пришло время отправляться в Яму.

Капитан открыла клетку и отошла с арбалетом в руке. Вокруг фургона уже собрались купцы, рассматривая товар внутри и оценивая его стоимость. Наемные головорезы начали высаживать мужчин из крайнего фургона, оковы пленников пели ржавую песнь, пока те спрыгивали на утрамбованную множеством ног землю. Мия вышла из фургона, наблюдая за собравшейся вокруг них толпой.

«Я здесь».

Девушка спрятала улыбку за грязными прядями волос.

«На шаг ближе к цели».

Яму вырыли на другом конце рынка, но Мия услышала ее задолго до того, как увидела. Яростные крики и стоны боли, звон монет и хруст костей. Пока они шли по оживленной площади, Слезопийцу как минимум десяток раз останавливали торговцы, чтобы узнать цену Мии. Девушке требовались все силы, чтобы сохранять самообладание, пока они лапали ее за талию, лезли пощупать зубы своими грязными руками. Но Слезопийца отклонила все предложения, заявляя, что скоро Мию выставят на продажу в Яме. Отказ капитана встречали неверием или разочарованием, один торговец даже заявил, что это «пустая трата хороших сисек». Но Слезопийца твердо стояла на своем, и они продолжили путь.

Яма полностью соответствовала своему названию – выкопанная в земле и выложенная известняком дыра, глубиной в три метра и шириной в пятнадцать. Рядом был устроен большой загон, в нем за ржавыми железными прутьями томились десятки мускулистых рабов. Окружали загон трибуны из известняка, переполненные азартными игроками и шумными букмекерами. А в ярусе, расположенном подальше, Мия заметила более десятка сангил¹⁰, обслуживаемых помощниками и челядью.

Девушка стояла со склоненной головой у железных ворот в Яму. Итрейские легионеры в шлемах с плюмажами осматривали товар очередного работорговца, прежде чем позволить ему войти. Мия прошептала из-под спутанной копны волос:

– Ты видишь Леонида?

– Да, вон, – Слезопийца кивнула в сторону загона. – Тот жирный ублюдок.

– ...Они *все* жирные ублюдки.

– Тогда самый жирный из всех.

Мия прищурилась и наконец заметила итрейца, сидевшего под широким зонтом. Несмотря на жару, он был одет в длинный сюртук, а шею его прикрывал туго завязанный платок с брошью в виде львиной головы. Лицо мужчины было смуглым, тело – пухлым от многих лет переедания и избытка алкоголя. Рядом с ним сидел еще один итреец, широкоплечий и поджарый, который пристально наблюдал за тем, что происходит в Яме.

– Это Тит, – сказала Слезопийца. – Работает экзекутором, тренирует товар Леонида.

¹⁰ Дословно: «хозяева крови». Хранители человеческих манежей, которые выставляют свой товар на разных аренах гладиаторов по всей республике. Популярностью успешный сангила не уступает дражайшему сенатору Итреи, но им не хватает благородной крови, чтобы занять политический пост. Большинство находят утешение в объятиях своих прекрасных наложниц и упиваются слезами до потери сознания, лежа на огромной куче денег.

– Я знаю, чем занимается экзекутор, – пробормотала Мия.

– Уверена? Потому что будь я азартной женщиной, поставила бы все до последнего бедняка, что ты не имеешь *ни малейшего* гребаного представления о том, во что ввязываешься.

– Я же говорила, – ответила Мия. – Леонид готовил двух из трех последних чемпионов игр «Венатус Магни». Его подопечные проходят отборочный тур на всех аренах. Он подкупает правильных чиновников и имеет связи с нужными людьми. Если я хочу отвоевать себе свободу, то лучший способ добиться этого – тренироваться под его началом.

– Но *зачем*, девочка? – требовательно спросила Слезопийца. – Ты могла стать свободной еще в пустыне! Бездна, да я позволю тебе уйти прямо *сейчас*! Ты спасла мой зад от тех налетчиков, а я всегда возвращаю долги. Почему, ради Всевидящего, ты хочешь быть гладиатором?

– Я дала клятву, – ответила Мия. – И хочу ее исполнить.

– И какую же клятву можно исполнить в таком месте?

– Красную клятву.

Капитан вздохнула и покачала головой.

– Это безумие.

– ...*Она умнее, чем кажется...*

Шепот донесся из тени под грязными космами Мии – слишком тихий, чтобы Слезопийца услышала. Она сняла треуголку и провела рукой по волосам. Затем покосилась на Мию и вздохнула.

– Такой барышне, как ты, нечего делать в этом бизнесе.

– Поверь, капитан, – ухмыльнулась Мия. – Таковую, как я, ты еще не встречала.

Слезопийца выругалась, но слово сдержала – работарговка направилась к легионерам у входа. Двое мужчин кивнули в знак приветствия и удивленно подняли брови, взглянув на тощую кроху, плетущуюся в кандалах следом за ней.

– Потерялись, капитан? – спросил крупный легионер.

– Загон удовольствий в той стороне, – ответил второй, еще крупнее, кивая в сторону залива.

Слезопийца шмыгнула носом и сплюнула в грязь.

– Прочь с дороги, вонючие сукины дети! У меня есть прирожденный боец, которого нужно заложить, и нет времени, чтобы трепаться с вами, если только вы не хотите подкинуть монет.

Тот, что покрупнее, уставился на Мию.

– ...Вы собираетесь продать эту глисту сангиле?

Легионеры разразились громким смехом, держась за бока, как плохие актеры в пантомиме. Мия не поднимала головы, а Слезопийца встала нос к носу с первым стражем. Она была одного с ним роста, и глаза женщины смотрели на него в упор.

– Я когда-нибудь продавала здесь шелуху, Пауло? – Она перевела взгляд на другого легионера. – Не рассказывай мне, как надо работать, самоуверенный ушлепок. Я свое дело хорошо знаю, и оно в гребаной Яме.

Солдаты переглянулись, слегка опешив. И, пожав плечами, отошли в сторону, чтобы пропустить Слезопийцу и Мию к загону. Неопрятный мужчина с вощенной дощечкой записал имя капитана, косоглазый юноша вывел синей краской номер Мии на руке и задней части туники. Она наблюдала за его работой и гадала, откуда он родом, как здесь очутился. Взглянула на татуировку, изображавшую архимический круг, на его щеке.¹¹

¹¹ Рабство в республике – дело крайне систематизированное, и контролирует его целая армия администраторов. Рабы бывают трех основных категорий, невольников клеймят архимическим символом на щеке, указывающим на их положение. Рабы с одним кольцом, рядовые – имущество, используемое в качестве рабочих, домашних слуг, корма для борделей и тому подобного. Два кольца означают, что человек прошел военную подготовку: это гладиаты, личная стража и члены итрейского легиона рабов – печально известной «Кровавой тринадцатки». Люди, отмеченные тремя кругами, – самые редкие и ценные, их клеймо

Взяв Мию за кандалы, юноша потащил ее к остальным рабам. Она на секунду воспротивилась и посмотрела Слезопийце в уцелевший глаз.

– И еще кое-что, капитан, – тихо сказала девушка.

– Правда, что ли? – та подняла бровь. – Не много ли одолжений у тебя накопилось?

– Ты обязана мне жизнью. Я бы назвала это Самым Большим Одолжением. Однажды я могу потребовать возврата этого долга. И будет мило, если мне не придется просить тебя дважды.

Слезопийца тяжело вздохнула.

– Как я и сказала, девочка, я плачу по долгам.

Удовлетворившись ответом, Мия позволила увести себя и присоединилась к остальному людскому «скоту». Осмотревшись, она поняла, что была всего одной из двух женщин, и вторая была двеймеркой с ладонями размером с тарелку. Та смотрела прямо перед собой на происходящее в Яме и избегала любопытных взглядов товарищей по несчастью.

Все оказалось довольно просто. Торговцы человеческим мясом вроде Слезопийцы бродили по трибунам и пытались втюхать свой товар сангилам. А затем их имуществу по одному вручали деревянный меч и заставляли драться за свою жизнь.

В центре Ямы работала полудюжина профессиональных бойцов, и каждый из них был горой мышц и шрамов. Когда на ринг выпихивали новую жертву, один из бойцов быстро поднимал деревянный меч и рвался снести врагу башку. Зрители делали ставки, толпа выла и кричала, и, если через несколько минут соперник оставался на ногах, сангилам давали возможность поучаствовать в торгах. Тех, кто подавал надежды, быстро разбирали. Тех, кто проигрывал, перепродавали где-то в другом месте в Висельных Садах.

Мия взглянула на сангилу Леонида. Мужчина наблюдал за поединками, как паук за мухой, но в торгах не участвовал. Львы Леонида были лучшими гладиаторами в республике, и он проводил шесть месяцев в году, изучая рынки на побережье и выбирая самых достойных. Чтобы назвать его своим домином, Мия должна была его впечатлить.

К счастью, нельзя стать Клинком Красной Церкви, не умея обращаться с мечом.

Регистратор назвал номер Мии. Дверь загона открылась. Косоглазый юноша снял с нее оковы и вручил исцарапанный деревянный гладиус, который, при обычных обстоятельствах, она не стала бы использовать даже в качестве полена для растопки. И, без всяких церемоний, Мию вытолкнули в центр Ямы.

С трибун посыпались насмешки и оскорбления. Вид тощей черноволосой девушки, смиренно стоявшей в центре ринга, похоже, не впечатлил плебеев из толпы, не говоря уже о хозяевах крови.

– Хер господний, это что, шутка? – крикнул кто-то.

В Яму полетели плевки и брань, сангилы со скучающим видом опускали взгляды в свои гроссбухи – если это была шутка, никто из них, очевидно, не считал ее забавной. Один из бойцов посмотрел, подняв бровь, на регистратора, и тот просто кивнул. Мужчина пожал плечами и поднял деревянный меч, направляясь к Мие. Он был двеймерцем – широким, как мост, и со смуглой кожей, блестящей от пота.

– Не шевелись, девочка, – прорычал он. – Будет почти не больно.

Мия сделала, как было приказано, не двигаясь с места, пока здоровяк приближался к ней. Но как только он поднял меч, чтобы пробить ей череп, она пришла в движение. Быстрая, как тени.

Девушка уклонилась, меч просвистел над головой. Затем ударила своим деревянным гладиусом по запястью мужчины, сломав тому кость. Несколько сангил подняли головы на его

показывает, что они образованы или обладают исключительными навыками: к ним относятся писари, музыканты, мажордомы и высоко котируемые куртизанки. И если вас, дорогие друзья, удивляет, почему в республике так ценятся искусные проститутки, то вы явно никогда не проводили ночь с искусной проституткой.

крик. Мия свирепо ударила соперника по колену и была награждена тошнотворным хрустом, который раздался, когда сустав вывернулся в другую сторону. Здоровяк с воем упал, и Мия с намеренной жестокостью воткнула в его горло деревянный клинок, превращая гортань в кашу.

На губах мужчины выступила алая пена, и он изумленно уставился на Мию. Девушка откинула волосы за спину и тихо прошептала:

– *Услышь меня, Ная. Услышь меня, Мать. Эта плоть – твой пир. Эта кровь – твоё вино. Эта жизнь, её конец, мой подарок тебе. Прими его в свои объятия.*

И, издав гортанное бульканье, боец рухнул в грязь.

По толпе прошла волна растерянного бормотания. Мия присела в реверансе перед сангилами, словно дебютантка на балу. А затем повернулась к следующему бойцу и указала деревянным мечом на его голову.

– Ты следующий, красавчик.

Боец (который действительно был красавчиком) посмотрел на своих товарищей, на труп на земле и, наконец, на регистратора. Неопрятный мужчина кинул взгляд на сангил, уже полностью сосредоточивших свое внимание на Мие. И, повернувшись к бойцу, кивнул.

Тот вышел вперед, Мия шагнула навстречу. Их бой продлился меньше десяти секунд и закончился в тот момент, когда она оставила след от ботинка в его промежности и погрузила меч ему в горло по самую рукоять. Девушка повернулась к зрителям и снова присела в реверансе.

– Сотня священников! – раздался крик.

– Сто десять!

Мия улыбнулась, прикрывшись волосами, а сангилы начали торги. Уже через несколько секунд ее стоимость возросла до двух сотен сребреников – достойная сумма по всем меркам. Но, подняв взгляд на трибуны, она увидела, что Леонид и Тит не проронили ни слова. Хотя сангила пристально за ней наблюдал, хотя Слезопийца шептала на ухо Титу, и тот медленно кивал, Леонид не поднимал голос, чтобы назвать свою цену.

«Пора раздуть пламя».

Мия достала деревянный клинок из горла мертвого бойца, повернулась к третьему и произнесла достаточно громко, чтобы было слышно на трибунах:

– Ты. Следующий.

Великан посмотрел на два трупа у ее ног.

– Да ну на хер, – фыркнул он.

– Бери своих друзей, – Мия улыбнулась бойцам рядом с ним. – Я всегда мечтала попробовать с тремя сразу.

Она бросила свой меч на землю.

– Или вы все трусы?

Толпа улюлюкала и подначивала их, и мужчины рассердились. Одно дело быть поверженным на собственной территории, и совсем другое – сожрать кучку дерьма, прилетевшую от невооруженной девицы, едва достающей им до пояса. Сверкнув глазами и подняв мечи, бойцы вошли в Яму.

Мрачно улыбнувшись, девушка шагнула им навстречу.

Глава 4

Предложение

– Зубы Пасти, мы что, будем торчать тут до истиносвета?! – прорычала Мия.

Пьетро поднял бровь и вылил немного золотого вина на ее сочащееся кровью плечо. Мия скривилась от боли и затянулась сигариллой, держа ее дрожащей рукой. Она сидела на низкой каменной скамье, Пьетро – позади нее, закутанный в традиционную черную робу. Десница наложил на зад девушки марлевую повязку, которая тут же пропиталась алым, и теперь зашивал кровавую рану на ее плече.

Просторная комната из темного камня тускло освещалась архимическими сферами. Как и в большинстве помещений Часовни Галанте, в воздухе слабо чувствовалась вонь. Слуги Матери Священного Убийства, проживавшие в Городе портов и церквей¹², построили свое укрытие внутри обширной канализационной сети под кожей Галанте, так что от запаха было некуда деваться. За восемь месяцев, что Мия здесь прослужила, она успела к нему привыкнуть, но предпочитала проводить в часовне как можно меньше времени. Если она не нуждалась в медицинской помощи или в пополнении запасов, то приходила сюда лишь для того, чтобы поговорить с...

– Охренеть не встать, – раздался знакомый голос. – Гляньте-ка, кого к нам нелегкая принесла.

Мия подняла голову и увидела женщину в дверном проеме, одетую в кожаные штаны, высокие сапоги и черную бархатную рубашку. Тонкая, как палка; светло-каштановые волосы подстрижены под мальчика, под глазами пролегают глубокие тени. Ходила она валяжно, а на теле было спрятано столько ножей, что любой человек в здравом уме не знал бы, что с ними делать.

– Епископ Златоручка, – Мия склонила голову. – Я бы встала и поклонилась, но арбалетный болт в моей заднице против.

– Вижу, у тебя была веселая ночь, – ухмыльнулась женщина.

– Можно и так сказ... ай, твою мать! – Мия сердито оглянулась через плечо. – Бездна и кровь, Пьетро, ты меня штопаешь или платье шьешь?

– Ладно, ладно, проваливай, – сказала Златоручка многострадальному хирургу. – Я закончу за тебя. Мне нужно поговорить с нашим Клинком наедине.

– Епископ. – Пьетро кивнул, не слишком ласково налил марлю на кровоточащее плечо Миш и покинул комнату.

Златоручка обошла Мию и сняла бинт, прилипший к ране. Девушка снова скривилась.

В преданиях о Красной Церкви женщина слыла злодейкой – Клинок Матери с большим стажем и двадцатью священными убийствами на своем имени. Старик Меркурио часто рас-

¹² Галанте может похвастаться самым большим количеством церквей и храмов во всей республике, по их численности он превосходит даже Годсгрейв. До того как Великий Объединитель Франциско I завоевал страну, народ Лииза поклонялся священной троице, известной как Отец, Мать и Ребенок. Но после поглощения итрейской монархией поклонение богу Света распространилось среди простого люда так же быстро, как огонь распространяется по хорошо укомплектованной пивоварне. Один хитрый парень, торговец по имени Карлино Гримальди, решил, что лучший способ выделиться при новом мировом порядке – вложить несколько фургонов денег в Церковь Аа. Он построил самый первый собор Аа во всем Лиизе; это высокое здание под названием Базилика Лумина находится прямо в центре Галанте. Возведенное из редкого фиолетового мрамора и украшенное прекрасными витражами, оно чуть не обанкротило своего покровителя. Однако результат был настолько впечатляющим, что кардинал Галанте назначил Гримальди губернатором города. Вскоре местная знать лезла из кожи вон, чтобы выслужиться перед духовенством Аа, и церкви Всевидающего, наряду с храмами Четырех Дочерей, начали появляться в Галанте с той же скоростью, с какой сыпь выступает в промежности проститутки после прибытия флота в город. И хоть впоследствии его распяли за уклонение от уплаты налогов, Карлино все равно вошел в историю Лииза как Исключительно Умный Ублюдок. Даже по сию перемену подлизываться к власти имущим в Лиизе называется «провернуть Гримальди».

сказывал о ней Мие, когда та была маленькой, и Златоручка стала для нее кем-то вроде кумира.¹³ Начав службу в Городе портов и церквей, Мия узнала, что епископ не отличалась любезностью. И не любила фливорности. Но ей нравились результаты, так что, к счастью, ей нравилась Мия.

– Похоже, это больно, – пробормотала Златоручка, глядя на жуткую рану на плече Миш.

– Уж точно не щекотно.

Епископ взяла костяную иглу и принялась уверенно зашивать Миш.

– Надеюсь, это того стоило?

Мия поморщилась и глубоко затянулась сигариллой с гвоздичным ароматом.

– Пока мы разговариваем, сыну сенатора Аврелия готовят маску смерти.

– Ты использовала «плач»?

Мия кивнула.

– Нанесла на губы, как вы и предлагали.

– Не стану спрашивать, как ты получила доступ к губам донна.

– Приличные дамы не болтают о своих похождениях.

– А где же юный Дов?

– Увы, – Мия вздохнула, – но мой Десница не вернется на ужин. Никогда.

– Какая жалость.

– Он не был острейшим клинком на стеллаже, епископ.

– Бедному да вору – всякая одежда впору. – Златоручка пронзила кожу иглой для очередного шва. – С тех пор, как Ярнхайм нас выпотрошила, первоклассные убийцы в дефиците. За исключением присутствующих, разумеется.

Мия закусила губу и вздохнула. Епископ говорила правду – в нынешнее время в Красной Церкви было трудно найти хороших Десниц и Клинков. Галанте никогда не считался престижным городом назначения, и большинство слуг Наи, которых отправляли сюда, мечтали о чем-то более грандиозном. Но после атаки люминатов их дела обстояли хуже, чем когда-либо.

Прошло уже восемь месяцев, но конгрегация Матери Священного Убийства по-прежнему кровоточила от удара, нанесенного Эмлин Ярнхайм и ее братом по распоряжению их отца. Церковь сильно пострадала, и не только из-за того, что лорд Кассий был убит, хотя потеря Черного Принца само по себе достаточно прискорбное событие. Торвар Ярнхайм неспроста отдал своих детей на службу Духовенству люминатов – старый ассасин таким образом выведal и выдал местонахождение всех часовен Красной Церкви в республике.

Посему, пока судья Рем орудовал в Тихой горе, люминаты организовывали подобные нападения по всей Итрее. Часовни в Двейме и Галанте остались нетронутыми.¹⁴ Но все прочие были уничтожены.

¹³ Златоручка начала свою карьеру с воровства на улицах Элая, и, даже став Клинком Матери, она не потеряла сноровку в искусстве быть незаметной. Говорят, что она двигалась как сама тьма, и могла вывихнуть себе оба плеча, чтобы с легкостью протиснуться даже в самые труднодоступные места. Ее самым печально известным подношением был сенатор по имени Фока Мериний – параноик, который так боялся, что его убьют, что, по рассказам, держал у кровати свиту из дюжины охранников даже когда занимался любовью со своей женой. Говорят, что Златоручка, чтобы добраться до Фоки, проползла по канализационной трубе – в лучшем случае шириной в двадцать сантиметров – прямо в уборную виллы и сидела там в засаде, выжидая. Когда в середине ночи бедняга Фока по зову природы отправился в уборную и устроился на сиденье, он обнаружил, что обе его бедренные артерии перерезаны еще до того, как успел начать свои дела. По имеющимся сведениям, следующие семь перемен Златоручка провела в купальне часовни, пытаясь отмыться от запаха. На что мы только не идем ради наших матерей...

¹⁴ Люминаты обошли обе часовни стороной: ту, что в Галанте, построили совсем недавно, и Ярнхаймы о ней не знали, а ту, что в Двейме, перенесли на новое место прошлой зимой, поскольку из-за необычайно сильных ливней и плохих труб ее подвал (а, следовательно, и бассейн с кровью) затопило. Вместо того чтобы снова наполнить бассейн, Духовенство решило построить новую часовню на более высоком месте в городе Сиуолл и покинуть затопленную в Фэрроу. И если тайное строительство новой часовни Матери Священного Убийства посреди крупного метрополиса кажется вам дорогостоящим и трудоемким удо-

Хуже того, Торвар выдал их имена. Псевдонимы. Последние известные места проживания. Из-за предательства бывшего Клинку и атак люминатов всего за одну неночь Мать Священного Убийства потеряла почти три четверти своих ассасинов.

Как и сказала епископ, Красную Церковь выпотрошили; это, наверное, единственная причина, по которой столь юному Клинку, как Мия, доверили такое жертвоприношение, как Гай Аврелий. За восемь месяцев, что она служила в Галанте, девушка прикончила во имя Черной Матери трех мужчин и одну женщину. Большинство Клинков ее возраста были бы рады отправиться хотя бы на свое первое убийство.

Мия была благодарна за возможность проявить себя. Но проблема заключалась в том, что ее список глоток, которые следовало бы перерезать, не сокращался, а только увеличивался. Она убила судью Рема, но консул Скаева и великий кардинал Дуомо все еще были живы. Ее семья по-прежнему оставалась неотмщенной. А после того, как Эшлин убила Трика во время нападения люминатов, в списке Мии появилась еще одна трахея, которую нужно проткнуть во имя возмездия.

Но застряв здесь, в Галанте, она не приблизилась ни к одной из этих целей.

Мия сжала челюсти, пока епископ зашивала ее рану, и подумала о... том... существе, которое заговорило с ней в некрополе. По правде, оно спасло ей жизнь. Побывав на волоске от смерти, она должна была бы чувствовать себя потрясенной, но, как обычно, спутники поглощали любой намек на страх внутри нее – и теперь это происходило вдвое быстрее, чем когда она ходила только с Мистером Добряком. Мия и близко не ощущала страха. А посему у нее оставались только вопросы.

«Что это было?»

«Чего оно хотело?»

«Корона Луны?»

Ей уже встречалась эта фраза, погребенная между страниц...

– Слышала, что у тебя возникли какие-то проблемы со стражей Аврелия, – заметила Златоручка, на несколько секунд оторвавшись от своего рукоделия, чтобы отпить медицинского золотого вина.

– Ничего такого, с чем я бы не справилась, – ответила Мия.

– Обычно ты работаешь с большей осторожностью.

– Прошу прощения, епископ, но вы просили не об осторожности, – возразила девушка с легким раздражением в голосе. – Вы просили убить сына сенатора.

– Одно не обязательно исключает другое.

– Но если бы пришлось выбирать, что бы вы предпочли?

Мия зашипела от боли, когда епископ вылила немного алкоголя на защитную рану и перевязала ее бинтом.

– Ты мне нравишься, Корвере, – сказала Златоручка. – Напоминаешь меня в более юные годы. Яйца больше, чем у половины мужчин, которых я знаю. И ты выполняешь свою работу, так что заслужила право на кое-какое самомнение. Но вот тебе мудрый совет: лучше придержи свой язык, когда вернешься в гору. Духовенство не питает к тебе таких теплых чувств, как я.

– А с чего бы мне возвращаться в гору? Меня приставили к...

– Мне только что пришло кровавое послание от вещателя Адоная, – перебила Златоручка. – Духовенство отзывает тебя обратно.

Мия с подозрением прищурилась. По коже побежали мурашки.

– ...И зачем? – спросила она.

вольствием, задумайтесь о следующем: 1. Бассейн каждой Церкви наполнен приблизительно пятьюдесятью семью тысячами литров крови. 2. В среднестатистической свинье около четырех литров крови. Посчитайте, дорогие друзья. И спросите себя, хотели бы вы наполнять один из этих проклятых бассейнов дважды.

Женщина пожала плечами.

– Я знаю только то, что они оставляют меня без убийцы и с кучей глоток, которые нужно перерезать. Если бы я могла использовать Клинок чаще, чем на одно подношение за раз, было бы хорошо. Но тогда я нарушу Клятву.¹⁵ Так что, когда увидишь этого ублюдка Солиса, будь так добра, врежь ему коленом по яйцам вместо меня, лады?

Мысли Миш закружились, в животе сплелись подозрение и радость. Отзыв Духовенства мог означать что угодно. Переназначение. Порицание. Расплату. Последние восемь месяцев она достойно служила Черной Матери, но все шахиды в горе прекрасно знали, что она провалила свое последнее испытание, отказавшись убивать невинного. Она и Клинком-то стала только потому, что лорд Кассий окрестил ее, умирая на песках Последней Надежды. Быть может, благосклонность, которую ей подарила его поддержка, наконец исчерпана...

Кто знает, что ее ждет, когда она прибудет в гору?

– Когда я отчаливаю? – спросила Мия.

Златоручка подняла костяную иглу и многозначительно посмотрела на ее зад.

– Как только сможешь ходить.

Мия вздохнула. Беспокоиться о том, чего нельзя изменить, не имело смысла. А вернувшись в гору, она сможет вновь поговорить с летописцем Элиусом и увидеться с Наив. Возможно, даже найти ответы на свои вопросы.

– Нагибайся, – приказала епископ. – Я постараюсь быть с тобой ласковой.

Мия сделала большой глоток медицинского золотого вина.

– Могу поспорить, вы так говорите всем своим девушкам.

Как оказалось, трое мужчин сразу – это немного больше, чем Мия могла потянуть.

Все начиналось неплохо. Бойцы наступали на нее, подстрекаемые насмешками толпы и видом ее брошенного в грязь деревянного меча. Первый – итрейский верзила – издал боевой клич и замахнулся клинком, целясь ей в голову. Тогда она сосредоточилась на тьме у его ног.

¹⁵ Среди людей, нанимающих убийц, хорошо известно, что Красная Церковь руководствуется кодексом если не *чести*, то как минимум *поведения*, известного как Красная клятва. Его правила таковы: • Неизбежность – ни одно жертвоприношение, принятое Церковью, не остается незавершенным. • Неприкосновенность – нынешний работодатель Церкви не может быть выбран ее целью. • Конфиденциальность – Церковь не разглашает личности своих заказчиков. • Верность – Клинок обязан служить только одному работодателю за раз. • Иерархия – все подношения должны быть одобрены Лордом/Леди Клинок или Достопочтенным Отцом/Матерью. Первые три правила были придуманы при зарождении Церкви, но правила Верности и Иерархии кодифицировали после пресловутого события в ее истории, известного как «Сказание о Флавии и Далии». Садитесь поудобнее, дорогие друзья. Флавий Апулло был итрейским генералом из числа заговорщиков, свергнувших короля Франциско XV и создавших республику. Затем он стал сенатором и, поскольку из одного следует другое, несусветно разбогател. Период после краха итрейской монархии был плодотворным для искусства профессионального убийства, и отдельным епископам местных часовен позволили принимать подношения. Сенатор Флавий Апулло начал побаиваться за свою жизнь, поскольку знал, что его соперники всерьез настроены покончить с ним, и в одну позорную перемену Красная Церковь взяла на себя обязательство убить Флавия в ту же самую неночь, в которую он нанял Клинка в качестве своего телохранителя. Стыд и срам, дорогие друзья. В довершение всей этой несусветицы *оба* задания поручили одному Клинку – женщине по имени Далия. Красивая, хитрая и несравненно владеющая кинжалом, Далия три года охраняла Флавия. За это время они стали любовниками, и Далия прикончила многих его врагов – всех, кроме самого ярого оппонента, Старейшины Тиберия. Тиберий был тем сенатором, который нанял Церковь для убийства Флавия, и по Закону о Неприкосновенности он был под защитой, пока это убийство не осуществится. Однако Тиберий умирал от Старого Доброго Сифилиса и очень хотел увидеть перерезанную глотку Флавия прежде, чем покинет этот бранный мир. Красной Церкви грозил политический скандал, который мог уничтожить ее репутацию. Флавий поступил умно и предложил Далии выйти за него замуж, чтобы укрепить их союз, – он полагал, что невеста лучше уберет его от любых потенциальных убийц, чем просто наемница. А потом поступил глупо, отказавшись от покровительства Красной Церкви в ту же перемену, в которую Далия приняла его предложение. В их брачную ночь Далия заколола своего мужа. Мнения расходятся насчет того, плакала ли она в тот момент. Женщина принесла голову Флавия больному Старейшине Тиберию в качестве доказательства выполнения заказа. Удостоверившись, что репутация Церкви осталась незапятнанной, а Тиберий перестал быть ее работодателем, защищаемым Законом о Неприкосновенности, Далия замахнулась своим кинжалом и избавила Старый Добрый Сифилис от забот. Мнения *не* расходятся насчет того, плакала ли она в тот момент. После этого инцидента было решено составить настоящие правила, предписывающие как Церкви следует вести свои гребанные дела.

Там, в свете двух солнц, тени были вялыми и тяжелыми. Но сама Мия окрепла – внутри себя, в своем естестве, – да и в конце концов, она оттачивала этот фокус годами. Девушка приклеила подошвы верзилы к его собственной тени, тем самым мгновенно остановив его нападение. Пока он восстанавливал равновесие, она скользнула к нему, сильно пнула его по колену, ударила прямо в горло и, когда верзила повалился на спину, сделала пируэт и поймала вылетевший из его руки меч под рев разгоряченной толпы.

– ...*Теперь ты просто выделяешься...* – раздался шепот в ее ухе.

– В этом и весь гребаный смысл...

Удар пришелся ей по затылку, и Мия покачнулась. Едва успела повернуться и блокировать следующий, пытаясь встать в какое-то подобие защитной позы. Оставшиеся бойцы – широкий лиизианец с рябым лицом и высокий двеймерец с семью пальцами – надвигались, не давая ей времени перевести дыхание. Мие пришлось пятиться к противоположной стороне Ямы, по задней части шеи стекала теплая кровь.

Семипалец вышел вперед и попытался нанести удары ей в лицо, шею, грудь. Мия парировала, блокировала их и попыталась прорвать его защиту, но Ряболиций стукнул ее мечом по ребрам прежде, чем она успела сделать выпад, а затем локтем повалил на землю.

Мия не ослабила хватку, крепко вцепившись в меч, и перекатилась ровно в тот момент, когда парочка уже собиралась растоптать ей голову. Быстро встав на четвереньки, она кинула горсть красного песка в глаза Ряболищему и, махнув ногой, повалила Семипальца на землю. Затем ударила ботинком по яйцам ослепленного Ряболищего достаточно сильно, чтобы вызвать сочувствие со стороны каждого мужчины в толпе. И, подначиваемая зрителями, врезала рукоятью ему в лицо, размазав нос бойца по щекам.

– ...*Сзади...*

Девушка развернулась, едва успев заблокировать удар, который чуть не проломил ей череп. Крупный итреец смог вновь подняться на ноги; его подбородок был испачкан рвотой и слюной. Мия танцевала с ним на песке – выпад и парирование, уклон и шквал ударов. Верзила был вдвое выше и сильнее нее. Разницу в росте она компенсировала скоростью и свирепой, кровавой яростью. Итреец с силой замахнулся и ударил, ломая ее гладиус пополам. Но, издав громкий крик, она протанцевала ближе, низко присела и ткнула сломанным мечом ему под подбородок. Обломки древесины пронзили его горло, и, когда Верзила упал, фонтаны артериальной крови забрызгали руки Мии.

– ...*Слева, слева!..*

Шепот Мистера Добряка заставил ее обернуться, но слишком поздно – гладиус впился в плечо, и Мия попятилась под рев толпы. Семипалец опять замахнулся, ударил ее в ребра, и девушка ахнула от боли. Затем блокировала его правую руку и притянула к себе. Учужала пот, зловонное дыхание, кровь. Семипалец врезал ей в лицо пару раз, и тогда, разъяренно зарывчав, она потянулась к теням, приклеила его ноги к земле и со всей силы толкнула в грудь. Не в силах сдвинуться с места, мужчина повалился назад, и Мия упала сверху. Нашупав его рот, скользнула пальцами за щеки и, словно крючками, потянула в разные стороны.

Боец взвыл, когда его губы треснули, толпа заревела. Девушка ударила его кулаками в челюсть – один, два, три раза. Руки алые. Зубы сжаты. Во рту кровь. Она представляла улыбающегося консула с красивыми темными глазами. Великого кардинала с бородой, напоминавшей изгородь, и голосом как падевый мед. Их лица превращались в кровавое месиво от ее ударов снова...

– ...*Мия...*

...и снова, пока она вспоминала свою мать, брата, отца, всех, кого потеряла, всех, кого они *забрали*. Этот мужчина под ней – просто очередной враг, просто еще одна преграда между ней и той переменной, когда она плюнет на все их ебанные могил...

– ...*Мия!..*

Девушка замерла. Мокрая от пота. С огненным дыханием. Покрытая чем-то липким и алым. Она чувствовала прохладу Мистера Добряка, остужающую жар крови на ее шее. Мир вновь обрел четкость, его шум постепенно наполнял уши. И сквозь грохочущий пульс и эхо ее прошлого она услышала их. Отдающиеся в груди и покалывающие в кончиках пальцев.

Аплодисменты.

Мия встала, окрашенная по локти в алое. Толпа на трибунах вскочила, Слезопийца только и успевала, что принимать шквал предложений от сангил у края Ямы. «Триста сребреников. Триста пятьдесят. Четыреста». И на дрожащих ногах девушка прошла через Яму и встала перед Леонидом. Взглянула своему будущему господину в глаза и присела в идеальном реверансе.

– Домин, – сказала Мия.

Сангила прищурился на нее. Его экзекутор что-то шепнул ему на ухо. В животе Мии воспарила буря бабочек, когда Леонид поднял руку и произнес голосом, который раскатился по всей Яме:

– Тысяча сребреников.

По зрителям прошла волна тихого бормотания, сердце Мии заколотилось. Такие деньги! По правде говоря, Леонид переплатил – скорее всего, он смог бы перебить цену большинства своих коллег и половиной от этой суммы. Но Мия знала, что домин Львов Леонида любил театральщину, а его цена дала понять всем остальным в Яме, что у него нет настроения торговаться.

Леонид ее хотел. А значит, он ее получит. И плевать на стоимость.

Все прошло идеально. Если Мия будет сражаться вместе со Львами Леонида, место в «Венатус Магни» ей почти обеспечено. А когда игры закончатся, когда она триумфально взойдет на помост...

– Тысяча один! – раздался крик.

Мия похолодела. Она подняла взгляд на трибуны и увидела, как из толпы выходит человек. Укутанный в длинный плащ, несмотря на жару. Из-под капюшона зрителям явилось милое личико, длинные каштановые волосы и бледная итрейская кожа.

Женщина.

– ...*Кто это?*..

– Понятия не имею, – прошептала Мия.

– Тысяча один сребреник, – повторила женщина.

Мия прищурилась. Она ни разу не слышала о женщине-сангиле. Хотя нескольким женщинам-гладиатам все же удалось прославиться, арена «Венатуса» всегда управлялась заботливыми руками мужчин. Может, незнакомка была агентом другого домина? Напарницей регистратора, в чьи обязанности входило поднять стоимость Мии?

Девушка с выжиданием смотрела на Леонида. Кем бы ни была эта женщина, величайший сангила в истории игр не позволит превзойти себя на один сребреник.

Лицо Тита ничего не выражало. Леонид покосился на экзекутора, снова на незнакомку и произнес так, будто слова горчат у него на языке:

– Это несколько по-детски, тебе так не кажется, дорогая?

Улыбка растеклась по лицу женщины, словно яд.

– По-детски? Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что у тебя за душой едва наберется горстка медяков, – ответил Леонид. – Если ты вознамерилась опозорить *patriis familia* собственного дома, разве нельзя было придумать способ подешевле?

Улыбка женщины стала шире, а сердце Мии ухнуло вниз.

– Благодарю тебя за беспокойство, – парировала она. – Но это просто бизнес, отец.

– ...*О нет...*

– Я уже говорил тебе, Леона, – предостерег Леонид. – «Венатус» не место для женщин. А ложе сангил – не место для тебя.

– Боишься, что мои Соколы затмят твоих Львов, любезный патрий?

Леонид фыркнул.

– Один венок победителя, полученный в грязной драке, не поднимет тебя до уровня коллегии.

– Тогда ты не станешь возражать, если я заберу эту кровожадную красавицу?

Леона повернулась к Мие. Леонид тоже на нее взглянул. Мия шагнула вперед, о ее стиснутые зубы колотились мольбы. Но шепот Мистера Добряка ее осадил:

– ...*Помни, кто ты. И кем должна быть...*

Не-кот был прав. В конце концов, это *ее* сценарий, и ей досталась самая сложная роль. Если Мия будет сражаться на арене, служа гладиаторской коллегии, то станет ее имуществом. А имущество не подает голос, пока к нему не обращаются. И определенно не вмешивается в публичную словесную перепалку между отцом и дочерью...

«Вот дерьмо».

Мия посмотрела на сангилу Леонида. С мольбой в глазах. Все было просчитано до мелочей. Она боролась как демон, добилась одобрения всех хозяев крови в Яме. Оставалось всего одно слово, всего *одно предложение*, и она вступит в величайшую коллегию республики. Окажется на шаг ближе к глоткам консула Скаевы и кардинала Дуомо. Все, что ей нужно, это чтобы Леонид произнес...

– Хорошо, Леона.

Мужчина демонстративно пожал плечами и повернулся к дочери спиной.

– Забирай ее. Но вряд ли она принесет тебе пользу.

Леона ослепительно улыбнулась. Плечи Мии опустились. К рингу промаршировали легионеры, косоглазый юноша надел ей на запястья кандалы. Она могла убежать. Спрятаться под плащом из теней и выскользнуть из Ямы, оставив за собой рой встревоженных криков и молитв, обращенных к Всевидающему.

Но тогда Мия вернется к тому, с чего начала. Ей потребовались недели, чтобы организовать тайную поездку в Ашках, устроить крушение каравана, продажу в Садах. И она потратит еще больше времени, пытаясь попасть в коллегию попомощественнее, а грандиозные игры уже так близко, и она просто не может потратить это драгоценное время впустую.

Мия прикончила слишком много людей, рисковала слишком многим, чтобы очутиться здесь, и теперь не могла просто все бросить. И хотя Леона была неизвестным фактором, Мия по-прежнему верила в свои силы и в глубине души не боялась потерпеть неудачу. Позади нее – только кровь и гора, полная предателей. А впереди – песок «Венатуса» и расплата.

Теперь это ее путь. К лучшему или к худшему, но она должна его пройти.

Легионеры расступились. Мия подняла взгляд на донну Леону, стоящую перед ней. Вблизи было видно, что женщине не больше двадцати пяти лет. Ярко-голубые глаза, каштановые волосы, уложенные аккуратными завитками, и небольшая россыпь веснушек на лице. Она носила золотые украшения и обручальное кольцо с рубином. Под плащом виднелось платье из нежного лиизинского шелка. Все в ней кричало о достатке. Все, кроме глаз. Рискнув взглянуть в эти сверкающие, как брильянты, голубые колодцы, подведенные сурьмой, Мие пришло в голову лишь одно слово для их описания.

Голодные.

– Моя кровожадная красавица, – женщина улыбнулась. – Из нас выйдет отличная пара.

Мия замерла, не зная, что сказать. Леона с раздражением покосилась на солдат. Один из мужчин достал дубинку и ударил Мию по ногам. Девушка вскрикнула и упала на колени. Зубы сцеплены, окровавленные руки сжаты в кулаки. Но она чувствовала Мистера Добряка, свернувшегося в прохладе ее тени, слышала, как он шепчет ей на ухо.

– ...*Кто ты и кем должна быть...*

Посему Мия осталась сидеть в пыли, потупив взгляд, тихо и неподвижно.

– Я – донна Леона, – сказала женщина. – Но ты будешь звать меня доминой.

Она протянула руку. Мия увидела золотой перстень на ее пальце – сокол с распростертыми крыльями, коронованный венком победителя.

Дубинка ударила ее по лопаткам. Мия ахнула от боли.

– Прояви уважение, рабыня! – рявкнул солдат.

Мия уставилась на хищную птицу с золотым венком. Такую же гордую, яростную и дикую, как она. И тем не менее вот она, преклоняется, сидя в грязи, как побитый котенок.

«Терпение», – подумала девушка.

«Если у Отмщения есть мать, то имя ей Терпение».

Мия сделала глубокий вдох.

Закрыла глаза.

Пробормотала:

– Домина.

И, подавшись вперед, поцеловала перстень.

Глава 5

Поклонение

У свиной крови очень специфический вкус.

Человеческую лучше пить теплой, и от нее на зубах остается привкус натрия и ржавчины. Конская менее соленая и почему-то горькая, почти как темный шоколад. Но свиная кровь маслянистая, как устрицы или смазанное железо, – она скользит по горлу и обволакивает его, как жир.

По правде говоря, Мия ее просто ненавидела.

Она резко вынырнула из кровавого бассейна, жадно втягивая воздух, в ушах по-прежнему грохотал пульс, голова кружилась. Девушка была голой, не считая стилета из могильной кости на запястье и меча из того же материала на талии. Длинные черные волосы липли, как сорняки, к покрытой кровью коже. В пальцах был зажат прямоугольный непромокаемый сверток. В бассейне рядом с ней стояли двое Десниц в темных робах и помогли ей подняться, пока она часто дышала, отплевывалась и вытирала кровь с ресниц.

Окинув помещение мутным взглядом, Мия обнаружила себя стоящей по пояс в треугольном мраморном бассейне с кровью, каждая его сторона была длиной около девяти метров – покои вещателя Адоная в Тихой горе. Комнату испещряли колдовские глифы, в воздухе висел тяжелый запах бойни. На стенах были кровью нарисованы карты всех городов республики.

Мия облизнула зубы, сплюнула и убрала волосы с глаз.

Прямо перед ней на каменном полу сидел крововещатель Адонай. И хоть девушка никому в этом не призналась бы, в ее животе слегка запорхали бабочки при виде колдуна. Ткачиха Мариэль из любого могла сделать картинку, но брат был ее шедевром – точеные скулы и волевой подбородок, кожа призрачно-бледная, взъерошенные волосы – белоснежные. Он носил шелковую багряную мантию с вырезом на груди, являя всем впадины и выемки своего торса, будто высеченного из мрамора. Кожаные штаны сидели так низко на бедрах, что это выглядело почти неприлично, а треугольная линия нижней части его живот...

– Доброй перемены, Клинок Мия, – поздоровался Адонай.

Она заставила себя поднять взгляд и посмотреть в его глаза цвета крови.

– И вам, вещатель.

Красивые губы колдуна изогнулись во всезнающей улыбке, но Мия сохранила каменное выражение лица. Несомненно, вещатель был неотразим. И девушка часто баловала себя фантазиями о нем, лежа в кровати и представляя его бледные ловкие пальцы, пока ее собственные опускались все ниже и ниже. Она даже спасла их с его драгоценной сестрой во время нападения люминатов. Но Мия все равно считала, что он бессердечный ублюдок.

«Бессердечный ублюдок, которого грех не трахнуть...»

– Духовенство алчет лицезреть тебя в Зале Надгробных Речей, – сказал Адонай.

Мия осторожно, чтобы не поскользнуться на мокрой от крови плитке, двинулась к ступенькам, по-прежнему хромая из-за раны. Девушка чувствовала взгляд вещателя на своем обнаженном теле, кровь тихо плескалась от ее движений, как воды спокойного моря. Она посмотрела в сторону коридора и ступенек, которые приведут к ожидающему ее Духовенству. Задалась вопросом, зачем, ради бездны, ее позвали.

Кинув прощальный взгляд на вещателя, Мия вышла из комнаты. Смыва подсыхающую кровь и, бесшумно двигаясь, надела черные кожаные штаны, сапоги из волчьей шкуры и темную льняную рубашку. Стиллет из могильной кости спрятала в рукаве, а ножны с великолепным мечом повесила на талию. Первый принадлежал ее матери, а второй отцу – Мия забрала меч из руки мертвого судьи Рема. Рукоятки обоих клинков были сделаны в виде вороны в полете с красными глазами из янтаря. Это все, что у нее осталось от родителей, помимо фамилии.

Наверное, в этом крылась какая-то метафора...

Развернув непромокаемый сверток, она достала потрепанную книгу в кожаном переплете, взяла ее под мышку и поплелась по лестнице.¹⁶ В черноте парил голос призрачного хора, и Мия не смогла сдержать улыбки при звуках до боли знакомой песни. Спустя долгие месяцы в Галанте она наконец-то вернулась в священные залы самых опасных ассасинов во всей Итрейской республике.

Наконец-то вернулась домой.

После бесконечного подъема девушка вошла в Зал Надгробных Речей. Огромный и круглый, он был вырезан прямо в гранитном сердце Тихой горы. В двенадцати метрах над ее головой высилась прекрасная статуя Наи, Матери Ночи и Благословенной Леди. В правой руке она держала весы, а в левой – грозный острый меч. Всякий раз, когда Мия попадала в зал, глаза Наи будто следили за каждым ее шагом.

В помещении высились широкие колонны – они казались толще, чем стволы древнего железного дерева. Стены усеивали склепы, сквозь огромные витражные окна лился багровый свет. На плитах были высечены имена всех жертв Красной Церкви – тысячи жизней, принесенных на алтарь во имя Черной Матери. Но склепы оставались безымянными. В них покоились слуги Матери, и лишь Она оплакивала их после смерти.

Взглядом Мия нашла склеп на западной стене. Четыре маленькие буквы, которые она нацарапала на камне своим клинком из могильной кости восемь месяцев назад.

– Клинок Мия, – раздался глубокий голос. – С возвращением домой.

Девушка повернулась к основанию статуи. Там собралось все Духовенство Красной Церкви и выжидательно наблюдало за ней.

Все, кроме Достопочтенного Отца Солиса, разумеется.

Крупный итреец смотрел своими незрячими глазами на высокие фронтоны. Он был одет в мантию из дорогой серой ткани, за спиной висел капюшон. На исполосованном ирамами черепе прорастали короткие светлые волосы, борода была уложена в форме четырех игл дикобраза. На талии висели вечно пустые кожаные ножны с тиснением в виде концентрических колец.

Справа от Солиса стояла Паукогубица, шахид истин. Элегантная двеймерка облачилась в изумрудно-зеленое одеяние с золотым украшением на шее. Ее дреды были заплетены в замысловатую прическу на макушке. Руки и губы чернели от ядов.

Слева от Солиса стоял Маузер, шахид карманов; его привлекательная внешность была обманчива, поскольку в глазах мерцала многолетняя мудрость. На боку у шахида висел меч из ашкахской чернотали, на рукояти которого переплетались две обнаженные фигуры с кошачьими головами. Он перекачивал монетку между пальцами правой руки, а в левой сжимал вычурную трость – во время атаки люминатов шахид получил сильную травму ног, и теперь будет хромать до конца своей жизни.

Дальше стояла Аалея, шахид масок. Молочно-белая кожа, кроваво-алые губы, завеса из черных волос обрамляет лицо, из-за которого слово «красота» повесилось бы от стыда. Она улыбнулась Мие так, будто весь мир был тайной, и лишь она знала ответы. Обещая поделиться ими, как только они останутся наедине.

Духовенство до сих пор не назначило нового шахида песен – Солис по-прежнему учил новых аколитов искусству стали, пока не найдется подходящая замена. Раны от предательства Ярнхаймов еще не зажили, и даже здесь, в месте сосредоточения церковной власти в республике, струнья все еще были свежи.

¹⁶ Поднимаясь по лестницам горы, Мия часто считала количество ступенек. И каждый раз оно не совпадало, что ее ничуть не удивляло. Некоторые из более «темпераментных» лестничных пролетов, как те, что вели к Залу Песен, менялись постоянно: лестничные пролеты, ведущие к Небесному алтарю, казались чуть ли не ленивыми по сравнению с ними. Довольно любопытно, что количество ступенек, ведущих к Залу Надгробных Речей, оставалось неизменным. Триста тридцать три.

- Шахиды, – Мия поклонилась. – Я вернулась, как вы и просили.
- Как мы и приказали, – прорычал Солис.
- ...Простите, Достопочтенный Отец. Как вы и приказали.

Обращение оставило неприятный привкус на языке Мии. После смерти Кассия казалось вполне логичным, что Леди Клинков станет Достопочтенная Мать Друзилла, и ее решение назначить Солиса Достопочтенным Отцом, мягко говоря, раздосадовало Мию. Мужчина все еще ходил с крошечным шрамом на лице, полученным в ту перемену, когда Мия одолела его в Зале Песен, а ее руку все еще покалывало время от времени в том месте, где он в отместку отрубил ее. По правде говоря, Мия ненавидела его всеми фибрами души, и мысль о том, что ей придется выполнять его приказы, вызывала в ней столько же энтузиазма, сколько у кота вызывал вид ошейника.

Солис злобно пыхтел, его невидящий взгляд был направлен в потолок, мантия натягивалась на широких плечах. На его фоне все остальные члены Духовенства выглядели как дети. Мия полагала, что его вид должен был ее запугать, но он только в очередной раз напомнил, как плохо Солис подходил на эту роль.

«Он даже не помещается в мантию, которую обязан носить...»

- Итак, – без предисловий начала Паукогубица. – Гай Аврелий мертв?
- ...Да, шахид, – ответила Мия.
- Говорят, ты сама чуть не погибла в процессе, – задумчиво произнес Маузер.
- Всего лишь получила царапину, шахид, – она пожала плечами и скривилась, когда швы на коже натянулись. – Правда, танцевать я смогу не скоро.
- Да ты едва ходить можешь, аколит, – прорычал Солис.
- При всем уважении, Достопочтенный Отец, – сказала Мия, начиная терять самообладание. – Но лорд Кассий помазал меня, лежа на смертном одре. Я не аколит. Я КЛИНОК.
- Это мы еще посмотрим, – процедил он.
- На моем имени уже четыре убийства.
- Маузер наклонил голову вбок.
- Разве не пять?
- Ты уверена, что не забыла, как убила двумерского короля в его собственном доме, не спросив нашего разрешения? – добавила Паукогубица.

Мия проглотила свой ответ. Снова покосилась на буквы, вырезанные ею на безымянном склепе на западной стене.

ТРИК.

Они дали друг другу клятву. Он – ей, и она – ему. Трик поклялся убить Скаеву и Дуомо за нее, если она погибнет. А она поклялась, если погибнет Трик, убить его большого ублюдка-деда Мечеломы. По правде говоря, Мия считала, что заслужила право на это убийство после того, как спасла жизни всех мужчин и женщин, стоящих в этом зале. Но, возможно, тому, что ее отправили в такую глушь, как Галанте, имелась причина?

В зале звенела тишина, Мия медленно закипала.

– Можно поинтересоваться, почему я здесь? – наконец рискнула спросить она.

Солис осклабился.

– У тебя появился поклонник, маленький Клинок.

Девушка подняла бровь, глядя на Достопочтенного Отца.

– Если это кто-то из присутствующих в зале, он очень хорошо это скрывает.

Губы Аалеи – темные, как кровь, – изогнулись в улыбке.

– Пожалуй, «покровитель» – более подходящее слово. Твои последние три подношения – сын сенатора Аврелия, магистрат Филлип Цицери и любовница Армандо Тулли – были заказаны одним и тем же клиентом Церкви. Он просил об услугах именно «той, что убила судью легиона люминатов и его лучших центурионов». И щедро за это заплатил.

– И кто этот покровитель, шахид?

– Не имеет значения, – Солис нахмурился. – Все, что тебе нужно знать, это то, что случилось чудо из чудес и он доволен твоими результатами. Тебя отправляют за более крупной рыбой.

Мия бросила на Солиса внимательный взгляд. Его нахмуренный лоб и сжатые челюсти не оставляли сомнений: она поставила бы все до последней монеты на то, что Достопочтенный Отец выступал решительно против ее назначения. Но это все равно произошло. А значит, покровитель был могущественен. Или богат. Или и то, и другое.

«Что ж, это сужает круг...»

– Итак, в какое новое захолустье хочет меня отправить этот прославленный покровитель? – спросила Мия. – В Последнюю Надежду? Амай? Сто...

– Годсгрейв, – перебил Маузер.

Мия прикусила язык, ее сердце забилося чаще.

«Зубы Пасты. Годсгрейв...»

Столица Итреи. Только лучшие Клинки Церкви служили в Городе мостов и костей. Там жили великий кардинал Дуомо и консул Скаева. Если Мия хочет отомстить за родных, первым делом она должна подобраться поближе к людям, которые их убили.

Если ей каким-то чудом повезло получить желанное место назначения...

– Я знаю, о чем ты думаешь, – прорычал Солис. – Знаю, почему ты пришла в эту Церковь и чего ты жаждешь. Так что, хоть я, вопреки здравому смыслу, и отправляю тебя в столицу, скажу тебе сразу и всего один раз. – Солис навис над ней, слепые глаза вперились в Мию. – Консула Юлия Скаеву – не трогать.

Мия нахмурилась.

– Поч...

– Я не позволю, чтобы ты осуществляла собственную вендетту, находясь на службе у нашего Духовенства, – отчеканил Солис. – Ты и так убила двумерского бару из-за неуместного сочувствия к мальчишке, с которым спала. Я не потерплю, чтобы еще кто-то погиб без нашего разрешения от твоей руки. Или твоей манды.

– С кем я сплю – мое дело. И не вам решать...

– Как раз МНЕ решать! – проревел Солис. – Я – Достопочтенный Отец этой конгрегации! Мне насрать, с кем ты мнешь меха, но Мечелом был гребаным королем! Что если бы он был покровителем этой Церкви? Мы бы нарушили Закон о Неприкосновенности! Наша репутация была бы разрушена из-за прихоти ребенка!

– Это было не прихотью, а КЛЯТВОЙ!

– Что ж, давай поговорим о клятвах, девочка, – сплюнул Солис. – Ослушаешься меня, и я обещаю тебе такую смерть, от которой даже сама Богиня отведет взгляд. Скаеву – не трогать!

– Но почему? – Мия посмотрела на представителей Духовенства, гнев наконец взял в ней верх. – Люминаты убили лорда Кассия, чуть не убили всех вас! Думаете, они действовали не по приказу Скаевы? Рем был гребаным прихвостнем. Да он даже ссать не ходил без разрешения консула!

– Слушай сюда! – Солис предостерегающе поднял палец, его слепые глаза вспыхнули. – Мы разберемся со Скаевой. Но по-своему. В свое время. Ты служишь Благословенной Леди, и во имя Ее, это значит, что ты должна СЛУЖИТЬ, мать твою!

Мия почувствовала, как ее щеки краснеют от ярости. Она уставилась в слепые глаза мужчины и представила, как достает из рукава стилет из могильной кости. Перерезает его глотку. Выпускает его теплые внутренности на пол. Но из этого потока гнева вынырнула одна леденящая мысль, взяла ее за загривок и потрясла, пока Мия не успокоилась.

«...Он прав».

Она действительно вела себя как ребенок.

Она действительно рисковала репутацией Церкви, убив Мечелома.

Она действительно планировала убить Дуомо и Скаеву, если вернется в Годсгрейв.

Она так сильно вцепилась в книгу, которую держала в руках, что костяшки ее пальцев побелели. Но Мия заставила себя ослабить хватку и произнести слова, которые тяжело повисли в безмолвной темноте.

– Во имя Ее, я буду служить.

Широкие плечи Солиса постепенно расслабились – Мия осознала: он надеялся, что она взбунтует. Но после долгой и напряженной паузы мужчина достал из-под мантии кожаный футляр для свитков, запечатанный черным воском.

– Одно убийство. Женищина по кличке Донна. Предводительница банды браавов, которая контролирует улицы Малого Лииза. Ты там выросла, верно?

– ...Да. – Мия потянулась за футляром.

– Одно условие, – уточнил Солис, поднимая палец. – Ты должна доставить своему покровителю определенный предмет. Карту на древнеаикахском, с печатью в форме серповидного лезвия. Донна организывает обмен с нынешним владельцем карты. Ты должна забрать ее и жизнь женищины.

– ...И что это за карта?

– Она содержит подробные указания, как найти империю Не Твое Гребаное Дело.

– Обмен будет проходить в штабе банды Щеголей, – встряла Паукогубица. – В конце месяца.

– То есть через восемь перемен, – сказала Мия.

– Слава Черной Матери, – сухо произнес Солис. – Она умеет считать.

– На пальцах обеих рук, Достопочтенный Отец.

Солис с хмурым видом передал ей футляр. Мия закусила губу, ее мозг напряженно работал. Восемь перемен – не так уж и много времени, чтобы спланировать подобное убийство. Ей понадобится помощник, которому можно доверять.

– Могу я взять с собой в Годсгрейв Десницу? – спросила она. – Мой предыдущий познакомился с болтом, который не пришелся ему по вкусу.

– Боюсь, что нет, – ответила Аалей, словно прочитав ее мысли. – Наив нужна нам здесь. Поскольку большинство кровавых бассейнов уничтожены, ситуация с поставками критическая. В некрополе под Годсгрейвом построили новую часовню. Местный епископ обеспечивает тебя Десницей. Адонай уже отправил кровавое послание, чтобы сообщить ему о твоём прибытии.

Солис наклонил голову, молочно-белые глаза смотрели куда-то выше плеча Миш.

– У тебя есть восемь перемен, чтобы убить эту Донну и заполучить карту. У твоего покровителя припасены для тебя и другие подношения, если, конечно, ты не погибнешь в погоне за этим.

– Я слишком красива, чтобы умирать. – Мия смахнула челку с глаз.

Солис хмыльнулся.

– Мариэль позаботится о твоих ранах. Адонай подготовит Тропу для перемещения в Годсгрейв. Прощайся со всеми и будь в его покоях к двенадцатому удару часов.

В ее голове гремели вопросы. Кто этот покровитель? Зачем убивать члена банды браавов? Почему именно ее выбрали в качестве наемницы? Что на той карте?

«Неважно», – поняла Мия.

Ее дело не спрашивать. Ее дело – служить. Чем быстрее она зарекомендует себя, тем раньше заслужит постоянное назначение в часовню Годсгрейва. И тогда, что бы там ни говорил Солис, она окажется на шаг ближе к своему отмщению.

Волк не жалеет ягненка.

Буря не молит утопших о прощении.

– Я не подведу вас, – пообещала Мия. – Клянусь Черной Матерью.

Солис скрестил руки, его лицо во мгле ничего не выражало.

– Иди, – наконец сказал он. – Пусть Мать обретет тебя как можно позже. А когда это все же случится – поприветствует поцелуем.

Мия взяла под мышку футляр со свитком и свою потрепанную книгу. Низко поклонившись, медленно попятилась из зала. Когда она вышла в темный коридор с прекрасными витражными окнами и гротескными костяными скульптурами, из мрака выскользнули две тени и поравнялись с ней.

Кот из теней. А рядом с ним – теневая волчица.

– Нет, ну вы это слышали? – прошептала Мия. – Этот ублюдок назвал меня аколитом!

– ...Ты так говоришь, будто ублюдочность Солиса стала для тебя открытием... – ответил Мистер Добряк.

Откуда-то из-под пола раздалось рычание Эклипс.

– ...*Кассий всегда считал его заносчивым отморожком. Из всего Духовенства Солис нравился ему меньше всех. Надо как-нибудь преподать ему урок хороших манер...*

– ...Есть и менее драматичные способы самоубийства, щенок...

– ...*Неужели у тебя так мало веры в нашу хозяйку, котенок?..*

– ...Она не ТВОЯ, ты, ш...

– Черная Мать, довольно! – рявкнула Мия, потирая виски. – Последнее, что я хочу сейчас слышать, это как вы препираетесь, словно две старые девы.

Ее спутники притихли, в темноте звучало лишь эхо бестелесного хора. Мия сделала глубокий вдох, пытаясь держать свой пресловутый темперамент в узде. Духовенство по-прежнему относилось к ней как к новичку. Несмотря на все, что она сделала. Но, по крайней мере, ее отправляли в Годсгрейв. Покровительство этого загадочного благодетеля было неожиданным, но, по правде говоря, Мия радовалась, что хоть кто-то оценил усилия, которые потребовались, чтобы убить судью и сотню его людей. Если он приведет ее к Скаеве и Дуомо – тем лучше.

Однако ее мысли постоянно возвращались к драке в некрополе. К тому существу с клинками из могильной кости и извивающимися щупальцами по краям капюшона. И хоть благодаря густым теням у ее ног она не испытывала страха, девушка понимала, что здесь задействовано нечто грандиозное.

Она посмотрела на книгу под мышкой, провела пальцами по изъеденной временем обложке. По потемневшей латунной застежке.

– Найди Корону Луны, – прошептала Мия.

– ...У нас есть время до двенадцатого удара часов...

Девушка засунула большие пальцы за пояс.

Осознала, что чертовски хочет покурить.

– В самый раз, чтобы успеть вернуть библиотечные книги.

В ее клетке смердело мочой и застоявшимися страданиями.

Солома заплесневела, ведро в углу покрылось коркой из грязи и мух. Мию вывели из Ямы; проходя через ворота, она увидела, как Слезопийца кивнула ей на прощание. Четверо хорошо вооруженных легионеров провели ее через оживленный рынок и наконец заперли в клетке в большом здании администратов. Ее стоимость определили, но деньги пока не выплатили. У Мии остается несколько часов, прежде чем домина получит над ней полную власть. Несколько часов, чтобы собрать воедино клочки своего плана.

– ...*Нам нужно сообщить обо всем гадюке...*

Мия хмуро посмотрела на Мистера Добряка. Он был всего на тон темнее теней, откидываемых на пол решеткой. Соседние клетки пустовали, но Мия все равно не повысила голос.

– Я бы предпочла, чтобы ты перестал так ее называть.

– ...*У тебя есть для нее менее лестное прозвище?..*

– Ты мог бы называть ее гребаным именем.

Не-кот фыркнул – довольно впечатляюще для существа без легких.

– ...*Мы должны были сделать так, чтобы тебя купил Леонид. Вместо этого тебя приобрела его дочь. Гадюка никак не может об этом знать. Они с Эклипс будут ждать нас в коллегии Леонида в Уайткипе, как и планировалось...*

– Да, это было оплошностью, – признала Мия.

– ...*Весь этот план – оплошность и безумие, которые держатся на гребаных соплях...*

– Я знаю, что делаю.

– ...*Какая жалость, что гадюка не знает...*

Мия вздохнула.

– Тебе придется ей рассказать. Сможешь добраться до Уайткипа?

– ...*Уверен, я найду корабль, на который можно проникнуть. Но что будешь делать ты?..*

– А что еще я могу? – Мия пожала плечами. – Тренироваться в манеже Леоны. Сражаться. Побеждать. Пункт назначения не изменился, только отправная точка.

– ...*И где мне велеть гадюке тебя встретить? Где коллегия твоей новой донны?..*

– Не имею ни малейшего гребаного представления.

– ...*О да. Ты определенно знаешь, что делаешь...*

Мия показала не-коту костяшки и заправила грязные волосы за уши. Она по-прежнему была покрыта запекшейся кровью, потом и пылью. Усевшись на солому, она попыталась стереть из памяти лица мужчин, которых убила в Яме. Ей нужно было произвести впечатление – так она и поступила... некоторым образом. Мия и прежде убивала десятки людей, стоявших у нее на пути. И все же эти бойцы просто выполняли свою работу...

– Чувствую себя дерьмово, – вздохнула она.

– ...*Пахнешь тоже не очень...*

– Я не это имела...

– ...*Ты не можешь себе позволить жалеть тех мужчин, Мия. На такой глубине твое сострадание только послужит якорем, который утянет тебя на дно. Ты должна быть такой же жестокой и суровой, как люди, на которых ты ведешь охоту...*

– Если бы я не проявила сострадание на последнем испытании Красной Церкви, то попала бы на банкет в честь посвящения, когда Эшлин и Осрик отравили Духовенство. Тогда бы мы все были мертвы.

– ...*Ты так и будешь постоянно заводить эту вольнку, не так ли...*

В коридоре раздались шаги, и не-кот испарился, как дым. Мия подняла голову и увидела, как администрат открывает ее клетку. Коренастый бородатый мужчина был одет в белую мантию с тремя солнцами Итрейской республики. Рядом с ним стоял юноша в рясе послушника с короткими рукавами, держа в руках высокий стул и шкатулку из красного дерева.

Донна Леона бесшумно шагнула в клетку, за ней последовал самый мускулистый мужчина, которого Мия когда-либо видела. Он был итрейцем, на вид – немного за тридцать. Край пышной бороды блестели сединой, густые волосы собраны в длинный хвост. Кожа у него была сморщенной, словно мятый лист бумаги; бровь, щеку и губу пересекал длинный шрам, искажая черты лица, из-за чего оно выглядело вечно насупленным. Глаза мужчины были налиты кровью, и он грузно опирался на трость с набалдашником в виде львиной головы. Опустив взгляд, Мия увидела, что к его левой ноге ниже колена крепился железный штырь.

Он хмуро изучил Мию серо-стальными глазами, и его голос захрустел словно гравий:

– Это девчонка.

Донна Леона подняла идеальную бровь.

– Я заметила.

– Бездна и кровь, донна, вы потратили тысячу сребреников на эту коротышку? Я не волшебник. Мне нужна глина, с которой можно работать.

– Она убила пятерых бойцов за пять минут, – отчеканила Леона. – И стоила каждой монеты.

– Что ж, тогда это просто охренительно. Поскольку у нас за душой не осталось ни гроша.

– В эту поездку мы приобрели еще два вполне достойных экземпляра. И не тебе меня осуждать, экзекутор. Если бы ты вчера не осушил все Сады, то был бы рядом со мной этим утром, когда я делала покупку.

Мужчина что-то проворчал себе под нос и вновь посмотрел на Мию.

– Вставай, рабыня.

Та молча повиновалась, встав с сомкнутыми руками. Итреец, хромая, обошел ее кругом, железная нога стучала по камню при каждом шаге. Девушка не проронила ни звука и смотрела в пол, пока он ее изучал. В дыхании здоровяка чувствовался запах алкоголя.

– Она слишком низенькая, – заявил он. – Руки короткие.

– Она быстрая, как ветер, – ответила Леона.

– Слишком молодая. Пройдут годы, прежде чем она будет готова к арене.

– Пять бойцов, – повторила Леона. – За пять минут.

– Она *девчонка*, – прорычал мужчина.

– Я тоже ею была, – тихо ответила донна. – И это никогда не делало меня хуже в твоих глазах.

– Да стоит мужчинам ее учуять, как у них снесет гребаную крышу!

– Разве мой отец не говорил то же самое обо мне, когда я посещала коллегия? И разве не ты попросил разрешения меня оставить? Чтобы я могла учиться?

– Это совершенно другая история, ми донна. Вы – дочь домина. А эта соплячка будет спать в казарме со всеми остальными.

– И пока она не проявит себя на Отсеве, ты позаботишься о том, чтобы мое вложение оставалось в целости и сохранности, – холодно произнесла Леона.

– Она ни за что не переживет Отсев.

– Тогда у тебя появится счастливый повод сказать мне: «А я говорил», экзекутор.

Здоровяк хмуро взглянул на Мию. На долю секунды она встретилась с ним глазами. В черных зрачках девушки пылала ярость, она мысленно пообещала себе:

«Когда наступит истиносвет, ты подавишься этими словами, сукин сын».

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Меня кличут Вороной, ми дон, – ответила она, снова потупившись.

– Я похож на гребаного дона, девочка?! Ты будешь называть меня экзекутором.

Мие потребовались все силы, чтобы сдержаться и не ударить его коленом по яйцам. Чтобы не выбить ему все зубы изо рта и не станцевать на его голове.

– Да, экзекутор, – ответила она.

Мужчина сердито на нее смотрел, его лицо стало еще мрачнее, чем оно было из-за шрама. Тут явно не обошлось без острого меча, подумала Мия. Наверняка он заработал его где-то на арене. Экзекутор двигался как боец. Грациозно и властно, даже невзирая на отсутствие половины ноги.

– Мы отплываем утром, – заявила Леона. – Чем раньше мы вернемся в Воронье Гнездо и начнем ее обучать, тем лучше.

Сердце Мии подскочило в груди.

– ...Воронье Гнездо? – прошептала она.

От полученной оплеухи Мия отлетела к задней стене. Ее голова стукнулась о камень, и девушка рухнула на колени, тяжело дыша. Уже через секунду она снова была на ногах, в глазах

ее сверкнула ненависть, когда она посмотрела на ударившего ее итрейца. Но, стремительный, как ртуть, экзекутор врезал ей кулаком в живот и вновь заставил опуститься на колени.

«А он быстрый...»

Мия почувствовала, как ее грубо схватили за волосы и оттянули назад голову. Ахнула от боли.

– Ты забываешься, девочка, – сказал экзекутор. – Еще раз посмеешь что-нибудь вякнуть в присутствии своей домины, когда тебя не спрашивают, я отрежу тебе язык и скормлю его своей гребаной псине. Тебе все ясно?!

«Терпение...»

– Да, экзекутор, – прошептала Мия.

Мужчина хмыкнул и отпустил ее. Леона смотрела на Мию с безразличным, высокомерным выражением. Что бы новая домина Мии ни думала о боевых навыках девушки, было ясно, что она не имеет ничего против жестоких методов своего экзекутора.

После напряженной паузы донна Леона повернулась к администрату, по-прежнему терпеливо ждущему в коридоре.

– Ну, заходите, делайте свое дело.

Администрат и его послушник прошли в клетку. Юноша поставил высокий стул рядом с Мией, открыл шкатулку из красного дерева и протянул ее администрату. Внутри Мия увидела коллекцию железных игл. Порошки в закупоренных склянках и пузырьки с чернилами. Ее тень начала разрастаться, в животе набухал страх. Она знала, что это неизбежно. Что все это предусмотрено планом. И все же...

– Сядь, – приказал администрат.

Мия заставила себя встать с пола, покосилась на ремешки и пряжки на подлокотниках стула. Они определенно намеревались обездвигить ее для проведения предстоящей процедуры. Она знала, что если снова заговорит, получит очередной удар. Поэтому девушка молча вперила взгляд в маленькое зарешеченное окошко и кусочек голубого неба за ним. И не шевельнулась.

Экзекутор зарычал низким голосом и уже было замахнулся для удара.

– Делай, как тебе...

– Нет, – остановила его донна Леона, наблюдая за Мией с любопытством. – Пусть стоит.

– При всем уважении, донна Леона, – сказал администрат, – это не простая татуировка. Это архимический процесс. Боль просто невыносимая. Скорее всего, она потеряет сознание.

Мия вспомнила, как ее бичевала ткачиха Мариэль, и чуть не рассмеялась над его словами. В глазах донны Леоны тоже заплескалась смешинка.

– Ставлю сотню серебреников, что ничего подобного не произойдет.

Экзекутор неодобрительно хмыкнул. Администрат слегка опешил.

– Я не азартный человек, ми донна.

– Но вы человек, который решил рассказать мне о том, что я и так прекрасно знаю? – голос Леоны стал острым, как бритва. – Я выросла в лучшей гладиатской коллегии во всей Итрейской республике. Я знаю, как наносится проклятое рабское клеймо. А теперь приступайте.

Администрату почти удалось подавить вздох. Он повернулся к шкатулке, открыл склянки и начал смешивать компоненты в стеклянной мисочке. Внутренний ядоваритель в Мие наблюдал за всем с интересом и отмечал, как соединяются компоненты архимической смеси, пузырясь, шипя и брызгая черным.¹⁷

¹⁷ Архимия рабского клейма – это тайна, строго хранимая итрейскими администратами. Чернила наносятся не только на кожу человека, но и на кость под ней, и, если раб решит устранить клеймо посредством ножа или огня, татуировка просочится через рубцовую ткань и восстановится. Есть лишь четыре способа удалить архимическое клеймо. Первый – с помощью администрата, после того как раб выкупит или заслужит свою свободу. Второй – с помощью ашкахского колдовства. Третий

Администрат окунул иглу и поднял ее к лицу Мии. Послушник стоял позади нее и держал голову. Девушка заставила себя не шевелиться и стиснула зубы. Пристроив сталь к щеке Мии, администрат поднял тонкий ювелирный молоток. Мия затаила дыхание. И, без дальнейших прелюдий, администрат вбил иглу в ее щеку и прямо в кость под ней.

Черное пламя. Огненная агония. Глаза Мии расширились, зрачки сузились; боль пронзила череп и лишила воздуха в легких. Ее колени подкосились, в глазах вспыхнули черные звездочки. Администрат отошел, явно ожидая, что Мия упадет. Но, с набухающей тенью и вздымающейся грудью, девушка осталась стоять на ногах.

Мия посмотрела на Леону. Донна наблюдала за ней с расплывающейся на лице улыбкой.

– Ну? – обратилась женщина к администрату. – Продолжайте!

Тот пожал плечами и, больше не делая театральных пауз, продолжил вбивать иглу в щеку Мии. Еще раз и еще раз. Небольшая очередь из трех крошечных ударов, но каждый отдавался громом в ее голове.

тукТУКТУК

тукТУКТУК

Ногти впились в кожу ладоней.

Перед глазами поплыли белые пятна.

Комната закачалась под ней, как корабль во время бури.

тукТУКТУК

тукТУКТУК

Хуже всего было ожидание. Мгновение между одной очередью и следующей. Эта кратчайшая передышка, казавшаяся вечностью, в предвкушении новой волны боли. Бичевание Адоная, ткачество Мариэль... ничто из пережитого Мией в жизни и близко не походило на эти ощущения, и еще хуже становилось от горькой мысли, что в эти мгновения, для всего мира за пределами клетки, ее жизнь перестает принадлежать ей самой.

тукТУКТУК

Если бы не Мистер Добряк, она бы, наверное, сломалась.

тукТУКТУК

Но, в конце концов, несмотря на

всю эту боль

все мольбы

кровоточащую щеку

дрожь в ногах

Мия выстояла.

– Хорошо, что вы не азартный человек, сэр, – заявила донна Леона.

Администрат молча собрал свои инструменты. Зло покосившись на Мию, быстро поклонился донне и, сопровождаемый плетущимся позади послушником, вышел из камеры, шурша черной тканью мантии. Леона с триумфальной улыбкой повернулась к экзекутору.

– Ты просил глину, с которой можно работать? Я даю тебе сталь.

Здоровяк, прищурившись, посмотрел на Мию.

– Сталь скорее сломается, чем прогнется.

– Четыре Дочери, ты вечно чем-то недоволен! – Леона вздохнула. – Идем. Пусть она отдохнет. Скоро ей понадобятся все ее силы.

Донна взяла лицо Мии в ладони, ласково погладила израненную щеку большим пальцем. В глаза девушки впились сапфирово-голубые колодцы.

– отрубить кусочек собственного черепа, но, поскольку отсутствующая щека так и намекает на статус беглеца, боль едва ли того стоит. И, наконец, скончавшись – из-за некоего грубого подобия на ашкахскую кровавую магию архимическое клеймо раба связано с его жизнью, и когда той приходит конец, отметина на щеке постепенно растворяется в течение следующих нескольких минут. Таким образом, большинству рабов удастся получить свободу только в объятиях смерти.

– Мы с тобой окрасим пески алым, – сказала она. – Сангии э Глория.

Одарив ее прощальной улыбкой, Леона прогарцевала к выходу из клетки в вихре голубого шелка. Экзекутор заковылял следом и запер за собой дверь. Шаги донны и стук его железной ноги постепенно удалялись по коридору.

Мия опустила на колени. Ее щека опухла и пульсировала от боли. Ладони кровоточили из-за того, что она слишком сильно впивалась в них ногтями. Девушка провела кончиками пальцев по коже, ощупывая бугорки двух переплетающихся колец прямо под правым глазом. Ее мозг кипел от воспоминаний о пережитой агонии, слова донны отдавались в черепе вместе с эхом от ударов молотка.

«Они везут меня в...»

– ...Воронье Гнездо?..

Она посмотрела на не-кота, вновь вылизывающего не-лапу своим не-языком. Подвигала пересохшими губами, пытаясь снова обрести голос.

– Это было родовое гнездо семьи Корвере. Моей семьи. Консул Скаева отдал его судье Рему в качестве награды за то, что тот подавил отцовское восстание против Сената.

– ...И теперь он принадлежит Леоне?..

Мия молча пожала плечами. Не-кот склонил голову.

– ...Ты в порядке?..

Отец держит ее за руку, пока они бредут по полю высоких солнц-колокольчиков. Мать стоит на верхушке зубчатой стены из охристого кирпича, и холодный ветер играет прядями ее длинных темных волос. Мия выросла в Годсгрейве – отцовская должность судьи не позволяла ему надолго покидать Город мостов и костей. Но иногда, в глубокомлетье, они ездили в Воронье Гнездо на пару недель, просто чтобы провести время вместе. Это были самые счастливые перемены в жизни Мии. Вдали от давящей тесноты столицы и отравы ее политики. Там ее родители выглядели счастливее. Ближе и роднее. Там родился ее брат Йоннен. Она помнила, как их навещал генерал Антоний, потенциальный король, которого потом повесили рядом с отцом. Он и ее родители засиживались с ним допоздна, выпивали, смеялись и о-о-о, наслаждались жизнью.

Но всех их больше нет.

– ...Мне пора идти. Нашел корабль, направляющийся в Уайткип. Я скажу гадюке, чтобы искала тебя в Вороньем Гнезде...

– ...Хорошо, – кивнула Мия.

– ...Ты справишься, пока меня не будет?..

Мысль об этом должна была вселить в нее ужас. Мия знала, что не будь сейчас с ней Мистера Добряка, так бы и произошло. На протяжении семи лет, с тех самых пор, как умер ее отец, кот из теней всегда был рядом. Девушка знала, что он должен уйти, как и то, что она не справится своими силами. Но мысль о том, чтобы остаться одной, жить в страхе, который он обычно испытывал до последней капли...

– Вполне, – ответила Мия. – Просто не задерживайся.

– ...Я быстро. Никогда не бойся...

Мия вздохнула. Прижала ладонь к клейму на пульсирующей щеке.

– И никогда, никогда не забывай.

Глава 6

Смертность

Гигантские каменные двери в читальню распахнулись от легчайшего прикосновения пальца Мии, словно они были сделаны из перьев. И, глубоко вдохнув и прижав фолиант к груди, девушка проковыляла в свое самое любимое место во всем мире.

Глядя сверху на бесконечные ряды полок, Мия не могла сдержать улыбки. Она выросла внутри книг. Какой бы мрачной ни становилась ее жизнь, отгородиться от боли было так же просто, как открыть обложку. Дитя убитых родителей и неудавшегося восстания, она успела побыть и ученым, и воином, и королевой, и захватчиком.

«Небеса даруют нам лишь одну жизнь, но с помощью книг мы проживаем тысячу».

– Девушка со своей историей, – раздался голос из-за спины.

Улыбнувшись, Мия повернулась и увидела старика с тележкой, нагруженной кипами книг. На нем был потрепанный жилет, по бокам лысеющей головы топорщились два пучка всклокоченных белых волос. На крючковатом носу сидели очки с толстыми стеклами, спина горбилась в форме серпа. Слово «древний» так же не годилось для его описания, как слово «красивая» – для описания шахида Аалеи.

– Доброй вам перемены, летописец, – поклонилась Мия.

Не задавая лишних вопросов, летописец Элиус достал из-за уха запасную сигариллу, которую он всегда держал при себе, прикурил ее от своей и протянул Мие. Та прислонилась к стене, скривившись, когда швы на плече натянулись, и выдохнула серый дым.

Элиус прислонился рядом с ней; сигарилла в его губах закачалась, когда он заговорил:

– Хорошо?

– Хорошо, – кивнула Мия.

– Как тебе Галанте?

Мия снова сморщилась, в ягодице отдавало болью от швов.

– Как заноза в заднице, – пробормотала она.

Старик улыбнулся в облачке дыма.

– И что привело тебя сюда?

Мия подняла фолиант, который перенесла через Кровавую Тропу. Кожаный переплет был запятнан, потрепан и местами порван. От странных символов, вытесненных на обложке, болели глаза, страницы пожелтели от времени.

– Полагаю, пора ее вернуть. Она пролежала у меня восемь месяцев.

– А я уж думал, что придется посылать поисковую группу.

– Могу поспорить, это вряд ли стало бы приятным дельцем для всех заинтересованных сторон.

Старик улыбнулся.

– В этой библиотеке просто непомерные штрафы за задержку книг.

Летописец оставил фолиант в комнате Мии прямо перед самой ее отправкой в Галанте. В последовавшие за этим месяцы она бесчисленное количество раз изучала страницы книги. Прискорбная правда заключалась в том, что Мия по-прежнему не понимала и половины текста и, честно говоря, в последние перемены совершенно в нем разочаровалась. Но после той встречи в некрополе Галанте ее интерес к книге необычайно возрос.

Книгу написала женщина по имени Клео – даркин, как и Мия, которая тоже разговаривала с тенями. Клео жила в те времена, когда Республики еще не было, и ее книга стала своеобразным путевым дневником, описывающим подробности путешествия по Итрее и миру. В ней рассказывалось о встречах с другими даркинами – встречах, которые, судя по всему, заканчивались тем, что Клео пожирала своих новых знакомых. Самым странным в истории женщины

было то, что во время своих странствий она повстречала десятки других даркинов. И, судя по наброскам ее автопортретов, Клео сопровождали десятки спутников в разнообразных обликах – лисы, птицы, змеи и прочие твари. Целый тенистый зверинец в ее распоряжении.

Мия же за всю свою жизнь встретила лишь одного даркина – лорда Кассия. И лишь двух духов – Мистера Добряка и Эклипс.

Так где же, бездна их побери, были все остальные?

Среди бессмысленных каракулей и пиктограмм, намекавших на прогрессирующее безумие женщины, во второй половине книги Мия обнаружила главы, посвященные поискам того, что Клео называла «Короной Луны» – именно этим Мие посоветовали заняться в некрополе Галанте. Пролыстывая иллюстрации после той встречи, Мия отметила некоторые из них, поразительно напоминавшие существо, спасшее ей жизнь.

К сожалению, Клео не упоминала, кем или чем может быть эта «Луна».

Дневник был написан на тайном языке, которого Мия прежде не встречала, но Мистер Добряк и Эклипс смогли его прочесть. Самое странное, что на карте мира дореспубликанской эпохи, напечатанной в книге, целиком отсутствовал залив Годсгрейва. Вместо него в море, в том месте, где ныне располагалась столица Итреи, была изображена суша – полуостров сопровождал знаком «X» и тревожным примечанием:

«Сюда он упал».

– Вы читали книгу, прежде чем отдать ее мне? – поинтересовалась Мия.

Летописец покачал головой.

– Не разобрал ни единого треклятого слова. Но иллюстрации навели меня на мысли о тебе. Ты что-нибудь из нее вынесла?

– ...Вполовину меньше, чем хотелось бы.

Элиус пожал плечами.

– Ты просила меня найти книгу о даркинах, я это сделал. Я же не обещал, что после ее прочтения ты станешь более просвещенной.

– Не сыпьте мне соль на рану, уважаемый летописец.

Элиус усмехнулся.

– Я всегда начеку. Если найду еще что-нибудь любопытное, отправлю тебе в комнату. Но на твоём месте я бы не питал особых надежд.

Мия кивнула, затягиваясь сигариллой. На самом деле читальня Наи была библиотекой мертвых. В ней хранились копии всех книг, которые были уничтожены за всю историю письменности. Боле того, в ней имелись и труды, которые вообще никогда не были написаны. Мемуары убитых тиранов. Теоремы распятых еретиков. Шедевры гениев, погибших раньше своего времени.

Летописец Элиус говорил, что библиотека постоянно пополнялась новыми книгами, а полки без устали меняли расположение. И хотя, благодаря этому, читальня Наи была удивительным местом, ее недостаток тоже был очевиден: найти здесь определенную книгу было так же трудно, как найти определенную вошь в промежности юноши, промышляющего проституцией в порту.

– Летописец, вы что-нибудь слышали о Луне? Или какой-нибудь короне, к которой эта Луна могла быть равнодушна?

Элиус мгновенно насторожился.

– А что?

– Вы слишком часто отвечаете вопросом на вопрос, – вздохнула Мия. – Почему так?

– Помнишь, что я сказал тебе в ту перемену, когда ты впервые пришла ко мне с вопросами?

– Ну вот, опять вы за свое.

– Так помнишь?

– Что я девушка со своей историей.

– И что еще?

Она выпустила кольцо дыма под пристальным взглядом старика.

– Вы сказали, что, возможно, мне здесь не место, – наконец ответила Мия. – Что уже тогда пахивало дерьмом, а сейчас и подавно. Я показала, чего стою. Если бы не я, все Духовенство приколотили бы к крестам в Годсгрейве. И меня уже вконец достало, что все здесь, похоже, об этом забывают.

– Тебе не видишь иронию в том, что ты заслужила свое место в секте убийц спасением полудюжины жизней?

– Вот только в процессе я убила почти сотню людей, Элиус.

– И что ты чувствуешь по этому поводу?

– Вы кто, моя нянька? – не выдержала Мия. – Я убийца. Волк не жалеет ягненка. И...

– Да-да, знаем мы эту песню.

– И еще вы знаете, почему я здесь. Моего отца повесили как предателя, на потеху толпе. Мать умерла в тюрьме вместе с моим младшим братом. Мудаки, которые в этом виновны, должны умереть. Вот что я чувствую по этому поводу.

Старик большими пальцами поддел жилет.

– Проблема библиотекарей в том, что некоторые жизненные уроки нельзя почерпнуть из книг. А проблема убийц в том, что некоторые загадки нельзя разгадать, просто выбив из них все дерьмо.

– Разговоры с вами всегда сплошная головоломка, – проворчала Мия. – Так вы знаете об этой Луне или нет?

Старик затянулся сигариллой и смерил Мию взглядом.

– Вот что я знаю: некоторые ответы можно получить. Но самые важные нужно заслужить.

– О, Черная Мать, вы теперь еще и поэт?

Летописец нахмурился и потушил сигариллу о стену.

– Все поэты идиоты.

Элиус спрятал бычок в карман жилета. Посмотрел на книгу в руке Мии. Затем в глаза девушке.

– Можешь оставить ее себе. Все равно никто другой не сможет ее прочесть.

Слегка кивнув, он взялся за свою тележку с табличкой «ВОЗВРАТ».

– Что, и это все? – спросила Мия.

Элиус пожал плечами.

– Слишком много книг. Слишком мало столетий.

Старик покатил тележку во тьму. Наблюдая, как он растворяется в тенях, девушка сердито затаилась и сжала челюсти.

– ... Что ж, это была очень познавательная беседа...

– ...*Элиус всегда был таким. Таинственность дает ему ощущение собственной важности...*

Мия хмуро покосилась на тенистую волчицу, материализовавшуюся рядом.

– *Эклипс, ты уверена, что лорд Кассий никогда не пытался выяснить природу своего естества? Он был главой всей конгрегации. И ты говоришь, что он ничего не знал о даркинах? Клео? Луне? Вообще ничего?*

– ...*Я уже объясняла, мы никогда не искали ответов. Кассий обрел смысл жизни, прерывая чужие, и ему этого было достаточно. Большого ему не требовалось...*

Мистер Добряк фыркнул.

– ...*Мелкому уму – мелкие радости...*

– ...Осторожнее, маленький грималкин. Он был моим другом, когда ты еще существовал в виде бесформенного пятна. Кассий был прекрасным, как тьма, и острым, как зубы Матери. Не смей дурно о нем отзываться...

Мия вздохнула, сжимая переносицу. Она не понимала, как Кассия могла не интересоваться правдой о себе. Что касается Миш, это занимало ее мысли еще с детства. Старик Меркурио и Мать Друзилла говорили, что ее избрала Богиня.

«Но избрала для чего?»

Мия вспомнила свою битву с Эшлин на улицах Последней Надежды. Нападение на Гранд Базилику в четырнадцать лет. В обоих случаях одного взгляда на троицу – священный символ Аа – хватило, чтобы причинить ей невероятную боль. Бог Света ее ненавидел. Она это чувствовала. Так же твердо, как землю под своими ногами. Но почему? И какое, ради бездны, имеет ко всему этому отношение «Луна»?

А еще Рем.

«Гребаный Рем».

Он погиб от ее руки на пыльной дороге Последней Надежды. Атака на гору потерпела неудачу. Его люди умирали в песках вокруг своего суды. Но прежде чем Мия вонзила стилет из могильной кости ему в глотку, Рем произнес слова, которые перевернули весь ее мир с ног на голову.

«Я передам от тебя привет брату».

Мия покачала головой.

«Но Йоннен мертв. Так сказала мама».

Столько вопросов... Мия чувствовала привкус раздражения, смешанного с дымом, на своем языке. Но ее ответы таились в Годсгрейве. И, слава Черной Матери, именно туда ее и отправлял этот загадочный покровитель.

«Хватит ныть – пора действовать».

Мия поковыляла прочь из читальни. Вниз по спиралевидной лестнице к недрам Церкви. По кругам света, льющегося через витражные окна. Мистер Добряк сидел на ее плече, Эклипс шла впереди, в воздухе звенел хор Церкви. Они плелись по винтовым лестницам и длинным извивающимся коридорам, пока, наконец, не пришли к покоям ткачихи Мариэль.

Девушка глубоко вдохнула и постучала в тяжелую дверь. Через секунду та открылась, и Мия оказалась лицом к лицу с багряными глазами и прекрасной бескровной улыбкой.

– Клинок Мия, – произнес Адонай.

На крововещатель были его неприличные штаны и алая шелковая мантия, открывающая, как всегда, грудь. Комната за ним освещалась одной-единственной архимической лампой, стены украшали сотни различных масок всех форм и размеров. Маски смерти, детские, карнавальные. Стекланные, керамические, из папье-маше. Комната лиц, но без единого зеркала в поле зрения.

– Ты яко явилась для ткачества, – сказал Адонай.

– Да, – кивнула Мия, бесстрашно встречая взгляд этих кроваво-красных глаз. – Раны заживают со временем, но у меня его нет, учитывая, куда я направляюсь.

– Город мостов и костей, – задумчиво протянул вещатель. – И нет в республике места опаснее.

– Вы просто не видели мою корзину с грязным бельем, – ответила Мия.

Адонай ухмыльнулся и оглянулся через плечо.

– Сестра моя, сестра любимая? К нам пожаловала гостья.

Мия увидела безобразный силуэт, появившийся в архимическом сиянии. Женищина была альбиноской, как и ее брат, но кожа ее опухла и потрескалась, сквозь повязки на руках и лице сочились кровь и гной. Ткачиха была облачена в черную бархатную робу, ее губы пошли трещинами, когда она посмотрела на Мию и улыбнулась.

– *Клинок Мия, – прошептала Мариэль.*

– *Ткачиха Мариэль, – ответила та с поклоном.*

– Она держит путь в Годсгрейв. Как молвил Отец Солис, в объятья нового покровителя. И хоть она подлатана, кровь все одно точит. – По Адонаю прошла легкая дрожь. – Я чую ее аромат.

– Вестимо, все раны будут уврачеваны, маленький даркин, – прошепелявила Мариэль. – Истинно и верно.

Ткачиха кивнула на ужасающую каменную плиту, которая занимала большую часть комнаты. Она была оснащена кожаными ремешками и креплениями из полированной стали – хотя Мариэль работала с плотью, как с глиной, и могла исцелить почти любую рану, сам процесс являлся очень болезненным. По правде говоря, Мие претила мысль о том, что ей придется лежать связанной. Обездвиженной, словно она какая-то свинья на вертеле, со штанами, спущенными до щиколоток. Но, приготовившись к боли и чувствуя, как тени внутри нее упираются страхом, Мия прошла в комнату.

Вещатель Адонай закрыл дверь и поймал девушку за руку.

Мия взглянула в его блестящие глаза с белоснежными ресницами. Он подался ближе, еще ближе, и на одну ужасную, трепетную секунду Мия подумала, что он ее поцелует. Но вместо этого Адонай заговорил, понизив голос; его губы коснулись ее уха, едва слышно шепча:

– Две жизни ты спасла в ту перемену, егда приставили люминаты свои орудья солнцестальные к горлу горы. Мою и сестры моей, сестры любимой. Мариэль выплатила долг, возвратив Наив ее былой лик. Но с меня долг, маленький Клинок, поныне причитается. Сколь ни были б глубоки и темны воды, в которые ты заплывешь, в поприще кровавом можешь рассчитывать на вещательское обетование.

Адонай направил на ней взгляд своих багряных глаз, его голос стал острым, как могильная кость на ее запястье.

– Я повинен тебе кровью, вороненок, – прошептал он. – И кровью тебе воздастся.

Мия посмотрела на Мариэль. Снова в мерцающие алые глаза Адоная. В голове теснились мысли о Годсгрейве. Браавах. Украденных картах, тайных покровителях и Духовенстве, которое, казалось, не испытывало к ней ничего, кроме гнева.

– ...Вы знаете что-то такое, чего не знаю я, вещатель?

Единственным ответом послужила красивая бескровная улыбка. Взмахнув своей ярко-красной мантией, вещатель Адонай показал на сестру. Мия повернулась к Комнате Лиц и ее владелице, нависшей над жуткой плитой. Мариэль поманила ее скрюченными пальцами.

Что бы дальше ни ждало ее, бежать было уже поздно.

И, тяжело вздохнув, Мия легла на плиту.

Увидев его, девушка чуть не расплакалась.

Оно вырастало над утесами и пронзало небо, охристый кирпич золотился в свете двух горящих солнц. Крепость была вырезана в скале и некогда служила домом для одной из двенадцати самых знатных семей республики.

Воронье Гнездо.

Мия стояла на коленях на палубе «Славолюбца» и смотрела на крепость, предаваясь воспоминаниям. О том, как она гуляла по шумному порту, держа за руку мать. Как торговцы называли ее «маленькой донной» и предлагали сладости. Как отец ходил по зубчатым стенам над океаном, и морской бриз ерошил его волосы, пока он смотрел на волны. Возможно, мечтая о восстании, которое стало его гибелью.

Она была слишком юной, чтобы понять, слишком юной, чтобы...

Хрясь!

Кнут ударил ее по лопаткам, ярко-красная боль вернула Мию из мира грез в реальность.

– Разве я разрешал останавливаться?! Подбородок к доскам!

Мия рискнула бросить на эзекутора полный ненависти взгляд. Мужчина нависал над ней с длинным кнутом в руке. По ее лицу стекал пот, волосы липли к коже. В награду за медлительность она получила второй удар по спине. Ее руки горели от перенапряжения, но Мия все равно отжалась еще раз. Перед глазами поплыли черные пятна. Двое мужчин рядом последовали ее примеру, пыхтя от усталости.

Путешествие из Висельных Садов заняло почти три недели. Каждую перемену Мия и еще два раба, которых Леона приобрела на рынке, выходили на палубу и выполняли упражнения; звук кнута эзекутора уже преследовал ее во сне.

Ее первым товарищем по неволе стал коренастый лиизианец по имени Маттео. Выглядел он немногим старше Мии – юноша со слегка выющимися волосами, мускулистыми руками и приятной улыбкой. Несмотря на свое внушительное телосложение, первую неделю в море Маттео чувствовал себя неважно; его постоянно тошнило – Мия предположила, что прежде он никогда не ступал на борт корабля.

Вторым был здоровый итрец по имени Сидоний. Ему было около тридцати, и он выглядел крепким, как гробовой гвоздь. Ярко-голубые глаза и бритая голова. Он был явно не таким добродушным, как Маттео, и смотрел на Мию так, будто хотел трахнуть и/или убить ее. Она пока не определилась, в каком порядке. Сидоний, по всей видимости, тоже. Самым странным было его клеймо – грубое, будто выжженное раскаленным клинком. Одно слово, вырезанное прямо на груди.

ТРУС.

Сидоний никак это не объяснял, а Мие он не настолько нравился, чтобы спрашивать.

После еще тридцати двух отжиманий эзекутор подал знак, чтобы трио остановилось, и Мия уткнулась лицом в пол палубы, ее руки дрожали.

– Мышцы верхней части твоего тела больше похожи на шутку, – прорычал здоровяк. – Вот только мне не смешно.

– Хватит с них на сегодня, эзекутор, – крикнула донна Леона со своего места на носу корабля. – Им понадобятся силы для знакомства со своей новой семьей.

– Встаньте.

Мия медленно поднялась, глядя на океан. Рубцы на спине пощипывало от пота. Тронутые проседью волосы эзекутора разметал морской бриз, его борода щетинилась, взгляд обострился. Прошли долгие минуты в тишине, прерываемой лишь криками чаек и шумом далекого порта.

– Пейте, – наконец буркнул эзекутор.

Мия повернулась и буквально помчалась к бочке с водой, привязанной к мачте. Крупный итрец, Сидоний, оттолкнул ее, выругавшись, схватил ковш и испил свою долю. Мия закипала, пока дожидалась своей очереди, испытывая соблазн опрокинуть этого отморозка пинком под зад, но голос разума велел ей проявить терпение. Когда Сидоний закончил пить, Маттео сверкнул веселой улыбкой и показал рукой на бочку.

– После вас, ми донна.

Хрясь!

Юноша согнулся от удара хлыстом по спине.

– Я не разрешал вам разговаривать! – рявкнул эзекутор.

Маттео стиснул зубы и смиренно поклонился. Мия кивнула в знак благодарности, повернулась к бочке и выпила пару ковшей драгоценной воды.

Ей хотелось чуть ли не кричать от досады, что приходится преклоняться перед этими людьми. Мие указывали, когда есть, когда пить, когда срать. С презрением эзекутора к рабам могла сравниться лишь противоречивость донны Леоны. То женщина относилась к ним едва ли не с нежностью и распиналась о будущей славе на арене «Венатуса», то приказывала выпороть

за малейший проступок. Им запрещалось смотреть ей в глаза. Говорить можно было только в том случае, если к ним обращались. Любые действия выполнялись по команде.

«Мы как любимые псы», – пришла к выводу Мия.

Когда она была маленькой, у ее родителей были рабы – как и у каждой знатной семьи в республике. Но к няне Мии, Каприче, относились почти как к члену семьи, а мажордом ее отца, лиизианец по имени Андриано Варнесе, продолжал служить судье даже после того, как выкупил свою свободу.¹⁸

Ни когда она боролась за свою жизнь в детстве, ни когда поклялась служить Черной Матери, Мия по-настоящему не понимала, что значит не принадлежать самой себе. Теперь эта мысль обжигала ее, как воспоминание об игле, вбиваемой в плоть. Снова и снова. Какое унижение. Какой позор.

Но нельзя выиграть, не играя.

«Славолюбец» пришвартовался в гавани, и вскоре Мия и другие пленники стояли на оживленной пристани порта под Вороньим Гнездом, известном как Вороний Покой. Ей заковали и связали запястья, одежда и волосы девушки были пропитаны грязью. Отсутствие Мистера Добряка было таким же чувствительным, как удар ножа в живот, тепло вытекало из ее тела, будто кровь. Мия посмотрела на свою тень, которая некогда была достаточно темной для двоих, даже троих. Теперь же она ничем не отличалась от теней всех остальных. Страх парил над ней на своих черных крыльях, и впервые за долгое время ей приходилось справляться с ним самостоятельно.

Что, если у нее ничего не выйдет?

Что, если она недостаточно сильна?

Что, если этот гамбит действительно глупая идея, как предупреждал Мистер Добряк?

– Шевелись! – раздался крик, сопровождаемый ударом кнута по спине.

В который раз стиснув зубы, Мия повиновалась.

После короткой поездки в фургоне она ступила во внутренний двор Вороньего Гнезда. Сердце заныло в груди. Крепость выглядела так знакомо; пейзаж, звуки... Черная Мать, даже запах – ничего не изменилось! Кроме одного: на охристых каменных стенах, где когда-то парила Ворона Корвере, теперь висел фамильный герб Марка Рема – красный сокол на черном фоне.

«У меня решительно дурное предчувствие насчет этого...»

Нахлынули образы из детства, смешиваясь с воспоминаниями о кончине ее родителей. Ее отец, повешенный вместе с генералом Антонием на глазах улюлюкающей толпы. Ее мама и брат, погибшие в Философском Камне. В глубине души Мия всегда знала, что этот замок больше им не принадлежит, что это уже не ее дом. Но видеть цвета ублюдка Рема на стенах, даже после того, как она его прикончила... Мие казалось, будто земля закачалась под ногами. Желудок взбунтовался, накатило грязное, тошнотворное чувство. И все же у нее не было времени размышлять о гибели своей старой семьи.

Ведь ее уже ждала новая.

Они выстроились в ряд, словно ожидающие поверки легионеры. Тринадцать мужчин и две женщины, одетые в набедренные повязки и металлические доспехи с кожаными вставками – наплечники, поножи для голеней и тому подобное. Мокрая от пота кожа блестела в свете двух

¹⁸ В костеродных домах и на солидных предприятиях рабский труд нередко оплачивается – из прагматических соображений: ради перспективы выкупить свою свободу тяжелой службой раб действительно будет пахать, как на галерах. Тем не менее ставка оплаты труда никем не регулируется, так что многие рабы зарабатывают сущие гроши. Недобросовестные хозяева часто вычитают из жалованья долю за их содержание, в результате чего даже пожизненный труд не поможет рабам скопить сумму, которую за них отдали когда-то. Несправедливо? Определенно. Но будь система справедливой, она уже не была бы системой, дорогие друзья.

горящих солнц, придавая им вид бронзовых статуй. Мужчины и женщины, которые сражались на аренах «Венатуса», выживали и погибали под вопли охмелевшей от крови толпы.

Гладиаты.

Когда донна Леона вышла из фургона, они ударили кулаком в грудь и прокричали все, как один:

– Домина!

Леона прижала пальцы к губам и послала им воздушный поцелуй.

– Мои Соколы, – улыbnулась она. – Вы выглядите *великолепно*.

Экзекутор щелкнул кнутом и приказал Мие и ее товарищам вылезти из фургона. Сидоний, как обычно, протолкнулся первым. Маттео снова улыbnулся и уступил ей дорогу. Мия прыгнула на землю и почувствовала на себе пятнадцать пар глаз, изучающих каждый сантиметр ее тела. Увидела скривившиеся губы, насмешливые взгляды. Но гладиаты были вышколены, как солдаты, и не смели проронить ни слова в присутствии своей госпожи.

– Знакомство я оставляю на тебя, экзекутор, – сказала донна Леона. – У меня назначен очень длительный прием ванны и просмотр грессбуха.

– Ваш шепот – моя воля, – итреец поклонился.

Женщина вошла под высокую каменную арку и скрылась в крепости за ней. Мия проследила за ней взглядом, наблюдая, как та общается со слугами, как двигается. Леона немного напоминала ее мать, Алинне. Она б...

Хрясь!

Щелканье кнута экзекутора заставил полностью переключить ее внимание.

Мужчина стоял перед ними со своим оружием в одной руке. Другой он, нагнувшись, зачерпнул горсть охристой земли и позволил ей медленно просыпаться сквозь пальцы. Он посмотрел Мие и остальным новоприбывшим в глаза и произнес голосом, напоминавшим трение камня о камень:

– Что я держу в руке?

Мия сразу же разгадала его уловку. Ощутила ее в голодных взглядах гладиатов, стоявших за спиной экзекутора. Она была новенькой в этой игре, но не настолько глупой, чтобы повестись на...

– Песок, экзекутор, – ответил Маттео.

Хрясь!

Кнут взметнулся в воздух между ними и оставил кровавый порез на груди Маттео. Юноша попятился, его миловидное лицо исказилось от боли. Гладиаты дружно ослабились.

Мия изучала бойцов, оценивая их разглядывая одного за другим. Самому старшему не могло быть больше двадцати пяти. На щеке каждого значились два пересекающихся кольца – рабское клеймо гладиата. Все поражали своей физической мощью: горы мышц и блестящая кожа. Но в остальном они отличались друг от друга так же, как железо и глина.

Она заметила двеймерку с такими длинными дредами, что они почти доставали до земли. Татуировки, которые обычно двеймерцы наносили на лица, покрывали все ее тело, струясь по смуглой коже, как черные водопады. Рядом стояла ваанианка примерно того же возраста, что и Мия, со светлыми волосами, собранными в пучок, и ярко-зелеными глазами. Она была босой и казалась чуть ли не шуплой на фоне своих коллег. Мия надеялась увидеть в глазах этих девушек намек на солидарность или сочувствие, но обе смотрели сквозь нее, словно она была сделана из стекла.

– Что я держу в руке? – повторил экзекутор.

Мия хранила молчание, живот продолжало крутить. Она сомневалась, что на вопрос экзекутора существовал правильный ответ, а даже если его и дадут, вряд ли он это признает. Зато она была уверена, что одному из двух рабов, с которыми она прибыла, хватит глупости, чтобы...

– Славу, экзекутор, – ответил Сидоний.

Хрясь!

Гладиаты захихикали, когда Сидоний упал на землю, зажав рукой треснувшие и окровавленные губы. Экзекутор владел своим кнутом, как боец караваджо – рапирой, и одарил итрейца ударом прямо по его болтливому рту.

– Ты – ничто, – прорычал экзекутор. – Не достойный даже того, чтобы слизывать дерьмо с моих ботинок. Что ты знаешь о славе? Это гимн песка и стали, сотканный руками легенд и воспетый ревущей толпой. Слава – это территория гладиатов. А ты кто? – его губы скривились. – Ты самый обычный раб.

Мия обратила взгляд своих черных глаз на выстроившихся в ряд улыбающихся мужчин.

Они были пестрой шайкой, и каждый – размером с медведя. Ее внимание привлек симпатичный блондинчик – его сходство с ваанианкой было очевидным, и Мия сделала вывод, что они, скорее всего, родня. Дальше стоял гигантский двеймерец, борода которого заплетена так же, как дреды, красивые татуировки на лице омрачали рабское клеймо. Дородный лиизрианец, чье лицо напоминало упавший на пол пирог, раскачивался на пятках, будто не мог долго стоять на месте. А первым в ряду стоял высокий итреец.

В животе Мии похолодело.

В груди сперло дыхание.

По его плечам струились длинные черные волосы, обрамляя столь утонченное лицо, словно его вылепила сама ткачиха. Он был стройным и поджарым, но более гибким, чем многие из его товарищей, в напряженных линиях рук таился намек на пугающую скорость, на животе бугрились мышцы. Мужчина носил тонкий серебряный торквес – единственный гладиат с украшением. Когда Мия взглянула в его темные горящие глаза, то ощутила, как ее тошнота усиливается, а живот урчит, словно от внезапного отчаянного приступа голода.

«Я уже испытывала подобное прежде...»

Когда находилась в присутствии лорда Кассия, Принца Клинков...

Экзекутор повернулся к собравшимся воинам и позволил песку почти полностью просыпаться на землю.

– Гладиаты! – обратился он. – Что я держу в руке?

Мужчины и женщины рявкнули в один голос:

– Наши жизни, экзекутор!

– Ваши жизни. – Мужчина вновь посмотрел на новеньких и отшвырнул оставшуюся горсть песка в сторону. – И какими бы никчемными они ни были, однажды их могут воспеть, как легенду. Мне плевать, кем вы были раньше. Нищими или донами, пекарями или проститутками. Той жизни пришел *конец*. Отныне вы хуже, чем ничто. Но если будете зорко наблюдать, как хищные ястребы, и запоминать все, чему я учу, тогда, возможно, в одну перемену вы будете стоять среди избранных – на аренах «Венатуса». Как гладиаты! И только *тогда*, – он показал на истекающего кровью Сидония своим кнутом, – только тогда вы сможете познать вкус славы, щенки. Только тогда вы сможете познать песнь своего пульса в тот момент, когда толпа выкрикивает ваше имя, как выкрикивала имя Фуриана Непобедимого, лучшего бойца «Венатуса Цаны» и чемпиона Коллегии Рема!

– *Фуриан!* – хором рявкнули все гладиаты, поднимая кулаки в воздух и поворачиваясь к высокому итрейцу в начале ряда.

Черноволосый мужчина по-прежнему, не моргая, смотрел на Мию.

– Гладиаты не боятся смерти! – продолжил экзекутор, брызжа слюной. – Гладиаты не боятся боли! Гладиаты боятся лишь одного – вечного позора поражения! Запоминайте мои слова. Знайте свое место. Тренируйтесь до седьмого пота. И учтите, если навлечете позор на эту коллегию, на свою домину, клянусь всемогущим Аа и всеми его пресвятыми ебаными Дочерьми, вы пожалеете о той перемене, когда ваша мать высрала вас из своей вагины.

Он повернулся к бойцам, подняв кулак в воздух; его шрам сморщился, когда мужчина прокричал:

– *Сангши э Глория!*

– *Кровь и слава!* – опять хором ответили гладиаты и ударили себя кулаками в грудь.

Все, кроме одного.

Чемпиона, которого звали Фурианом.

Мужчина смотрел прямо на Мию, в его взгляде читались одновременно ярость и вождение. Она задышала чаще, кожу начало покалывать, как при ознобе. Внутри бушевал голод, во рту пересохло, бедра заныли от желания. Мия посмотрела на землю у его ног, увидела, что тень Фуриана не темнее, чем у всех остальных. Но это чувство она знала так же хорошо, как свое имя.

И, взглянув ему в глаза, она поняла, что он чувствовал то же самое.

«Этот мужчина – даркин...»

Глава 7

Голод

Колотящееся сердце. Алое море. Приступ головокружения.

Мия вынырнула из кровавого бассейна и встала на ноги. Боль в плече и ягодище прошла, но она все равно оступилась, и от падения ее спасли лишь двое Десниц. Они помогли Мие восстановить равновесие, придерживая ее за руки. Девушка сплюнула кровь, со вздохом вытерла глаза.

Осмотревшись, обнаружила себя в треугольном бассейне, наполненном до краев кровью, – идентичном тому, который она только что покинула в Тихой горе. Стены покрывали колдовские глифы и карта Годсгрейва, нарисованная кровью. На камне простирался архипелаг, между раздробленными островами извивались линии каналов, и в целом для всего мира он выглядел как безголовый гигант, лежащий на спине.

Мия сделала глубокий вдох, выпрямилась и откинула пропитанные кровью волосы за плечо.

– Зубы Пасти, я никогда к этому не привыкну, – прохрипела она.

– Кончай ныть, Корвере. Это куда лучше, чем путешествовать на корабле.

Внутри у Мии все перевернулось, когда она поняла, чей это голос. Повернувшись к краю бассейна, она встретилась глазами со стройной рыжеволосой итрейкой. Они были ровесниками, но девушка выглядела выше и жилистей. Ее зеленые глаза мерцали звериной, хищнической хитростью. На лице была россыпь веснушек, руки она прятала в широких рукавах длинной черной робы.

Робы Десницы.

Мия узнала бы ее везде – девушку, которая была как заноза в заднице на протяжении всего времени ее обучения в Тихой горе. Девушку, которая винила отца Мии в смерти собственного. Девушку, которая поклялась ее убить.

– Джессамина, – выдохнула Мия, вылезая из бассейна на подкашивающихся ногах.

Рыжая кивнула.

– Добро пожаловать в Город мостов и костей.

– Тебя назначили в Годсгрейв? – спросила Мия. – После посвящения?

– Потрясающая наблюдательность, Корвере, – ответила Джессамина. – Что меня выдало?

Девушка просто таращилась на нее, тени внизу начали корчиться. Рыжая осмотрела Мию с головы до пят и бросила какой-то льняной комок.

– Купальня в той стороне.

Комком оказалась мантия, Мия накинула ее на свое липкое от крови тело и пошла за Джессаминой по извивающимся коридорам, оставляя алые следы. Здесь было душно, в воздухе чувствовалась давящая вонь железа и крови.

Мия заметила, что стены и потолок были сделаны из тысяч и тысяч человеческих костей. Бедрa, ребра, хребты и черепа формировали темный лабиринт, полный теней, – кто бы ни придумал построить новую часовню Матери Священного Убийства в обширном некрополе Годсгрейва, он определенно ценил здешнюю атмосферу. В скелетообразных руках на стенах были зажаты архимические сферы, озарявшие коридоры тусклым сиянием. Но хотя Мию окружали останки множества тысяч людей, все ее внимание было приковано к девушке, идущей впереди. Сплюывая густую кровь, она смотрела на Джессамину так, словно у той вот вырастет вторая голова.

Мия знала, что после посвящения Джессамину помазали в Десницы, но она так погрузилась в работу в Галанте, что не потрудилась узнать, куда назначили рыжую. Как теперь

выяснилось, из всех городов республики, куда ее могли бы отправить, старому заклятому врагу Миш достался именно Годсгрейв.

«Кто бы, блядь, сомневался...»

Коридор заканчивался дверью, полностью собранной из хребтов, которую Джессамина открыла легким касанием руки. Мия увидела три ванны внутри, в воздухе витал слабый аромат жженого ясеня и жимолости. Мия начала оттирать с лица подсохшую кровь, но взгляда с рыжей не сводила. В голове звучало таинственное предупреждение Адоная. Стоит крутануть запястьем, и стилет из могильной кости, всегда прикрепленный к предплечью, окажется у нее в ладони.

– Я буду снаружи, – Джессамина кивнула на ванны. – Не засиживайся. Епископ уже ждет, и сегодня он даже в более скверном настроении, чем обычно.

Мия не двигалась с места, глядя в глаза девушке.

– Гадаешь, не попытаюсь ли я тебя утопить, верно? – губы Джессамины изогнулись в улыбке. – Не всажу ли кинжал в спину, стоит тебе отвернуться?

– С чего ты взяла, что я повернусь к тебе спиной, Рыжая?

Джессамина покачала головой, ее голос стал твердым, а тон ледяным:

– Между нами по-прежнему вражда. Но в ту перемену, когда я явлюсь за тобой, ты не будешь сидеть голой в ванне с мылом в глазах. Ты будешь в полной готовности и с клинком в руке. Это я тебе обещаю, – она улыбнулась широкой улыбкой от уха до уха. – Так что не бойся, Корвере.

Мия посмотрела на ванны, испускающие пар. На тень у своих ног. И улыбнулась в ответ.

– Я никогда не боюсь.

Спустя час Мия стояла перед дверью в кабинет епископа Часовни Годсгрейва. На ней были сапоги по колено, черные кожаные штаны и камзол из черного потертого бархата. Волосы тщательно расчесаны. Сбоку висит отцовский меч из могильной кости, материнский стилет прячется в рукаве-колокольчике.

Кабинет епископа прятался в путанице костяных туннелей – внутренности часовни были настоящим лабиринтом, и Мия довольно быстро заблудилась. Если бы не Джессамина, вряд ли бы она нашла обратную дорогу к кровавому бассейну, и это еще больше насторожило ее.

Дверь в кабинет бесшумно отворилась, и в тени коридора возник силуэт стройного юноши, одетого в темный бархат. После их последней встречи он прошел через процедуру ткачества, но по-прежнему оставался слишком худым, а эти пронзительные лазурные глаза Мия узнала бы везде. Темные волосы, призрачно-бледная кожа, губы слегка поджаты из-за беззубых десен.

– Тишь, – улыбнулась она.

Юноша остановился и осмотрел Мию с головы до пят, будто удивляясь встрече с ней. Его губы изогнулись в легкой улыбке, а руки начали жестиковать на безъязыком.

Привет.

Она тоже принялась быстро жестиковать.

Ты служишь здесь? В Годсгрейве?

Тишь кивнул.

Восемь месяцев.

Я рада вновь тебя видеть.

Неужели?

Нужно выпить за встречу.

Юноша посмотрел на Джессамину и уклончиво пожал плечами.

– Слушайте, мне очень жаль прерывать ваше трогательное воссоединение, – сказала рыжая. – Но, честное слово, я сейчас разрываюсь от наплыва эмоций, а нас ждет епископ.

Тишь кивнул и посмотрел на Мию.

Да присмотрит за тобой Мать.

Слегка поклонившись, юноша прижал кончики пальцев друг к другу и ушел по коридору – тихий, как тень. Мия наблюдала, как он удаляется, с легкой грустью. Они с Тишью вместе учились, будучи аколитами. Он помог ей в последних испытаниях, а она, в благодарность, спасла ему жизнь во время нападения люминатов. Но странный юноша, как всегда, держался особняком.

«В первую очередь он убийца».

Джесс трижды постучала в дверь.

– Еб вашу мать, чего еще?! – грубо спросил изнутри усталый голос.

Джессамина открыла дверь ипустила Мию внутрь. Девушка вошла в кабинет епископа и окинула взглядом комнату. Костяные стены были заставлены полками, заполненными неаккуратными стопками бумаг, Пачки пергаментов, в свитках или просто нагроможденные друг на друга, а также сотни книг, стоявшие в беспорядке или разбросанные по полу – все выглядело так, будто в библиотеке пьяницы взорвалась сфера чудно-стекла. На стеллаже вдоль одной из стен разложено оружие со всех уголков республики: солнцестальный клинок люмината; ваанианский боевой топор; обоюдоострый гладиус с одной из гладиатских арен; рапира из лиизианской стали. Все они блестели в тусклом архимическом свете.

За широким деревянным столом, почти скрытый качающейся стопкой документов, с пером между жирными пальцами, сидел епископ Годсгрейва.

– Зубы Пасты... – выдохнула Мия. – Меркурио?

Старик отвлекся от работы и надвинул очки на переносицу. С их последней встречи его густая копна седых волос будто стала еще более беспорядочной, голубые, как лед, глаза обрамляли морщинки из-за вечно хмурого выражения. Он определенно мало спал последние месяцы.

– Так-так, – ухмыльнулся Меркурио. – Я думал, это Молчун снова вернулся понять. Как оно, вороненок?

Мия изумленно уставилась на своего бывшего наставника.

– Что, ради бездны, ты тут делаешь?

– А на что, ради бездны, это похоже?

– Тебя назначили епископом Годсгрейва?

Меркурио пожал плечами.

– Епископа Таллеса изрешетили, когда люминаты зачищали город. По какой-то причине эти мудаки так и не добрались до сувенирной лавки, но я не стал рисковать и возвращаться туда. Поэтому, как только часовню отстроили, Леди Друзилле удалось заманить меня назад на службу Церкви. Без лавки мне больше нехрен было делать.

– Почему ты мне не сказал?

– Ты была в Галанте. И если твои zenки вдруг разучились видеть, я был немного занят. Итак, хватит этих прелюдий. Адонай послал весточку о твоём прибытии. Ты получила указания?

Мия была застигнута врасплох. Меркурио так и не простил ей то, что она провалила свое последнее испытание. И хотя старик всегда будет любить ее, он, кажется, по-прежнему был... немного разочарован. Как и все остальные в Духовенстве, ее бывший учитель умел таить обиду. Само собой, Мию это печалило – Меркурио взял ее под свое крыло и растил на протяжении шести долгих лет. И хотя девушка никому ни за что не призналась бы, но она тоже любила этого старого ублюдка.

Как бы там ни было, Мия была Клинком, а он – ее епископом, и его тон тут же ей напомнил, где она находится. Мия достала футляр со свитком, который отдал ей Солис. Он был сделан из кожи, так что подпал под действие магии Адоны – то, что никогда не знало пульса жизни, не могло пройти через Кровавую Тропу. Мия наблюдала, как Меркурио разворачивает пергамент и, прищурившись, изучает его.

– Донна... – пробормотал он.

– Предводительница Щеголей, – пояснила Мия. – Они орудуют у залива Мясников.

Епископ кивнул и поднял рисунок, изображавший жертву Миш. На нем была женщина с мрачным выражением лица и еще более мрачными глазами. Одета в дорогой сюртук и с искусно уложенными в завитки волосами, недавно вошедшими в моду среди костеродных дам. В правый глаз был вставлен (очень по-дурацки, как показалось Мие) монокль.

Меркурио опустил пергамент на стол.

– Жаль закапывать столь острый нож. – Старик сделал щедрый глоток из своей чаши с чаем. Находясь совсем рядом, Мия смогла учуять в нем золотое вино. – Итак. Тебе дали подробные указания, и ты знаешь, с чего начинать поиски. У тебя есть восемь перемен, чтобы прикончить ее и украсть карту, песок в часах сыплется. Что тебе нужно от меня?

– Ночлег. Чудно-стекло. Оружие. Десница, который знает Годсгрейв не хуже меня и двигается так же быстро, как я.

– Десница у тебя есть, она стоит прямо за тобой.

Мия повернулась к Джессамине. Снова к старику Меркурио. Епископ находился в блаженном неведении о вражде между девушками, а поднимать эту тему было как-то унижительно. Но полагаться на Джессамину – это как полагаться на то, что однажды солнца погаснут, и Мия наслаждалась ее компанией в той же степени, в какой евнухи наслаждались просмотром непристойных литографий.

«Как бы позлегантней затронуть этот вопрос...»

– Возможно, у тебя найдется кто-то более... опытный?

Меркурио с кислым выражением лица посмотрел на Мию поверх своих очков.

– Клинок Мия. За восемь месяцев, прошедших с момента нападения люминатов, Красной Церкви удалось отстроить только часовню в Годсгрейве. Благодаря великому кардиналу Дуомо и его набожным говнюкам я, вообще-то, теперь один из двух епископов, обслуживающих ВСЮ гребаную республику, а поскольку Скаева выдвигается на четвертый консульский срок и все политики Годсгрейва трепещут, ублюдкам, которых нужно убить, не видно конца. Так что, учитывая, что у меня забот больше, чем у борделя со скидкой две по цене одной, окажи мне честь: скажи «спасибо» и бери, что тебе, мать твою, дают.

Мия посмотрела в глаза своему бывшему учителю. Она знала этот тон – так Меркурио с ней разговаривал, когда поймал ее на краже сигарилл в детстве. Девушка оглянулась на Джессамину. Тихо вздохнула.

– Спасибо, епископ.

– Неебическое пожалуйста.

– Пускай Мать...

– Да-да, всем по черным поцелуям. А теперь, будь так добра, свали на хрен?

Мия поклонилась и попятилась из комнаты, стараясь не принимать близко к сердцу грубость Меркурио. Он всегда был ворчливым старым псом, а необходимость управлять Часовой Годсгрейва в такое время вряд ли улучшило его расположение духа.

Джессамина повела Мию по извилистому коридору, Клинок следовала за ней по пятам. Как только они отошли на достаточное расстояние от кабинета епископа, Мия взяла ее за руку и повернула Десницу к себе лицом.

– У нас с тобой будут проблемы?

– Что ты имеешь в виду, Корвере?

– Ни для кого не секрет, что мы с тобой ненавидим друг друга, как гребаный яд. Но теперь ты – моя Десница. Я должна доверять тебе, Джесс.

Зеленые глаза рыжеволосой вспыхнули, и она ответила:

– Ты мне не нравишься, Корвере. Ты считаешь себя умной. Особенной. Ты отравила Диамо и обманом лишила меня первого места в Песнях. Но я служу Матери и служу Духовенству, как и ты. Большие не ставь под сомнение мою преданность.

Рыжая развернулась и ушла во тьму.

Тени у ног Мии покрылись рябью, и в ее ухе зазвучал холодный шепот:

– ...Ты всегда умела заводить друзей...

– ...**Ну, лично мне ты весьма нравишься, если это что-то меняет...**

– ...Слава Матери, что я не умею блевать...

– ...**Заткнись...**

– ...Какой остроумный ответ...

– ...**Зачем зря тратить остроумие на умалишенных...**

– Вы закончили? – поинтересовалась Мия.

– ...Дворняга... – раздался тихий шепот.

– ...**Кошара...** – донесся еще более тихий ответ.

Мия скрестила руки, топая ногой по полу. В коридоре воцарилась тишина, нарушаемая лишь удаляющимися шагами Джессамины.

– Поторопись, Корвере, – крикнула Десница. – Песок в часах сыплется.

У Мии не оставалось выбора, поэтому, засунув большие пальцы за пояс, она последовала за Джессаминой по коридору.

«Даркин...»

Мия смотрела на гладиата по имени Фуриан, стоявшего в противоположной части двора. Мужчина тоже пялился на нее, теплый ветерок развеивал его темные волосы вокруг лица. Глаза Фуриана обжигали ее таким пламенем, что...

Ну, по правде говоря, в отсутствие Мистера Добряка он ее пугал.

Но, Черная Мать, что это значит? Прежде Мия встречала лишь одного даркина, но лорд Кассий умер прежде, чем успел что-либо рассказать ей об их природе. Возможно, Фуриан тоже что-то знал? Возможно, он обладал всеми...

Экзекутор ударил кнутом.

– Гладиаты! Возвращайтесь к тренировке! – Он повернулся к Мие, Сидонию и Маттео. – Вы трое! Идите за мной.

Гладиаты синхронно перестроились и промаршировали через двор к дальней части крепости. Экзекутор ковылял за ними, опираясь на трость с набалдашником в виде головы льва. Направившись следом, Мия увидела, как он отпил из металлической фляги, висевшей на поясе.

Заднюю часть двора, где когда-то отец Мии держал конюшню с породистыми лошадьми, полностью перестроили. На охристом песке установили тренировочные манекены и стойки со щитами и деревянным оружием. Земля была неровной, подмостки и ямы делили пространство на разные уровни – от трех метров в высоту и глубину. Широкую круглую арену обложили белыми камнями, а на зубчатых стенах гордо развеивался символ семьи Рема.

Гладиаты поделились на пары для спарринга. Мия увидела, как они используют разные комбинации оружия, разные стили борьбы. Ваанианка взяла лук из железного дерева и начала решетить мишени в другом конце двора. Фуриан выбрал два одинаковых меча и принялся избивать один из тренировочных манекенов так, словно тот оскорбил его мать.

Экзекутор дохромал до веранды и поприветствовал огромного мастифа, сидящего в тени. Кобеля с темной шерсткой и ошейником с шипами. Пес явно пришел в восторг от возвращения хозяина, с кряхтением присевшего на колени, и рьяно облизывал ему лицо.

– И я рад снова тебя видеть, старина, – пробормотал мужчина, поглаживая собаку. – Ты хорошо сторожил коллегую, пока меня не было?

Мия и ее товарищи жарились под палящими солнцами, пока экзекутор кудахтал над своей собакой. Впервые за месяц девушка увидела улыбку на лице этого ублюдка, хотя из-за шрама она все равно была кривоватой. Закончив, экзекутор вошел в каменный круг и щелкнул пальцами.

– Личинка! – рявкнул он. – Меч и деревяшку.

Мия боковым зрением уловила какое-то движение, заметила, как из тени небольшого здания в углу двора выбежала девочка. Лиизианка, загорелая и тощая, с длинными растрепанными волосами. Ей не могло быть больше двенадцати, но три архимических круга на щеке говорили о том, что их обладательница была исключительно ценным рабом.

«За какие же навыки могли так высоко оценить столь юную девочку?»

Она побежала к стойкам с оружием, выбрала тренировочный деревянный меч и широкий дубовый щит и принесла их экзекутору. Тот показал мечом на Маттео.

– Подойди. Покажи, из чего ты сделан, мальчик. Личинка, принеси ему хер и что-то, за чем можно спрятаться.

Девочка кивнула, побежала обратно к стойкам и вернулась с мечом и щитом. Маттео выпрямился, встал, с горем пополам, в боевую позу.

– Нападай! – проревел экзекутор.

Юноша с криком замахнулся мечом, но экзекутор с легкостью блокировал удар.

– Я просил не гребаного поцелуя. Нападай!

Маттео нахмурился и выполнил череду выпадов в голову, грудь, живот. Экзекутор был сильным, как бык, но из-за своей железной ноги двигался медленно, а маневры Маттео оказались на удивление хороши. Юноша наступал на бугая, меч стучал о меч, при столкновении их щитов в воздух взметалась пыль. Мия заметила, что гладиаты дрались лишь для виду, а на самом деле с интересом наблюдали за схваткой.

Маттео стал более агрессивным: как и Мия, он явно думал, что экзекутор – настоящий мастер клинка. Но на фоне яростных атак юноши тот полностью ушел в защиту. Маттео наносил удар за ударом, доминируя в бою, пока экзекутор не оказался у края круга.

А затем, как медведь, преждевременно вышедший из спячки, мужчина словно проснулся.

Он легко переносил вес с одной ноги на другую и двигался быстро и изящно, несмотря на железный штырь. Уже через пару мгновений он выбил меч из руки Маттео, ударил его клинком по животу и сбросил юношу в песок.

Экзекутор, на лбу которого даже не выступил пот, навис над пытавшимся отдышаться Маттео.

– Чему ты научился?

Маттео держался за ушибленный живот, для ответа ему не хватало воздуха.

– Арена – не место для уличной шпаны, – экзекутор нахмурился, и его шрам сморщился. – Это шахматная доска. И на ней мы ведем величайшую на свете игру. Хитрый противник может притвориться слабым. Позволить тебе измотать себя, тем временем изучая твой стиль, и при этом даже не вспотеть. Чрезмерная самонадеянность привела к концу тысячи дураков, которые звали себя гладиатами. Запоминай, иначе это приведет к *твоему* концу. А теперь свали с моей гребаной арены.

Экзекутор повернулся к Мие и наставил на нее свой деревянный меч.

– Ты следующая. Покажи мне, скольких из той тысячи священников ты стоишь.

Девочка по прозвищу Личинка со скромной улыбкой протянула Мие тренировочный клинок и щит. Но Сидоний вырвал оружие из ее рук и оттолкнул Мию.

– В жопу, – прорычал он. – Ни одна сука не выйдет на арену передо мной.

Возможно, дело было в жаре, или же в трех неделях, на протяжении которых она терпела выходки этого куса дерьма. Возможно, без присмотра Мистера Добряка ее легендарный норов решил выйти поиграть. Или же всему виной был Фуриан, наблюдавший за ней своими темными глазами с противоположной части двора. Какой бы ни была причина, Мия схватила Сидония за плечи и врезала ему коленом по яйцам.

– Сука, значит? – прошептала она.

Сидоний согнулся пополам, вытаращив глаза. Мия сомкнула пальцы за его шеей и ударила его коленом в лицо. Уже через секунду девушка оседлала обидчика и принялась молотить его кулаками по челюсти. Зубы стиснуты, кровь в ее...

Хрясь!

Кнут щелкнул, оставив полосу агонии на ее лопатках. Она со стоном отползла, чтобы убраться подальше от экзекутора и избежать следующего удара. По группе гладиаторов прошла волна смеха. Экзекутор сердито смотрел на Мию, не сворачивая кнут.

– Ты только что нанесла материальный ущерб своей домине, мелюзга. Если после этого он не пройдет Отсев, ты выплатишь компенсацию за его жизнь?

Мия потеряла синяк на плече и пробурчала:

– Ни один мужчина не имеет права так обо мне говорить.

– Он не мужчина! – сплюнул экзекутор. – Он *раб*. Как и ты. И вы *оба* забываете свое место. До тех пор, пока вы не пройдете Отсев следующего «Венатуса», вы меньше, чем ничто. А теперь поднимай оружие и покажи мне хоть намек на то многообещающее, что видит в тебе домина, пока я окончательно не потерял терпение.

Личинка ласково помогла Сидонию подняться и вывела его из круга. Экзекутор смотал кнут, повесил его на ремень и снова глотнул из фляги, а Мия тем временем с мрачным лицом подняла меч и щит. В животе у нее горела ярость, челюсти крепко сжались. Она чувствовала на себя взгляд блестящих темных глаз Фуриана, ее наполняли голод и тошнота.

Не произнося ни слова, девушка нанесла удар.

Ее выпады были свирепыми, ослепительными. Она танцевала на охристом песке и ускользала от ударов экзекутора. Но во время обучения в горе Мия по большей части изучала стиль караваджо, сражаясь двумя мечами одновременно. Вряд ли Клинок Матери будет разгуливать с треклятым огромным щитом в руке. Посему за все то время Мия ни разу с ним не тренировалась.

Для нее он был мертвым грузом. Каждый удар отдавал в локоть и плечо. Как бы отчаянно девушка ни хотела себя показать, она понимала, что экзекутор с ней просто играет. Позволяет уклоняться, изворачиваться, уставать все больше с каждой секундой, попутно изучает ее манеру драться и готовится нанести смертельный удар.

Но Мия не какая-то бесполезная груша для битья или тренировочный манекен. И пусть будет она проклята, если позволит так с собой обращаться! Поэтому, стремясь показать этому мужчине, на что она в действительности способна, Мия прищурилась и потянулась к теням у его ног.

Никто бы этого не заметил – тень экзекутора едва дрогнула. Мия не могла толком ухватить железный штырь; солнца светили слишком ярко, ее хватка была слишком слабой. Но вот подошва его ботинка отлично склеилась, прямо как это получалась у нее в Яме, горе и в сотне других мест раньше. Глаза экзекутора округлились, когда у него не получилось занять правильную стойку. Мия прицелилась ему в горло, усиливая хватку на тенях и намереваясь показать этому ублюдку, который считал ее пустым местом, чего конкретно она стоит.

А затем потеряла хватку.

Тени ускользнули от нее, просочились сквозь пальцы, как песок, отпустив подошву здоровяка. Тот ударил ее щитом по лицу, и Мия отлетела назад. Она попыталась увернуться, но меч экзекутора ткнул ее в спину, и, вскрикнув от боли, она упала на песок. Деревянный кли-

нок вонзился в паре сантиметров от ее головы, но девушка успела вовремя перекатиться, одновременно бросая горсть песка в лицо противнику. Экзекутор спокойно отгородился щитом и ответил ей суровым пинком в живот железным штырем.

Мия свернулась калачиком и закашлялась, ослепленная болью. Экзекутор воткнул тренировочный меч в песок рядом с ее головой, посмотрел на нее сверху вниз и прорычал:

– Тысяча сребреников? Я бы не заплатил ни единого.

Мия, впившись в землю пальцами, поднялась на колени, грязные волосы прилипли к рвотной массе на ее подбородке. Остальные гладиаты злобно усмехнулись и вернулись к тренировке. Девушка скинула щит с руки, сплюнула кровью в пыль.

– Еще раз! – потребовала она.

– Нет, – отрезал экзекутор. – Я хотел тебя оценить. И теперь знаю о тебе более чем достаточно. Иди, смой свое поражение. Час уже поздний. Твое обучение начнется завтра.

Маттео медленно подошел и помог Мие встать с колен. Скривившись, ощущая закипающий внутри гнев, она посмотрела в противоположную сторону двора. Ей удалось схватить тень экзекутора – это точно. Девушка проворачивала этот трюк сотни раз – и легко бы одолела противника. Но что-то... нет, *кто-то* отнял у нее контроль над тенями и сделал так, чтобы одолели ее.

Фуриан отвлекся от избиения беспомощного тренировочного манекена, на его прекрасном лице блеснул пот. Длинные черные волосы разметал теплый ветер. Серебряный торквес блеснул в свете солнц. Взгляд темных глаз был направлен на Мию.

– Ублюдок, – прошептала она.

Непобедимый вернулся к тренировке и больше на нее не смотрел.

Глава 8

Молитвы

– Что ж, это будет сложно.

Мия глубоко затянулась сигариллой, глядя на дом удовольствий из окна комнаты в таверне напротив. Джессамина стояла рядом с ней, краем глаза наблюдая за дверью в бордель.

– А ты ожидала, что предводительница браавов будет просто прогуливаться по улице с картой в руке и случайно наткнется на твой меч, Корвере?

– Ты же знаешь, Джесс, я люблю твой сарказм больше всего, – вздохнула Мия. – Но мы сидим в засаде уже неделю, и мне не помешало бы разнообразие.

– О, я прекрасно знаю, что мы торчим тут уже неделю, это же мне приходится мириться с твоим непрерывным гребаным курением!

– ...Будем ссориться до самого утра и упустим наш шанс?..

Мия посмотрела на Мистера Добряка, вылизывающего полупрозрачную лапу на кровати.

– Твои комментарии всегда приветствуются.

– ...И предоставляются добровольно...

– Ты знаешь, что ты мелкий засранец?

– ...О, целиком и полностью...

С тех пор, как она прибыла в Город мостов и костей, прошло семь перемен, и единственное, что не давало животу Мии превратиться в сплошной комок нервов, это спутники, поселившиеся в ее тени. Задав пару вопросов старым знакомым в Малом Лиизе, Мие с Джессаминой удалось за одну перемену выследить свою жертву – место, где хоронились Щеголи, было известно большинству отщепенцев, населявших Малый Лииз. Но проблема заключалась не в том, чтобы найти их логово. А в том, чтобы проникнуть внутрь.

Крепость Щеголей была хорошо охраняемым пятиэтажным палаццо под названием «Собачий корм». Нижние этажи выглядели как обычная таверна, заполненная посетителями и похабными песнями. Третий этаж – притон черниломанов, а два верхних – бордель. Входную дверь сторожили головорезы – каждый размером с гору. Они носили дорогие сюртуки и напудренные парики, которые никоим образом не могли скрыть шрамы на их лицах или мышцы под одеждой. И хотя на здании не было вывески, которая отличала бы его от соседних, оно принадлежало браавам, и все местные в точности знали, что происходит за этими дверьми.¹⁹

Разведка прошла безупречно – благодаря возможности послать две струйки ожившей тьмы в здание, чтобы подслушать разговоры и изучить каждую щель, девушки знали все, что произойдет этим вечером. Но это не значило, что им будет легко проверить свое дельце.

Мия ощутила дрожь в своей тени, поцелуй холодного ветра. Эклипс возникла из тьмы у ее ног и встряхнулась с головы до хвоста.

– Какие новости? – любопытствовала девушка, держа в зубах сигариллу.

¹⁹ Браавы – это никому не подчиняющееся криминальное сообщество, состоящее из банд, которые контролируют большую часть преступной деятельности в Годсгрейве – проституцию, кражи, организованное насилие. На протяжении столетий они были занозой в заднице итрейских королей и Сената: хроники города изобилуют кровавыми эпизодами, когда различные городские лидеры пытались (безуспешно) вытеснить бандитов с привычных мест обитания в низах Годсгрейва. Но именно консул Юлий Скаева впервые в истории предложил платить наиболее влиятельным браавам официальное пособие и профинансировал первый взнос из личных средств. С тех пор город наслаждается стабильностью и миром, а Скаева – возросшей популярностью. Как выразилась Мия в первой части нашего приключения (весьма незабываемо), так называемый «народный сенатор» – отвратительная манда, дорогие друзья. Но не тупая.

– ...Она на верхнем этаже, угловой кабинет. Всю перемену Донна раздавала приказы, пила, курила и неоднократно занималась сексом...

– Завидная работенка, – ухмыльнулась Джесс.

– Карту по-прежнему должны доставить сюда? – спросила Мия.

– ...Продавец должен прибыть где-то в течение часа. Обмен произойдет в личном кабинете Донны...

– Значит, у нас два варианта, – пробормотала Мия. – Перехватить карту прежде, чем она попадет в здание, и уже после прикончить Донну, или дождаться продавца и убить двух зайцев одним выстрелом.

– ...Мы не знаем, как выглядит этот продавец...

– Предположительно – сомнительного вида ублюдок с тубусом для карты.

– ...Тебе в любом случае придется проникнуть в кабинет, чтобы убить Донну...

– В том-то и проблема.

– Ты могла бы пробраться туда незаметно, – предложила Джессамина. – Спрятавшись в своих тенях.

Мия покачала головой.

– Я в них ничего не вижу. А шариться вслепую по логову браавов – замечательный способ напороться сиськами на меч. Ткачиха особенно хорошо над ними потрудилась. Было бы жаль испортить такой шедевр.

Джессамина задумчиво посмотрела в окно.

– Ты могла бы перебраться с крыши этого дома на соседнее здание. Спрыгнуть в проулок, залезть на крышу «Собачьего корма» и спуститься вниз.

– Сейчас выходные. На улице полно людей. Если кто-то поднимет глаза...

– Тогда через переднюю дверь?

Мия окинула взглядом улицу, бормоча себе под нос:

– В этом я ужасна.

– ...Ты совершенствуешься...

– Лжец.

– ...О, в тебе так мало веры...

– Вера не спасла тонущих от смерти, – Мия глубоко затянулась сигариллой. – Но, следует признать, с вариантами у нас не густо.

– ...Мы могли бы провести здесь всю ночь, заплетать друг другу косички и сплетничать о мальчишках...

– ...Тебе обязательно постоянно строить из себя дурака, киса?..

– ...Это одна из составляющих моего обаяния...

– ...Должно быть, это какое-то новое определение «обаяния», с которым я незнакома...

– Если вы закончили, – рявкнула Мия, – может, займетесь наблюдением?

После ухода спутников ее наполнила пустота, быстро сменившаяся порхающими в животе от волнения бабочками. Мия попыталась успокоиться, глядя на притон браавов и гадая, что ее там ждет. Близкий бой. Место, в котором полно матерых преступников. Да и тот, кто продает карту, наверняка прибудет с собственной охраной. Так себе условия.

Отбросив все вопросы и приглушив предупреждение Адоная, звенящее в голове, она затушила сигариллу каблуком.

– Ладно, – кивнула Мия. – Мне нужно приодеться.

Мия по-хозяйски шла по оживленной улице, направляясь по покрывшейся трещинами мостовой ко входу в «Собачий корм»».²⁰

Наступила ненаочь, снаружи завывал ветер. Вместе с ним с океана прибыл летний шторм, теплый дождь полился тонкой завесой, два солнца спрятались за серой маской. Но неблагоприятная погода редко вынуждала жителей Годсгрейва сидеть по домам в выходные, и посему улицы все равно были заполнены людьми, направляющихся к местам увеселений.

Малый Лииз считался одним из самых бедных районов Годсгрейва, но лиизианцы обладали собственным шиком, и в детстве, проведенном здесь, Мия всегда находила яркие цвета и стиль их нарядов прекрасными. По правде говоря, они напоминали ей о матери, а что-то в мелодиях и ароматах этого места взывало к крови в ее жилах. Свой наряд Мия умыкнула из гардеробной часовни, одевшись так, чтобы слиться с местными; на ней были кожаные штаны, сапоги длиной по колено, корсет поверх бархатной рубашки, сверкающее ожерелье – и все это разных оттенков кроваво-алого. Если ее здесь убьют, по крайней мере, она будет стильно выглядящим трупом.

Вблизи привратники выглядели еще более пугающе. Они стояли под навесом у входа в таверну, но оба успели немного намочнуть и смотрели не слишком приветливо. Джентльмен слева был почти одинаковым в ширину и высоту, а его напарник выглядел так, словно слопал на завтрак собственных родителей.

Широкий поднял руку, останавливая Мию.

– Подождите, ми донна.

– Доброй ненаочи, любезные джентльмены. – Мия улыбнулась и присела в реверансе.

– Сюда нельзя, – сказал Сирота, качая головой.

– Сброду вход воспрещен, – согласился Широкий.

Мия окинула взглядом свой наряд и произнесла слегка обиженным тоном:

– Сброду?

Ко входу подошли четверо пьяных матросов, которые идеально подходили под описание «сброда», которое встречается в бестселлере дона Фиорлини «Итрейский словарь: учебник определений».

– Доброго вечера, дорогие друзья, – поздоровался Широкий. – Проходите, проходите.

Мужчина открыл дверь, изнутри донеслись звуки флейты и смех, и моряки, не останавливаясь, прошли в заведение.

Мия приторно улыбнулась Широкому.

– Меня ждут друзья внутр...

– Сегодня сюда нельзя, – ответил он.

– Таких, как вы, не обслуживаем, – добавил Сирота.

– ...Таких, как я?

Головорезы дружно кивнули и согласно замычали.

²⁰ Эта хорошо зарекомендовавшая себя таверна в западных низах Годсгрейва на протяжении многих лет удивительно часто меняла свое название. Изначально она называлась «Горящий куст», и ее первой владелицей была бывшая хозяйка борделя с довольно жизнерадостным отношением к болезням, нажитым за долгие годы непосильного труда. Спустя несколько лет таверну приобрел убежденный монархист и незадолго до свержения Франциско XV переименовал ее в «Золотого короля». После жестокой кончины славного монарха ее переименовали в «Убитого тирана», что большинство местных жителей посчитали охрентельно умным ходом. В течение последовавших десятилетий множество сменявшихся владельцев переименовывали таверну то в «Пьяного монаха», то в «Лоно дочерей»; она также носила забавное, хотя и необъяснимое название «Семеро жирных ублюдков» (в тот момент владельцев было всего двое, и ни один из них не был особо тучным). В конце концов ее приобрели предводитель браавов по имени Джузеппе Антолини и его новая жена Ливия и нарекли заведение «Клятвой влюбленных». Однако вскоре после покупки Джузеппе исчез, и Ливия стала единоличной владелицей таверны и банды, придумав себе прозвище «Донна», а заведению – «Собачий корм». Ходят слухи, что как-то раз она застала своего возлюбленного за совокуплением с одной из служанок и, согласно застольным сплетням, отрубила ему причиндалы и скормила их своему псу Оли. Независимо от того, насколько правдивы эти слухи, стоит отметить, что новичка в «Собачьем корме» встречает откормленный пес, сидящий у очага, а также острый, как бритва, тесак, висающий над барной стойкой.

– Позвольте мне уточнить, – начала Мия. – Вы – банда воров, сутенеров, вымогателей и убийц. И **ВЫ** говорите мне, что я недостаточно хороша, чтобы выпить здесь?

– Ага, – ответил Широкий.

– Иди на хер, – добавил его напарник.

Мия многозначительно поправила корсет. Браавы и глазом не повели. Наконец она скрестила руки и вздохнула.

– Сколько вы хотите?

Сирота прищурился.

– А сколько у тебя есть?

– Два священника?

Привратник посмотрел по сторонам улицы и кивнул.

– Тогда давай их сюда.

Мия вытащила кошелек и подкинула каждому из привратников по железной монете. Те исчезли в их карманах быстрее, чем укурок исчезает в дыме в день выплаты жалованья.

Мия уставилась на парочку, подняв брови.

– Ну-у?

– Сегодня сюда нельзя, – сказал Сирота.

– Таких, как вы, не обслуживаем, – поддержал Широкий.

Привратники расступились, чтобы пропустить еще одну группу гуляк (которые несли уличный указатель и немного встревоженную овцу), попутно пожелав им хорошего вечера. Все вновь прибывшие были мужчинами. Мельком заглянув в заведение, Мия заметила, что внутри все до единого посетители тоже мужчины. И где-то в ее голове на нее снизошло Озарение и сняло перед ней шляпу.

– А-а-а-а, – протянула она. – Ве-е-е-ерно.

– Верно, – кивнул Широкий.

Сирота почесал подбородок и задумчиво кивнул.

– Ну, тогда... – сказала Мия.

– ...Что тогда?

– Тогда могу я получить обратно свои деньги? – спросила девушка.

– Ты в этом ужасна, – ответил Широкий.

– Просто кошмар, – поддакнул Сирота.

Мия надулась.

– Мистер Добряк сказал, что я совершенствуюсь.

– Кем бы ни был этот Мистер Добряк, он гребаный лжец.

Привратники синхронно сложили руки, как парочка танцоров.

Мия вздохнула.

– Доброй вам ночи, любезные джентльмены.

И, поклонившись, вышла обратно под дождь.

– Не произноси ни одного гребаного слова, – предупредила она Мистера Добряка.

Девушка сидела на крыше напротив заведения и смотрела на балкон на четвертом этаже. Не-кот устроился рядом и вилял хвостом.

– ...Учитывая, как прошло твое детство, неудивительно, что тебе не хватает навыков общения с людьми...

– Ни одного. Гребаного. Слова.

– ...Мяу...

– ...**Строго говоря, это все равно слово...** – прорычала Эклипс.

– Да, – Мия предостерегающе подняла палец. – Услышу еще хоть одно и официально внесу твое имя в «Книгу Обидчиков».

Мистер Добряк поднял полупрозрачную лапу и прижал ее к месту, где у него должен был находиться рот. С неба по-прежнему лил теплый дождь, капая в лицо Миш. Джессамина закончила привязывать длинный шелковый трос к железному крюку и покорно передала другой его конец своему Клинку.

– Не забудь про карту, – предупредила рыжая. – И дождись, пока я спущусь на улицу, прежде чем перебираться на крышу. Никто не поднимет глаз, пока будет смотреть на меня.

– Я знаю. В конце концов, это была моя идея, Джесс.

– А эти штаны – тоже твоя идея? – Джессамина окинула Миш оценивающим взглядом. – Поскольку они определенно не делают чести твоей заднице.

– Ой, прекрати, а то я лопну от смеха.

– Как и тво...

– Как и мои штаны? – Миш закатила глаза. – Да-да, браво, ми донна.

– Я буду ждать твоего возвращения на крыше. И попытайся не умереть, лады? Я буду очень разочарована, если ты умрешь не от моей руки.

Миш показала костяшки. Рыжая усмехнулась и без дальнейших оскорблений начала спускаться по лестнице. Толпа поредела из-за дождя, но из «Корма» по-прежнему выходили люди; другие плелись домой после веселой неночи. Миш наблюдала, как Джессамина топает по улице, направляясь прямо к юноше, который только что вышел из дома удовольствий.

– Ах ты ублю-ю-юдок! – закричала она, обвинительно тыча пальцем ему в лицо.

– А? – удивленно заморгал тот.

– Ты говорил, что пойдешь к брату! – продолжала орать Джессамина. – Но вот ты здесь, пьешь и трахаешься со шлюхами за моей спиной!

Джентльмен недоуменно нахмурился.

– Ми донна, я...

– Не доннкай мне тут! – Джесс шагнула ближе, выпуская пар. – Вот какой пример ты подаешь нашему сыну? О, пресвятые Четыре Дочери, почему я не прислушалась к словам матери? А ведь она предупреждала меня о тебе!

Гуляки и привратники браавов внимательно прислушивались к уничижительной тираде Джесс; паренек, на которого она набросилась, не успевал даже слово вставить. И поскольку все взгляды были обращены на обиженную возлюбленную и ее пьяного кавалера, Миш воспользовалась своим шансом.

Закинув кошку на расстояние в пять метров, она зацепилась ею за кованные железные перила и крепко привязала трос. Миш находилась в четырех этажах над землей. Если она упадет, ее размажет по всей мостовой, а ведь перила были скользкими из-за дождя. Тем не менее, быстро, как ртуть, она шагнула в пустоту между зданиями и начала осторожно красться вперед.

Бесстрашная.

Добравшись до крыши борделя рядом с «Кормом», она выглянула из-за дымоходной трубы и совсем не удивилась, обнаружив возле двери на чердак двух несчастных браавов, стоявших под одним зонтом. Миш была уверена, что могла бы с легкостью устранить охранников белым чудно-стеклом из мешка – если бы она кинула архимические сферы к ногам мужчин, те бы выпустили достаточно большое облачко «синкопы», чтобы охранники мгновенно потеряли сознание. Но чудно-стекло взрывалось с довольно громким хлопком, а шум мог поднять тревогу.

– ...Мффгльм... – пробубнил Мистер Добряк.

– Что?

– ...Он сказал «мффгльм»...

– Дочери, ладно, ладно, можешь говорить.

Не-кот прокашлялся.

– ...Где комната Донны?..

Эклипс кивнула на угловые окна на верхнем этаже. Они были зашторены и не давали ни намека на то, что происходило за ними.

– ...*Когда я смотрела в последний раз, с ней было пятеро мужчин...*

– Мне не нравится идея врываться туда вслепую, – пробормотала Мия. – И есть вероятность, что карты там еще нет.

– ...Может, начнешь с притона черниломанов, поднимешься наверх и спрячешься, пока карта не прибудет?..

– Звучит подозрительно похоже на план.

Мия спустилась на узкий выступ третьего этажа борделя и прыгнула сквозь пелену дождя на балкон «Собачьего корма». Выждав пару секунд, чтобы прислушаться к звукам внутри, заглянула в замочную скважину двери в спальню. На кровати с балдахином спали вповалку четверо мужчин разной степени обнаженности, на мехах рядом с ними валялись пустые чернильные иглы. Для всего мира они были мертвы.

Тихая, как тень, Мия достала отмычки из каблука сапога, умаслила замок балконной двери и скользнула внутрь. Квартет не очнулся от своих навеянных чернилами грез. Девушка смахнула капли дождя и уже начала красться мимо кровати, как вдруг послышался тихий стук. Мия с молниеносной скоростью пронеслась по комнате и спряталась за дверью в тот же момент, как та медленно начала приоткрываться.

– Обслуживание, – раздался юный голос. – Ми доны? Я принесла сахарную воду.

Внутрь вошла девочка в золотой маске куртизанки. Выглядела она как подросток, но одета была как женщина – в платье из черной потертой тафты и дешевого шифона. Она несла серебряный поднос с четырьмя красивыми кубками и графином с жидкостью лазурно-морского цвета. Увидев спящих черниломанов на кровати, служанка замолчала и повернулась, чтобы закрыть дверь и приглушить шум, доносящийся снизу.

В небе за балконной дверью сверкнула молния. Из-за спины девочки возникла рука и забрала ее поднос. Другая накрыла ей рот.

– Тихо, тихо, – прошептала Мия.

Та застыла, словно статуя на улице Тирана.

– Я не желаю тебе зла, милая, – сказала ассасин. – Даю слово. Я уберу руку, если обещаешь не кричать.

Девочка кивнула, ее грудь часто поднималась и опускалась. Мия медленно убрала ладонь с ее губ и шагнула назад, положив руку на рукоять меча из могильной кости. Девочка медленно повернулась, осмотрела ее с ног до головы – клинки, черный наряд, острый взгляд, – и задышала еще чаще, поскольку поняла, кто перед ней. Она оглянулась на кровать, ища признаки убийства.

– Я пришла не за ними, – заверила Мия.

– Ты... пришла за мной?

Клинок окинула ее взглядом – глубокое декольте, тугой корсет, золотая маска. Женщина вдвое старше нее еще могла бы чувствовать себя комфортно в подобном наряде. Могла бы наслаждаться силой, которую он давал. Но перед ней стоял почти ребенок.

...Почти ребенок?

«Дочери, а я кто?»

Мия знала, что должна возвращаться к своим делам. Донна была наверху, карта – в пути, а ей требовалось прикончить первую и украсть вторую до утра. Но было в этой девочке что-то такое... Просто одна из дюжины, работающих в этих стенах. Какова вероятность, что Мия сама не оказалась бы в подобном месте, если бы ее не нашел Меркурио? Если бы ее жизнь сложилась немного иначе?

Мия знала, что это мягкосердечие. Что она должна быть сталью. И все же...

– Сколько тебе лет? – спросила она.

– Четырнадцать, – ответила служанка.

Мия покачала головой.

– Ты этого хочешь?

Та часто заморгала.

– Чего?

– Это то, о чем ты мечтала? – продолжила Клинок. – Когда была младше?

– Я... – ее взгляд уперся в меч на ремне Мии. В голосе появились невеселые нотки сарказма: – Я молилась Аа, чтобы он сделал меня принцессой.

Мия улыбнулась.

– Ни одна из нас не станет принцессой, милая.

– Нет, – коротко ответила девочка.

В комнате, словно утренний туман, повисло молчание. Мия просто смотрела на служанку, как всегда, позволяя тишине задать вопрос за себя.

– Лошади, – наконец ответила девочка, натянув платье на груди повыше. – Я мечтала работать с лошадьми. Может, думала о маленьком торговом фургоне. О чем-то простом.

– Звучит неплохо.

– У меня был бы черный жеребец по кличке Оникс. И белая кобыла Жемчужина. И мы бы мчали навстречу ветру, и никто бы нас не остановил.

– Так почему ты не исполнила свою мечту?

Девочка обвела взглядом комнату в борделе. В ее глазах погасли огоньки, и она беспомощно пожала плечами.

– Выбора не было.

– Ты могла бы выбрать мешки на их поясах, – Мия показала на костеродный квартет на кровати. – Драгоценности на их шеях. Я знаю мужчину по имени Меркурио, который живет в некрополе. Если скажешь, что тебя послала Мия, он поможет тебе обустроиться. Возможно, там, где есть лошади. Там, где ты хотела бы быть.

Взгляд на дверь. Страх в подведенных глазах.

– Меня поймают.

– Нет, если ты быстрая. Если ты умная.

За окном прогремел гром.

– К сожалению, нет, – ответила девочка.

– Это в тебе говорит Страх. Никогда его не слушай. Страх – трус.

Она осмотрела Мию сверху донизу и покачала головой.

– Я не такая, как ты.

Девушка увидела свое отражение в глазах служанки, когда небо вновь расколола молния. Мертвенно-бледная кожа. Могильная кость на поясе. Тени в глазах.

– Вряд ли ты хочешь стать такой, как я, – ответила она. – Но я сомневаюсь, – Мия протянула руку и развязала ленты золотой маски, – что это то, кем хотела бы быть ТЫ.

Лицо за маской оказалось истощенным. На губе заживала старая рана. Красивые глаза выглядели усталыми.

– Но это твой выбор. Всегда только твой.

Девочка перевела взгляд на черниломанов. Снова на Мию.

– И много их наверху? – спросила ассасин.

Служанка кивнула. Облизала разбитые губы.

– Худшие из них.

– Этим вечером сюда должны доставить пакет. Тебе что-нибудь об этом известно?

Девочка покачала головой.

– Мне мало что рассказывают.

Мия посмотрела на хрустальные кубки, графин и серебряный поднос. На девочку с уставшими глазами. Та, в свою очередь, смотрела на мешочек, валявшийся в куче разбросанной одежды черниломанов. На золотое кольцо на пальце одного из них.

– Как тебя зовут? – спросила Мия.

Девочка моргнула. Вновь взглянула на нее.

– Белль.

– Можешь оказать мне услугу, Белль?

В ее глазах мелькнула настороженность.

– Какую услугу?

Мия медленно обошла ее кругом. И кивнула.

– Можешь мне одолжить это платье?

Мию и Маттео увели с арены два стража в латах и плащах с символом семьи Рем. Глядя на сокола на их груди, Мия ощутила, как нарастает неприятное чувство в ее животе. Сидоний, хромая, вышел из лазарета в задней части крепости. После драки с Мией мужчине зафиксировали нос деревянной шиной и наложили швы на лоб. Девочка по имени Личинка вышла следом, подошла к крупному мастифу и позволила ему слизать кровь Сидония с ее пальцев. Она посмотрела на Мию и вновь скромно улыбнулась.

Мия не знала, как относиться к этой девчонке, и, несмотря на горечь поражения от руки экзекутора, улыбнулась в ответ.

Стражи подобрали Сидония, и новобранцев повели к огромным двустворчатым дверям в задней части крепости. Там их встретила худая женщина с длинными седыми волосами и тремя кольцами на щеке. Ей было около пятидесяти, и она держалась почти как королева. Ее тело облегалось струящееся платье из дорогого красного шелка, а шею опоясывал серебряный торквес, как у Фуриана.

– Я Антея, мажордом этого дома, – сказала она. – Управляющая хозяйством домины. Вы будете называть меня магистра. Прежде чем запереть на неночь, вам дадут помыться и накормят. Если у вас есть ко мне вопросы, можете задавать их.

Сидоний потер рукой окровавленный подбородок и смерил женщину взглядом.

– А вы потрете мне спинку, донна?

Магистра покосилась на стражей. Мужчины достали деревянные дубинки и выбили из Сидония дерьмо прямо в холле. Мия закатила глаза, гадая, как этот итреец может быть таким тупым. После хорошей взбучки – уже второй за перемену – Сидоний лежал на плиточном полу в брызгах собственной крови.

– Это н-нет... как я понял?..

– Не путай меня с обычной служанкой, щенок, – сказала магистра; ее темные глаза впились в надпись «ТРУС», выжженную на его груди. – Я знаю нашу домину с тех пор, как она была ребенком, и в ее отсутствие я – глава этого дома. А теперь хватит пачкать мой пол и следуй за мной.

Сидоний поднялся на дрожащих ногах, его лоб и губы кровоточили. Мия наблюдала за магистрой уголком глаза. Женщина напоминала мажордома ее отца – лиизианца по имени Андриано, – который управлял этим домом, когда на стенах еще развевался герб семьи Корвере. Он тоже был рабом, но вел себя как свободный человек. Антея, похоже, была сделана из того же материала.

«Как говорится, чем больше перемен...»

– Можно вопрос, магистра? – спросила Мия.

Антея оглянулась и пристально на нее посмотрела, прежде чем ответить:

– Задавай.

– Я видела соколов на стенах во дворе. – Мия скривилась, массируя ушибленные ребра. – Но разве наша домина не из семьи Леонида?

– Сокол – символ Марка Рема, – кивнула женщина. – Да благословит и сохранит его Аа. Это был его дом, полученный в награду за службу республике после Восстания Царетворцев. Ныне он отправился на вечный покой у Очага, и замок перешел во владения его вдовы, твоей новой домины.

Неприятное ощущение в животе Мии достигло самых пят.

«Я так и знала, мать вашу!»

Мия понятия не имела, где сейчас Мистер Добряк, но почти слышала его упрек у себя в ушах. Она не только проворонила место в желанной коллегии, но еще и попала в рабство к жене судьи, которого сама же и *убила*. С каждой новой переменной ее замысел все ниже и ниже спускался по канализационной трубе...

«Будь спокойной. Будь терпеливой. Леона никогда не узнает».

Мия склонила голову и покорно последовала за магистрой. Их провели по широкому залу, вся троица хромала после мучительной тренировки. Мия еще приходила в себя после новостей о Леоне, об еще одном даркине, но где-то на задворках сознания дитя, которое бродило по этим коридорам, изумлялось, как сильно поменялось Воронье Гнездо. Планировка осталась нетронутой, но интерьеры...

Донна Корвере предпочитала роскошь во всем, но теперь помещения стали проще – прекрасные гобелены и ковры сменились рыцарскими доспехами и боевым оружием. Мие хотелось посмотреть на свою старую комнату, на океан с балконов, но ее со спутниками повели по спиральной лестнице в холл и к клеткам. Дальше путь ограждали железные подъемные решетки, на стене рядом находилось сложное механическое устройство. Страж вставил странный ключ, нажал по очереди какие-то рычажки. Решетки поднялись, и магистра загнала Мию и остальных внутрь.

Дарий Корвере использовал просторный нижний уровень для проживания в суровые летние месяцы, но теперь его переоборудовали в казарму. Помещение поделили на шесть клеток, огражденных рядом тяжелых железных прутьев.

«Очень щедро со стороны донны позволить своим питомцам жить под землей...»

Проходя мимо клеток, Мия заметила свежую солому, огромные кандалы. На стенах сияли архимические сферы. В казарме пахло дерьмом и потом, но, по крайней мере, здесь было прохладно. Стража провела их в конец длинного коридора, где обнаружилась большая купальня в завесе густого пара. Магистра запустила Мию и ее спутников внутрь, стража осталась снаружи. Мажордом выжидательно посмотрела на них.

– Раздевайтесь, – приказала она.

Другая девушка возраста Мии залилась бы краской. Стала бы дрожать или просто отказалась бы это делать. Но Мия рассматривала свое тело как очередное оружие, не менее опасное, чем любой клинок. Ткачиха Мариэль одарила ее достаточно острыми изгибами, чтобы убить человека, если появится надобность, а Мия загубила столько жизней, что и не сосчитать.

Какая разница, если она оголит немного кожи?

Посему девушка, не мешкая, сняла свои лохмотья и сапоги и замерла обнаженная, окутанная паром. Сидоний еще не отошел от сегодняшних избиений, чтобы обратить на нее внимание и оценить по достоинству, но Мия заметила боковым зрением, как Маттео упивается видом ее тела. Магистра указала на каменную лавочку рядом с бассейном. Мия увидела бритвы, расчески и мыло.

– Гладиаты моются вместе, едят вместе, сражаются вместе, – объяснила женщина. – Но до тех пор, пока вы не переживете Отсев, вы будете сами печься о своей гигиене. Имейте в виду: я не потерплю грязь под этой крышей. И позаботься о своих волосах, девочка. – Магистра

посмотрела на длинные грязные локоны Мии. – Если я найду в них хоть одну вошь, то все срежу.

Женщина подняла точеную седую бровь, ожидая вопросов. Спустя несколько мгновений коротко кивнула.

– Я вернусь через двадцать минут. Заставите меня ждать – и будете вознаграждены поркой.

Магистра ушла, но стражи остались дежурить за дверью. Мия залезла в ванну и со вздохом погрузилась под воду. Температура была идеальной, и девушка наслаждалась теплом, водя руками по своей коже. Убрав волосы со лба, она наконец вынырнула, смаргивая капли с ресниц. Мия бросила взгляд на Маттео и приподнялась так, чтобы ее грудь показалась над поверхностью воды. Юноша входил в бассейн и прикрывал ладонями свою промежность, безуспешно пытаясь скрыть эрекцию.

– Четыре Дочери, ты им кому-нибудь глаз проткнешь! – прорычал Сидоний. – Такое впечатление, будто ты никогда раньше сисек не видел.

Маттео показал костяшки, и Мия засмеялась. Затем потянулась к медовому мылу, размышляя, как будет воспринято предложение мира. Зачастую отморозки отваливали, стоило дать им отпор...

– Не будь ты такой свиньей, Сидоний, я бы даже сочла тебя забавным.

– Да, что ж, не будь ты такой мандой, я бы даже счел тебя привлекательной, вороненок.

– Думаю, я как-нибудь переживу.

Итреец усмехнулся и осторожно коснулся рукой сломанного носа. Хоть она и устроила ему взбучку, похоже, Сидоний не принял это близко к сердцу, и Мия решила, что он один из тех, кто выражает свои чувства посредством насилия. Из тех, кто войдет в таверну и выбьет все дерьмо из первого попавшегося человека, который косо на него посмотрит, но стоит драке закончиться, как он будет называть своего противника «братом» и купит ему выпивку. После того как она поставила его на место, мужчина, казалось, был настроен более добродушно. И все же, наблюдая, как Сидоний трогает свои новые швы, Мия не знала наверняка, что бы он предпочел: трахнуть ее или убить.

– Кто тебя подлатал? – спросила она, смаргивая мыльную пену. – Та девочка?

– Ага, – кивнул Сидоний. – Все зовут ее Личинкой.

– Что это за имя такое?

Здоровяк погрузился в воду по подбородок.

– Без понятия. Но она ловко управляет с иглой. И умело. Ее ждет много работы после Отсева.

Маттео наконец оторвал взгляд от груди Мии и нахмурился.

– Что это вообще за Отсев, о котором все говорят?

Сидоний фыркнул.

– Откуда ты такой взялся, парень?

– Из Ашкаха. Я жил неподалеку от Пылепадов.

– И что, там нет арен?

Маттео покачал головой.

– Я даже океан ни разу не видел до прошлого месяца. Никогда не покидал свою деревню. А теперь я здесь. Запертый с итрейскими свиньями и двумерскими дикарями.

– Следи за языком, – Сидоний поднял бровь. – Я итреец.

– Вот-вот, – поддакнула Мия. – А самый гениальный юноша, которого я когда-либо встречала, был двумерцем.

Сидоний кивнул.

– Так что на моем месте я оставил бы это дерьмо при себе, деревенщина.

Маттео пробормотал извинения и замолк. Шли минуты, юноша возился с мылом, в конце концов уронил его и начал шарить руками в воде.

– Как ты здесь оказался? – спросила Мия.

Маттео пожал плечами, из-за пара его темные кудряшки липли к коже.

– Меня продал отец. Всему виной карточные долги. Отделался от меня ради денег.

– Хер господний, – прорычал Сидоний. – А я считал *себя* бесчувственным.

– Ты неплохо владеешь мечом, – заметила Мия. – Где ты научился драться?

– У дяди, – юноша провел пальцами по волосам; Мия невольно засмотрелась, как играют мышцы на его руке, пока распутывала свои колтуны. – Я собирался присоединиться к легиону. Надеялся, что однажды меня отправят в крупный город. Всегда хотел увидеть Город мостов и костей.

– Возможно, твое желание сбудется, – ответила Мия. – «Венатус Магни» проходят в Годсгрейве.

– Что это?

– Величайшие игры в году, – объяснил Сидоний. – Их проводят во время истиносвета, когда все глаза Аа открыты в небе. Все деньги достаются выигравшему сангиле. А гладиат, который победит в «Магни», получит главнейший приз, лучший из всех.

В темно-карих глазах Маттео загорелась надежда.

– Свободу?

Крупный итреец кивнул.

– Гладиат может выкупить свою свободу, если выиграет достаточно монет. Но гладиат, который победит в «Магни», получит свободу от самого бога.

Юноша недоуменно нахмурился, явно не улавливая мысли. Сидоний закатил глаза.

– Слышал басню о нищем и рабе?²¹

– Да.

– Ну, чтобы почтить бога Света во время истиносвета, каждого нищего в Годсгрейве кормят из казны республики. А чемпиону «Магни» дарует свободу сам великий кардинал. Облаченный в одни лохмотья, прямо как Аа в евангелии.

Сидоний подался вперед, его глаза заблестели.

– А затем, будто этого недостаточно, гребаный *консул* наденет на тебя венок победителя. Только представь себе! Обезумевшая толпа. Этот богобоязненный ублюдок Дуомо, переодетый в нищего, и костеродный придурок Скаева целуют тебя в зад на глазах у всей арены, – Сидоний расплылся в безумной улыбке. – Каждая женщина в Годсгрейве будет знать твое имя. Ты будешь купаться в кисках до конца своей жизни, деревенщина.

Мия взглянула на рябь на воде. Представила все это снова, как делала на протяжении уже многих месяцев. Великого кардинала Дуомо, стоящего на расстоянии вытянутой руки и одетого в тряпье бедняка.

Ни одного собора поблизости.

Никакого убранства священника на его плечах.

²¹ Притча из Евангелия от Аа. В одну прекрасную перемену мудрый бог Света решил проверить благородство своих подданных. Посему он переоделся в лохмотья нищего и сел перед грандиозным храмом, построенным в его честь, поставив рядом миску для милостыни. Мимо прошел король в своей золотой короне, и нищий попросил о монете. Но король ему отказал. Мимо прошел кардинал в шелковой мантии, и нищий снова попросил о монете. Но кардинал ему отказал. Затем пришел раб, и Аа, будучи мудрым, ни о чем не просил, поскольку мужчине было нечего дать. Но увидев, в каком тяжком положении находится нищий, раб снял с себя плащ – свое единственное имущество – и накинул его на плечи старого бедняка. Тогда Аа отбросил свою маску и встал, а изумленный раб пал на колени. «Прошу, – молвил Аа. – Встань. Ведь даже в бедности ты не лишен достоинства. Волею моею ты больше никогда не будешь преклоняться». И тогда бог Света наградил раба свободой. Тот был очень доволен. И никто не задался вопросом, что бы раб дал *следующему* нищему, если бы первый не оказался богом, или не задумался о том, что с точки зрения экономической политики королю не имеет смысла разгуливать по улицам и раздавать обездоленным деньги налогоплательщиков, когда государственная инфраструктура остро нуждается в капитальном ремонте, и почему создатель Вселенной не нашел занятия получше, чем спуститься на землю и морочить людям головы. Пф-ф-ф. Притчи.

«И никакой троицы на шее...»

А рядом с ним – консул Скаева с венком победителя в руке...

– И все, что требуется, это победить в «Венатусе Магни»? – спросил Маттео.

Сидоний вытарашил глаза.

– Все? Да, это *все*, что тебе нужно сделать. Просто победить в величайших играх в республике. Сражаясь с лучшими гладиаторами под солнцами. Эта коллегия пока даже не прошла отбор, чтобы *участвовать* в играх.

– Ну, и как мы это сделаем?

– С большим трудом, – вздохнула Мия. – Коллегия, которая зарабатывает достаточно венков до истиносвета, может послать от себя гладиаторов. Но, судя по всему, у нашей домины это первый сезон соревнований, и, похоже, на ее имени только один венок победителя, – девушка насупилась. – Фуриана.

– И мы трое пока очень далеки от арен, – проворчал Сидоний. – Прежде чем мы вообще попадем в число гладиаторов, нам нужно пережить Отсев.

– Ну так объясни наконец, – потребовал Маттео. – *Что* это за Отсев?

– Отбраковка, – ответил Сидоний. – Она проводится перед каждой важной игрой, ведущей к «Венатусу Магни». Отделяет зерна от плевел.

– Никто не знает, как будет проводиться новый Отсев, – добавила Мия. – Эдиторы меняют его каждый год. Но следующий будет проходить через две недели. В Блэкбридже.

Маттео с трудом сглотнул, его челюсти заходили желваками.

– Но если мы не знаем, как он будет проводиться, то как к нему подготовиться?

– Ты молишься? – спросила Мия.

– ...Да.

Девушка пожала плечами.

– На твоём месте я бы начала с этого.

Глава 9

Шаги

Мия медленно шла по коридору, держа в руках серебряный поднос. Мимо проходили другие служанки, разнося напитки, мисочки с фиолетовыми грезюцветами и пузырьки с чернилами. Рубашку она оставила в комнате, но под платьем с корсетом по-прежнему были штаны, меч, стилет и мешочек с чудно-стеклом на поясе. Она шла осторожно, надеясь, что всем своим видом демонстрирует грациозность, а не девушку с небольшим оружейным складом, болтающимся в промежности.

Мия дошла до лестницы в конце коридора и вознамерилась молча протанцевать мимо двух каменных глыб, стоявших по бокам. Но тут один из них заговорил, и девушка замерла.

– Доброго вечера, Белль.

В комнате она надела золотую маску куртизанки и водрузила на голову припудренный парик Белль. Мия была на добрых четыре или пять сантиметров выше служанки и более мускулистой, но фигура у нее была почти такой же, а именно на нее в основном обращал внимание верзила.

– Лазло, – поздоровалась она, слегка присев в реверансе.

«Он туповат, – сказала ей Белль. – Просто пококетничай с ним, и он позволит тебе пройти».

– Ты, как всегда, прекрасен, – улыбнулась Мия.

– Куда это ты направляешься? – спросил второй мужчина, глядя на поднос.

«Дарио, – предупредила Белль. – Он злой. Но даже тупее Лазло».

Мия кивнула на лестницу.

– Толивер и Веспа заказали бутылку для Донны.

Дарио посмотрел на Лазло, тихо бормоча:

– Мы не должны никого пропускать, пока...

– Хер господний, мужик, да пусть идет, – ответил Лазло. А затем нежно провел пальцем по руке девушки, и ей потребовались все силы, чтобы не стряхнуть его ладонь со своего плеча. – Поднимайся, голубка.

У Миш волосы на голове встали дыбом от мысли, что взрослый мужчина называет четырнадцатилетнюю девушку своей «голубкой». Она начала осторожно подниматься по ступенькам. Судя по словам Дарио, карта еще не прибыла, но продавец должен был скоро приехать. Слыша, как по крыше барабаны капали, Мия шла по роскошному коридору, завешанному портретами обнаженных красавиц и красавцев. В конце ее ждали двустворчатые двери с двумя стражами по бокам; благодаря сведениям, добытым Эклипс, она знала, что за ними находится кабинет Донны.

– ...**Внутри пятеро мужчин и твоя цель...** – раздалось тихое рычание у ее ног.

– ...Хотя ни один из них не доставит особых проблем...

Пятеро мужчин, плюс Донна, плюс все, кого привезет с собой владелец карты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.